

Алла Градинарова =====

О СПЕЦИФИКЕ БОЛГАРСКОГО ЭКСПЕРИЕНЦЕРА В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКИХ И РУССКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ ВОСПРИЯТИЯ)

Сопоставительное исследование русских и болгарских предложений со значением восприятия позволяет увидеть национальную специфику этих конструкций, особенности представления Субъекта восприятия в болгарском языке в сравнении с русским.

Болгарский кадровый Субъект восприятия, кодируемый Дативом, является одновременно и доксическим Субъектом (субъектом недоверного знания, мнения)¹. Покажем это на примерах.

Русское и болгарское предложения *Я думаю, что пахнет мятой; Аз мисля, че мирише на мента* («X считает вероятным, что P») содержат прототипическое, эксплицитное выражение ментального состояния Субъекта. В болгарском *Мирише ми на мента* («Кажется, пахнет мятой») устранен предикат ментального состояния, но краткая форма личного местоимения в дательном падеже (*ми*) указывает на его Субъект. В русском *Кажется, пахнет мятой* ментальный модус редуцируется за счет устранения Субъекта, нулевая форма которого прочитывается как дейксис (указывает на говорящего). Импликация ментального модуса имеет следствием объективацию содержания высказывания: субъективное мнение трансформируется в достоверное знание. Предложения *Пахнет мятой; Мирише на мента* толкуются конструкцией с подчиняющим предикатом знания: «X знает, что P».

У болгарского глагола *мириша* Экспериенцер, выраженный Дативом, и его нулевая форма противопоставлены относительно значения *недоверное знание (мнение) – достоверное знание*. Доксический Субъект в Дативе – это Субъект высказываний, получивших название *импрессивных* и входящих в группу так называемых «неуверенных сообщений» [Об импрессивных высказываниях см.: Булыгина, Шмелев 1993, 80-82]. Ср. дательный беспредложный Авторизатора в русских моделях с типовым значением «Предмет и его качество/квалификация», не включающих ментальных предикатов: *И мир ему – горяч как сковородка, сжигающая руки до крови*. Б. Ахмадулина [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998, 290-293].

В числе кадровых актантов русского глагола *пахнуть* нет Экспериенцера. Субъект восприятия у *пахнуть* – закадровый Наблюдатель.

Глагол *мириша* имеет и диатезу с Агенсом: *Той мирише цветето* («Он нюхает цветок»). В этом употреблении болгарский глагол, так же как и русский *нюхать*, не включает в свою семантику компонента «идентификация запаха». Диатеза – это один из параметров, различающих в русском языке два глагола (*пахнуть* и *нюхать*), а в болгарском – значения одного (*мириша*).

Таксономическая категория представляет другой разграничивающий параметр: *Цветето мирише; Цветок пахнет* – свойство; *Той мирише цветето; Он нюхает цветок* – намеренная и контролируемая деятельность.

В болгарском предложении *Цветето ми мирише на мед* «Мне кажется, что этот цветок пахнет медом» Субъект ментального состояния в Дативе (*ми*) можно соотнести

с Агенсом предложения \emptyset *Мириша цветето*² «Я нюхаю цветок». Связь этих Субъектов объяснима: Агенс в результате намеренного действия (*Мириша цветето*) становится Экспериенцером – приходит к мнению (ментальное состояние), что Р (*Цветето ми мирише на мед*)³. Сравните подобную соотнесенность между Агенсом и Экспериенцером в диатезах разных болгарских глаголов: *Гледам го* «Я смотрю на него» – *Той ми изглежда уморен* «Он кажется мне уставшим» (букв. *Он выглядит мне уставшим); *Слушам го* «Я его слушаю» – *Той ми звучи убедително* «Его слова кажутся мне убедительными» (букв. *Он звучит мне убедительно)⁴.

В действительности Агенс далеко не всегда предшествует Экспериенцеру: состояние Субъекта восприятия часто не следует за его намеренным действием, а возникает независимо от его воли, то есть Перцепт является не Мишенью, а Стимулом.

Кодируемый Дативом болгарский Субъект восприятия, являющийся и Субъектом ментального состояния, может входить в актантную структуру глаголов, не имеющих ни в одной из своих диатез ни Агенса, ни Экспериенцера в Номинативе. Русские соответствия таких глаголов, если они есть, кроме того, что не сочетаются с Агенсом, не имеют и кадрового Экспериенцера. Кроме уже приведенных глаголов *изглеждам* «выглядеть» и *звуча* «звучать», см.: *Това сирене нещо ми синее* «Эта брынза что-то мне кажется синеватой» – (букв. *Эта брынза что-то мне синее); *Тази бира ми горчи* «Мне кажется, что это пиво горчит» (букв. *Это пиво мне горчит); *Това вино ми киселее* «Мне кажется, что это вино кислит» (букв. *Это вино мне кислит); *Този хляб ми сладни* «Этот хлеб кажется мне сладковатым» (букв. *Этот хлеб мне сладчит) и т. п.

Такой тип соотнесенности Агенса и Экспериенцера в Дативе, как в диатезах глагола *мириша*, нерегулярен для болгарской глагольной лексемы. В болгарском языке, однако, имеется и регулярная соотнесенность Дательного Субъекта с Агенсом исходной диатезы: *Аз пия* «Я пью» → *Пие ми се* «Мне хочется пить» (букв. *Мне пьется); *Аз ям* «Я ем» → *Яде ми се* «Мне хочется есть» (букв. *Мне естся); см. также так называемый «модальный пассив»: *Той яде пържени картофи* «Он ест жареную картошку» → *Ядат му се пържени картофи* «Ему хочется жареной картошки» (букв. *Ему естся жареная картошка); *Аз гледам този филм* «Я смотрю этот фильм» → *Гледа ми се този филм* «Мне хочется посмотреть этот фильм» (букв. *Мне смотрится этот фильм); *Той слуша тези песни* «Он слушает эти песни» → *Слушат му се тези песни* «Ему хочется слушать эти песни» (букв. *Ему слушаются эти песни) и т. п.

Речь идет о соотнесенности с исходной диатезой конструкций со значением независимой от воли Субъекта расположенности/нерасположенности его к определенному виду деятельности. В сравнении с русским болгарский язык накладывает значительно меньше запретов на образование подобных трансформов.

Как было отмечено, болгарский Субъект восприятия в Дативе маркирован относительно значения *недостовверное знание (мнение) – достовверное знание*: он является Субъектом мнения¹. Субъект восприятия, являющийся и эпистемическим Субъектом (субъектом достоверного знания), имеет форму Номинатива или имплицитен. См. перевод русских предложений на болгарский язык:

Ему слышна песня – Той чува песен «Он слышит песню»;

\emptyset *Слышна песня – \emptyset Чува се песен*; ср. диатезу с Экспериенцером в Дативе, не являющимся Субъектом восприятия: *Не ми се чува вече за това* «Мне уже не хочется слышать об этом»;

Мне слышно, как... – \emptyset Чувам как... «Я слышу, как...»;

\emptyset *Слышно, как – \emptyset Чува се как...;*

Ему видна та дорога – Той вижда пътя «Он видит ту дорогу»;

\emptyset *Видна дорога – \emptyset Вижда се някакъв път;*

Мне видно, как... – ∅ Виждам как... «Я вижу, как...»;
∅ Видно, как... – ∅ Вижда се, как...

Сравните: *Мир мне видится чуть роднее* (А.Толстова) – *Светът ми се вижда по-близък* (при ментальном предикате со значением «казаться» Субъект мнения в Дативе); *Мне послышалось – Чу ми се, причуло ми се е*; *Мне привиделось – Привидя ми се, привидяло ми се е* (= представилось в воображении, показалось; доксический Субъект).

Сопоставление данных различных языков показывает, что релевантной для концептуализации ситуации восприятия и ее поверхностного оформления оказывается национально детерминированная ментальность, мироощущение и миропонимание Субъекта восприятия. Так, существенные различия в поверхностном представлении ситуации «перемещение запаха» в русском и болгарском языках связаны со спецификой осмысления этой ситуации русским и болгарским Экспериенцером⁵.

Русский Экспериенцер склонен к концептуализации названной ситуации как создаваемой неидентифицированной Силой, представленной на поверхностном уровне синтаксическим нулем со значением квантора. Немалую часть конструкций, передающих эту ситуацию, составляют в русском языке бесподлежащие модели с каузативными глаголами перемещения объекта *нести, понести, доносить, донести, наносить, тянуть, потянуть, потягивать* и резкого динамического контакта *бить, ударить*: *Солнце пекло; из полутемных сеней постоялого двора несло запахом теплого ржаного хлеба* (Тургенев)⁶; *Петр Петрович не спеша вынул батистовый платок, от которого понесло духами...* (Достоевский); *...Казалось, наносило откуда-то запахом старых, давно отлетевших дымов...* (В. Распутин); *...С неба падал тихий холодок, от огорода тянуло запахом укропа* (Тургенев); *В воздухе потянуло вкусным запахом плова* (Д. Корецкий); *...Из внезапно раскрытых дверей било грязным теплом, едким запахом спирта, красным отблеском ночников* (Тургенев); *...В нос ему ударило удушливым запахом гари, сивушной прелостью земли, и он понял, что так пахнут окопы* (В. Астафьев) и под.

В отличие от русского Субъекта восприятия болгарский Экспериенцер не видит неидентифицированных Сил в ситуации перемещения запаха. Ситуации, передаваемые русскими предложениями с компонентом «идентифицированный запах» в форме Творительного орудия или средства, болгарскому воспринимающему Субъекту видятся в другом ракурсе. Воздействующий на Экспериенцера запах оценивается как участник, создающий ситуацию, и кодируется Номинативом: *Из дома несло запахом теплого ржаного хлеба – От къщата се носеше миризмата на топъл ръжен хляб* (букв. «Из дома несся запах теплого ржаного хлеба»); *Оттуда доносило запахом рыбы – Оттам се донасяше миризма на риба* «Оттуда доносился запах рыбы»; *Из окна тянуло сладким запахом – През прозореца проникваше сладка миризма* «Через окно проникал сладкий запах»; *Из раскрытых дверей било запахом спирта – През отворените врата нахлуваше миризма на спирт* «Из раскрытых дверей вырывался запах спирта»; *В нос ему ударило удушливым запахом гари – В носа го удари задушливата миризма на изгоряло* (букв. «В нос его ударил удушливый запах гари»).

В диатезах болгарских глаголов, включающих имя реального Каузатора движения, это имя получает наивысший ранг реляционной иерархии – ранг подлежащего. Бесподлежащие русские конструкции типа *Ветром несло на них запах гари* (Г. Бакланов); *Ветром доносило до волков запах конский, однако водную преграду было им не одолеть* (Ю. Красавин) переводятся следующим образом: *Ветром донесло запах спелых яблок – Вятърът донесе миризмата на зрели ябълки* «Ветер донес запах

спелых яблок»; *Ветерком нанесло на него сладковато-приторный запах – Ветрецьт донесе до него сладникаво-тръпчива миризма* «Ветерок донес до него сладковато-приторный запах» и под.⁷

Болгарский Экспериенцер, подверженный интенсивному воздействию запаха, часто оказывается в позиции подлежащего пассивной конструкции: *Володю охватило тяжелым крепким запахом – Володя бе обхванат от тежката и силна миризма* «Володя был охвачен тяжелым и крепким запахом». В художественных переводах «претерпевающий» русский Экспериенцер подобных конструкций регулярно перемещается в позицию Номинатива, например: *Земята шла к ней, и Маргариту уже обдавало запахом зеленеющих лесов – Земята се приближаваше към нея и Маргарита вече усещаше дъха на раззеленилите се гори* (перевод Л. Минковой) «Земля приближалась к ней, и Маргарита уже чувствовала дыхание зеленеющих лесов».

Таким образом, особенности концептуализации внеязыковой ситуации Субъектом-Экспериенцером обуславливают различия в поверхностном оформлении болгарских и русских конструкций со значением восприятия. Представление самого Экспериенцера в болгарском языке в сравнении с русским интересно в первую очередь тем, что при кодировке Дативом он является одновременно и Субъектом недостоверного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мы не принимаем во внимание предложений, в которых Экспериенцер является и участником с ролью адресатного типа: *Иван показал эту книгу Петру* (Петр увидел книгу) – *Иван показа на Петър книгата; Мария спела эту песню Сергею* (Сергей услышал песню) – *Мария испя на Сергей песента*. В работе не рассматриваются также конструкции пассива с Субъектом восприятия в творительном падеже: *Помолчав, он кивнул, и это было замечено Борманом* (Ю. Семенов) – *След като помълча, той кимна и това беше забелязано от Борман; [Деятельность] чувствуется мною как мое субъективное усилие* (Н. Бердяев) – *[Дейността] се възприема от мен като мое субективно усилие; Той бе видян от съседа* «Его видел сосед» и под.

² В болгарском языке личное местоимение в именительном падеже нормативно представлено нулем в силу своей избыточности: на лицо Субъекта-подлежащего указывает глагольная флексия.

³ Ср. первичность агентивного *смотреть* по отношению к *смотреть* ментальному: *Он смотрит на меня* (Субъект агентивен) – *Он смотрит на жизнь просто* (Субъект экспериенциален).

⁴ Е. В. Падучева указывает на возможность кадрового Экспериенцера у русского *звучать* в XIX в.: «В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос нежный, И снились милые черты» (Пушкин) [Падучева 2001, 27]. *Звучал* у Пушкина – в значении «слышался, возникал в воображении», утраченном современным глаголом вместе с кадровым Субъектом восприятия. См. также наличие у *звучать* Агенса в языке конца XV века: *С щенницы звучаху трубами...* (Словарь

русского языка XI-XVII вв.); ср. у Пушкина: *Отряды конницы летучей, Браздами, саблями звуча, Сшибаясь, рубятся с плеча.*

⁵ Для данного анализа возможное несовпадение Экспериенцера с Говорящим несущественно.

⁶ Источниками примеров из художественных и публицистических текстов являются электронные корпуса и библиотеки: Уппсальский корпус русских текстов <<http://www.slaviska.uu.se/korpus.htm>>; Тюбингенские корпуса русских текстов <<http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de/cgi-bin/cqr.pl>>; Библиотека Максима Мошкова <<http://www.lib.ru/>>; Публичная электронная библиотека Евгения Пескина <<http://www.online.ru/sp/eel/russian/>> и др.

⁷ В бесподлежащих предложениях с глаголом *лъхам* (*От дърветата лъха на клей* В. Станков «От деревьев веет смолой»; *От косата ѝ ме лъхна на скъп парфюм* «От ее волос на меня пахнуло дорогими духами») сохраняется идея о неэксплицированном, но известном Каузаторе перемещения запаха – движущемся воздухе, ветре, поскольку в исходной диатезе переходный глагол *лъхам* (*лъхна*) обозначает веяние ветра: *Морският вятър ме лъхна в лицето* «Морской ветер пахнул мне в лицо».

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина, Шмелев 1993: *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Гипотеза как мыслительный и речевой акт // Логический анализ языка: Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Падучева 2001: *Падучева Е.В.* К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания, 2001, №4.

Валерий Занглигер =====

О ПОКАЗАТЕЛЯХ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ БЛИЗКИМИ ПО СОДЕРЖАНИЮ БИБЛЕЙСКИМИ И ПОСЛОВИЧНЫМИ ТЕКСТАМИ

Известно, что в пословицах отражаются морально-этические нормы, устоявшиеся в народном сознании. Еще В.И. Даль отмечал, что пословицы – ”это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый” [Даль 1984, том 1, 13]. Народная мораль формируется прежде всего под влиянием принятой народом религии. Почти все европейские народы являются христианскими. Поскольку каноном христианской веры является Библия, то многие пословицы у европейцев возникали под влиянием именно библейских текстов. Пословицы, возникшие под тем или иным библейским влиянием, принято называть пословицами библейского происхождения. ”Библия, – как подчеркивает А.А. Крикман, – очень важный паремический источник, который существенно обогатил пословичный репертуар почти всех европейских народов” [Крикман 1975, 51].

Влияние христианской религии на русскую жизнь по целому ряду причин было особенно сильным. Как отмечает русский философ И.А. Ильин, ”в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием... В течение веков православие считалось отличительной чертой русскости” [Ильин 1993, 268]. На основе христианства в его православном варианте в значительной степени формировалась не только система морально-этических ценностей, но и мировосприятие русских, их своеобразная языковая картина мира. Проникновение библейских выражений и библейской стилистики в русскую речь было настолько глубоким и обширным, что некоторые исследователи считают возможным говорить о ”библейской стихии русского языка” (см. работы Ю.А. Гвоздарева, Е.М. Верещагина, Н.П. Матвеевой, В.И. Макарова, Н.Г. Николаюк и др.).

Восприимчивым в отношении библейских выражений и библейской образности оказался и пословично-поговорочный жанр. Исследователи отмечают наличие библейских афоризмов ”уже в старших записях пословиц и поговорок, сделанных в XVII и XVIII веках” [Адрианова-Перетц 1971, 9]. В русском пословичном фонде сформировался обширный слой пословиц, восходящих к библейским текстам. Одних только пословиц, более или менее точно воспроизводящих библейский текст, насчитывается несколько сотен. Если же учитывать все пословицы, так или иначе связанные с библейскими текстами, то счет пойдет на тысячи. Наиболее полно пословицы этого типа представлены в сборнике Даля [Даль 1984], вышли и отдельные сборники пословиц библейского происхождения [Сирот 1985; Вечные истины 1995 и др.]. Многие из этих пословиц широко употребительны и в современной русской речи. По нашим наблюдениям, среди 300 наиболее употребительных русских пословиц пословицы библейского происхождения составляют почти 20 % .

Библейский текст принадлежит к книжной речи, в то время как ”пословица – лучшая форма просторечия; это не книжная, а живая разговорная речь” [Рыбникова 1961, 15]. Как единицы фольклорного жанра пословицы предназначены для устноречевого бытования. Библейская стилистика резко отличается от фольклорной,

поэтому точные библейские цитаты сравнительно редко переходят в разряд общеупотребительных пословиц. Это, как правило, библейские афоризмы, лишенные ярко выраженной библейской стилистики. Они изначально имеют простую и изящную форму и поэтому не нуждаются в дополнительной народной обработке. К пословицам можно отнести такие, например, общеизвестные библейские изречения, как

- ”Око за око, зуб за зуб”* (Матф., 5:38).
- ”У богатого много друзей”* (Соломон, 14:20).
- ”Не судите, да не судимы будете”* (Матф., 7:1).
- ”Не всякому слову верь”* (Сирах, 19:16).
- ”Железо железо острит”* (Соломон, 27:17).
- ”Дерево познается по плоду”* (Матф., 12:33).
- ”Бог дал, Бог и взял”* (Иов, 1:21).
- ”Всею свое время”* (Екклес., 3:1).
- ”Верному другу нет цены”* (Сирах, 6:15).

Большинство же библейских изречений, попадая в широкий речевой обиход, так или иначе трансформируется, претерпевая в процессе фольклоризации ”народную обработку”. В разговорной речи библейские изречения обычно в той или иной мере теряют признаки ”высокого стиля”, книжного языка. Изречения становятся короче, упрощается их синтаксическое построение, старославянизмы заменяются более понятной лексикой, у изречений нередко появляются характерные для пословиц ритмичность и рифма. Тем самым изречения приобретают признаки разговорной ”народной” речи, происходит процесс их фольклоризации, их превращение из книжных афоризмов в пословицы. Когда то или иное изречение, становясь пословицей, трансформируется незначительно, то связь между библейским и пословичным текстом легко замечается. Например:

”Кто копает яму, тот упадет в нее” (Екклес., 10:8). – *Кто другому яму роет, тот сам в нее попадет. // Не рой другому яму – сам в нее попадешь.*

”Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина” (Иеремия, 31:29). – *Отцы клюкву ели, а у детей оскомина.*

”Никакой пророк не принимается в своем отечестве” (Лука, 4:24). – *Нет пророка в своем отечестве.*

”Кроткий ответ отвращает гнев” (Соломон, 15:1). – *Кроткое слово гнев побеждает. // Кроткое слово и буйну голову смиряет.*

”Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино” (Сирах, 31:29). – *Кто вино любит, тот сам себя погубит.*

Нередко, однако, библейское изречение в процессе фольклоризации трансформируется настолько радикально, что формальная связь с библейским первоисточником почти утрачивается. Сравни, например:

”Обращающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится” (Соломон, 13:21). – *От много научишься, от глупого разучишься.*

”Во время сытости вспоминай о времени голода, и во время богатства – о бедности и нужде” (Сирах, 18:25). – *Пирог ядучи, помяни и сухую корочку.*

”Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован” (Соломон, 28:13). – *Повинную голову и меч не сечет.*

”Во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает скорбь” (Екклес., 1:18). – *С умом жить – мучиться, а без ума жить – тешиться.*

”Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселия” (Екклес., 7:4). – *Умный плачет, а глупый скачет.*

В русском пословичном фонде имеется очень много пословиц "библейского содержания", выраженного типично фольклорными средствами. Еще чаще, как отмечает В.П.Адрианова-Перетц, "между книжными афоризмами и пословицами наблюдается лишь общность оценки того или иного явления, свойства человеческого характера, поведения" [Адрианова-Перетц 1971, 12]. Далекое не все из этих пословиц можно считать трансформами тех или иных библейских изречений. Многие пословицы этой смысловой группы могли возникать в народной среде непосредственно, без опоры на конкретный библейский текст.

Определить пословицы, восходящие к библейскому тексту, и отграничить их от исконно народных не всегда легко. В случае значительного формального расхождения возникает вопрос о наличии генетической связи между библейским изречением и пословицей, близкой ему по смыслу. Например, можно ли считать исконно русской пословицу *Горбатого могила исправит*. или же эта пословица является трансформацией библейского изречения "Кривое не может сделаться прямым" (Екклес., 1:15)?

Решая этот вопрос, следует учитывать важность образно-метафорической формы пословицы. Фольклористы всегда подчеркивают, что "главный содержательный момент в пословице не сама по себе форма логической мысли и уж, конечно, не грамматическая форма, а образный художественный смысл, передаче которого равно служат и грамматика, и логика. И то, и другое существует ради выражения образного содержания в пословицах и поговорках" [Аникин 1976, 265]. Поэтическая образность настолько важна для выражения содержательной сути пословиц, что она должна быть сохранена при любых структурно-смысловых трансформациях. При другой образности появляется и другая пословица, хотя и близкая по смыслу. На этом основании "главным фактором в опознании родственных пословиц следует считать мотивы их поэтического образа" [Григас 1987, 26]. При трансформации библейского изречения не всегда сохраняется использованная в изречении метафора, но обязательно сохраняется мотив поэтического образа.

Исходя из этих положений, и следует решать вопрос о том, являются ли те или иные пословицы трансформами схожих с ними по смыслу библейских изречений, т.е. имеют ли они генетическую связь. Так, например, пословицу *В радости сыщут, а в горести забудут* едва ли можно считать трансформацией библейского изречения "Богатство прибавляет много друзей, а бедный оставляется и другом своим" (Соломон, 19:4). Хотя эти тексты и близки по смыслу, у них совершенно разная образно-метафорическая форма, потому и сомнительна прямая генетическая связь между ними.

Образность текста формируется чаще всего на основе метафорического употребления полных слов. Поэтому использование одних и тех же полных слов и словосочетаний в текстах близкого содержания является верным показателем генетического родства обоих текстов. Например:

"Радость человеку в ответе уст его, и как хорошо слово вовремя" (Соломон, 15:23). – *Слово вовремя и кстати – сильнее письма и печати.*

"Не оставляй старого друга, ибо новый не может сравниться с ним" (Сирах, 9:12). – *Старый друг лучше новых двух.*

"И при смехе иногда болит сердце, и концом радости бывает печаль" (Соломон, 14:13). – *Нет печали без радости, а радости без печали.*

"Забота прежде времени приводит старость" (Сирах, 30:26). – *Не работа старит, а забота.*

При трансформировании библейского текста в пословичный метафорический образ обычно видоизменяется в большей или меньшей степени. Но сохранение хотя бы

некоторых полнозначных слов, несущих основную смысловую нагрузку, позволяет сохранить в трансформированном тексте "мотив поэтического образа".

Сохранение тех или иных полнозначных слов при трансформировании текста важно не только тогда, когда эти слова явно метафоризованы, но и когда они использованы как будто в своих прямых значениях. Пословицы представляют собой художественный текст, а "действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле" [Винокур 1990, 142]. Об этом же писал В.В.Виноградов: "Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами" [Виноградов 1959, 230].

Сопоставление библейских изречений и их пословичных трансформов показывает, что в пословичном тексте нередко используются синонимы слов и словосочетаний, составляющих библейское изречение. Хотя синонимические замены неизбежно приводят к некоторой смене образности, тем не менее "мотив поэтического образа" сохраняется. Поэтому генетическая связь между пословичным и библейским текстом и в этом случае представляется очевидной. Например:

"Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых" (Екклес., 7:5). – *Лучше умная хула, чем дурацкая хвала.*

"Веселое сердце благотворно, как врачество, а унылый дух сушит кости" (Соломон, 17:22). – *Радость прямиит, кручина крющит.*

"Помыслы в сердце человека – глубокие воды" (Соломон, 20:5). – *Чужая душа – потемки.*

"Иной пустослов уязвляет, как мечом, а язык мудрых – врачует" (Соломон, 12:18). – *Слово лечит, слово и калечит.*

"Бич для коня, узда для осла, а палка для глупых" (Соломон, 26:3). – *Учить дурака, не жалеть кулака.*

"У мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме" (Екклес., 2:14). – *Умный других водит, а неученый впотьмах бродит.*

"Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь" (Сирах, 7:39). – *Бойся бога – смерть у порога.*

"Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем" (Екклес., 1:9). – *Старое по-старому, а вновь ничего.*

Говоря о синонимических заменах при трансформировании библейских текстов, синонимию следует понимать довольно широко – как замену одного отрезка текста другим, близким по смыслу в данном контексте. В определенном контексте (см. вышеуказанные примеры) синонимичными можно признать такие выражения (отрезки текста), как "помыслы в сердце человека" – "чужая душа", "обличения от мудрого" – "умная хула", "песни глупых" – "дурацкая хвала", "палка" – "кулак", "уязвлять, как мечом" – "калечить", "конец твой" – "смерть" и т.п.

При трансформировании образного библейского текста в пословичный большую роль играют ассоциации, поскольку "образ всегда вызывает цепь ассоциаций" [Федоров 1985, 116]. Нередко библейский текст преобразуется под влиянием довольно прозрачных ассоциаций, свидетельствующих о том, что один текст явился первоосновой для другого, т.е. оба текста генетически связаны. Например, в едином контексте "сеять со слезами" легко ассоциируется с "горькой работой", а "жатва с радостью" – со "сладким хлебом". Поэтому пословицу *Горька работа, да сладок хлеб* с достаточным основанием можно считать трансформированным текстом библейского изречения "Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью" (Псалт., 125:5). Хотя в обоих текстах используются разные полнозначные слова, мотив поэтического образа

сохраняется. Трансформации на основе прозрачных, легко предсказуемых ассоциаций типичны:

”Всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые” (Матф., 7:17). – *От худого семени не жди доброго племени.*

”Кто радуется несчастью, тот не останется ненаказанным” (Соломон, 17:5). – *Над другим посмеешься, над собой поплачешь.*

”Многие пали от острия меча, но не столько, сколько павших от языка” (Сирах, 28:21). – *Слово не стрела, а разит.*

”Пьяница и пресыщающийся обеднеют” (Соломон, 23:21). – *С вином поводишься, нагишом походишься.*

”Вино и женщины развратят разумных” (Сирах, 19:2). – *Чарка да кума лишат чести и ума.*

К этому же типу трансформаций можно отнести и такие пары библейских и пословичных текстов, в которых генетическая связь не столь очевидна. Например:

”Кривое не может сделаться прямым” (Екклес., 1:15). – *Горбатого могила исправит.*

”Нет ничего сокровенного, что не открылось бы” (Матф., 10:26). – *Шла в мешке не утаишь.*

Тексты этих и подобных пар можно считать генетически связанными, поскольку в них ключевые слова принадлежат к одному семантическому полю (“кривой” – “горбатый”) или к одному ассоциативно-смысловому ряду (“сокровенный” [сокрытый – утаиваемый] – “таить”).

Таким образом, пословичный текст можно считать генетически связанным с близким по содержанию текстом библейского афоризма, если в нем либо **а)** сохранен мотив поэтического образа через использование одних и тех же однозначных слов, либо **б)** отрезки пословичного текста являются контекстуальными синонимами отрезков библейского текста, либо **в)** лексические замены произведены на основе прозрачных ассоциаций, инициируемых исходным (библейским) текстом.

Эти три показателя, хотя и основываются в значительной степени на субъективных оценках, в большинстве случаев позволяют установить генетическую связь близких по смыслу библейских и пословичных текстов.

Библейская мудрость представлена в пословичном фонде не только фольклоризованными библейскими изречениями, но и многими исконно народными пословицами, в которых выражается христианское мировоззрение и христианская мораль. У русских таких народных пословиц библейского содержания особенно много, по-видимому, потому, что “христианское мировоззрение нашло слишком много родственного в русском народе и быстро приросло к его стихийной душе” [Коринфский 1995, 587].

Отграничить народные пословицы от библейских трансформов можно путем анализа их образной мотивации. Несовпадение мотива образа в библейском изречении и в пословице близкого содержания говорит о том, что библейский и пословичный тексты генетически не связаны. На этом основании следует признать исконно русскими такие, например, пословицы библейского содержания, как:

Семь раз отмерь, один раз отрежь. – “Начало всякого дела размышление, а прежде всякого дела – совет” (Сирах, 37:20).

На воре шапка горит. – “Нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним” (Соломон, 28:1).

Как аукнется, так и откликнется. – ”Какою мерою мерите, такую же отмерится и вам” (Лука, 6:38).

Волков бояться – в лес не ходить. – ”Кто наблюдает ветер, тому не сеять, и кто смотрит на облака, тому не жать” (Екклес., 11:4).

Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. – ”Если хочешь приобрести друга, приобретай его по испытанию и не скоро вверяйся ему” (Сирах, 6:7).

Поспешишь – людей насмешишь. – ”Всякий торопливый терпит лишение” (Соломон, 21:5).

В этих и подобных случаях можно говорить лишь о смысловых, но не о текстовых заимствованиях. Смысл этих пословиц мог быть заимствован из Библии, но оформлялся этот смысл самостоятельно, без опоры на текст соответствующего библейского изречения.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1971 – *Адрианова-Перетц В.П.* Библейские афоризмы и русские пословицы. – Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXVI. Л., 1971.

Аникин 1976 – *Аникин В.П.* О ”логико-семиотической” классификации пословиц и поговорок. – Русский фольклор. XVI. Л., 1976.

Вечные истины 1995 – Вечные истины. Крылатые слова, пословицы, поговорки библейского происхождения. Сост. *В.Г.Мельников.* Новосибирск, 1995.

Виноградов 1959 – *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М., 1959.

Винокур 1990 – *Винокур Г.О.* Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990.

Григас 1987 – *Григас К.* Литовские пословицы. Вильнюс, 1987.

Даль 1984 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сборник в 2-х томах. М., 1984.

Ильин 1993 – *Ильин И.А.* О грядущей России. М., 1993.

Коринфский 1995 – *Коринфский А.А.* Народная Русь. Смоленск, 1995.

Крикман 1975 – *Крикман А.А.* К проблеме исследования содержания и мировоззрения пословиц. Автореферат канд. дисс. Таллин, 1975.

Рыбникова 1961 – *Рыбникова М.А.* Русские пословицы и поговорки. М., 1961.

Сирот 1985 – *Сирот И.М.* Русские пословицы библейского происхождения. Брюссель, 1985.

Федоров 1985 – *Федоров А.И.* Образная речь. Новосибирск, 1985.

М.П.Котюрова =====

НАУЧНАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ ПРОФЕССОРА М.Н.КОЖИНОЙ

В современном науковедении школа понимается как структурная ячейка науки, как тесно спаянный коллектив ученых старшего и младшего поколений, усилия которого сконцентрированы на решении актуальных проблем, т.е. находится – что особенно важно! – *на магистральной линии развития науки*. В этом отношении существенно подчеркнуть, что проф. М.Н.Кожина и ее ученики разрабатывают актуальные проблемы функциональной стилистики – дисциплинарного направления в филологическом образовании. Как известно, стилистика русского языка уже четверть века преподается в вузах по учебнику М.Н.Кожинной, который получил медаль ВДНХ, переведен на китайский язык, широко используется и в других странах. Три издания учебника – это научно-исторический факт, которым может гордиться Пермский университет.

Можно считать, что становление, формирование, развитие школы Кожинной продолжается более 40 лет. Этот путь условно легко подразделить на 4 этапа: **первый** – *фундаментальный* в плане разработки общей стратегии речеведения, его основных понятий, категорий, теоретических оснований, методологии исследования функционального аспекта языка. В этот период был заложен мощный теоретический фундамент стилистической школы. Теория функциональных стилей, представленная в трех монографиях М.Н.Кожинной, была поддержана в многочисленных рецензиях в нашей стране и за рубежом. М.Ж.Кожина сразу вошла в число лидеров отечественной лингвистики. Будущая школа начала формироваться по существу уже в 60-е годы.

С первыми монографиями М.Н.Кожинной, по мнению В.В.Одинцова (1980), а также А.Н.Васильевой (1981), связан “качественный скачок общей функционально-стилистической теории” (1981: 31). Кожина поставила задачу определить действительную специфику функциональных стилей **как речевых систем, обусловленных объективными базовыми экстралингвистическими факторами**. Подход к стилям на такой основе с определением их специфических конструктивных черт весьма **продуктивен**. Подобная концепция стиля, представленная в монографиях и статьях М.Н.Кожинной (1966; 1968; 1972), В.Г.Костомарова (1970), А.Н.Васильевой (1976), О.Б.Сиротининой (1974) и других, оказалась перспективной.

Второй этап развития школы – *интенсивный* – (70–80-е) гг. характеризуется активной подготовкой кадров, количественно-качественным ростом школы, созданием и публикацией учебника по стилистике.

Третий этап – *экстенсивный* – (90-е годы) выход на широкий отечественный и международный уровень сотрудничества.

Четвертый этап – *синтезирующий* – (начало века), можно сказать, ознаменован появлением “Стилистического энциклопедического словаря русского языка” 2003 г.

Научные интересы М.Н.Кожинной сформировались под воздействием работ академиков В.В.Виноградова, Л.В.Щербы, проф. Г.О.Винокура и ученых Пражского Лингвистического Кружка В.Матезиуса, Б.Гавранека, К.Гаузенбласа и других. Главным же, поворотным пунктом М.Н.Кожина считает дискуссию по проблемам стилистики в

журнале "Вопросы языкознания" (1954-55 гг.), а также дискуссию "Слово и образ" в журнале "Вопросы литературы" (1959 г.). Интерес к применению математических (статистических) методов, к изучению именно научной речи, содержанием которой являются различные области знания, пробудил отец Николай Иванович Кожин, инженер-лесовод по образованию, вместе с тем отличный математик, по существу же энциклопедист.

В 60-е годы – годы господства в языкознании структурной лингвистики – М.Н.Кожин обосновывает идею функционального изучения объекта в лингвистике, определяется статус новой научной лингвистической дисциплины – функциональной стилистики. При этом акцентировался динамический, речеведческий подход к изучению функционального стиля. М.Н.Кожина развивает функциональное направление в лингвистике, становлению и утверждению которого способствовали многочисленные труды ученого, в том числе целая серия монографий 1961, 1962, 1964, 1966, 1968, 1970 гг. издания. Классификация стилей именно на экстралингвистической базе и на основе междисциплинарного подхода оказалась весьма актуальной: функциональная стилистика находилась в начале пути и постепенно завоевала признание.

Работы М.Н. Кожин органично вписываются в эпистему второй половины XX века: изучение языка не только в его имманентных качествах, но и в соотношении с аспектами его функционирования выходят на первый план. Тем более это интересно, если учесть тот взгляд, по которому изучение дискурсивных практик на Западе и функциональных стилей составляют явную корреляцию. Об этом писал Ю.С. Степанов в статье "Изменчивый "образ языка" в науке XX века": "Термин дискурс ... начал широко употребляться в начале 1970-х гг. первоначально в значении близком к тому, в каком в русской лингвистике бытовал термин "функциональный стиль" (речи или языка), причина того, что при живом термине "функциональный стиль" потребовался другой — "дискурс", заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами акад. В.В. Виноградова и Г.О. Винокура) "функциональный стиль" означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, в англо-саксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания" (Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. М., 1995, с. 361).

В обобщающей статье "Пути развития стилистики русского языка во второй половине XX в.", опубликованной в 1997 году в Польше (*Stylistyka-IY*), М.Н. Кожина подробно рассматривает все этапы формирования функциональной стилистики, начиная с 40–50-х годов, выделяя ее в качестве приоритетной в формировании новой научной парадигмы: "...то, что намечалось и начало осуществляться классиками русской филологической мысли XX в. — В.В. Виноградовым, Л.В. Щербой, Г.О. Винокуром, М.М. Бахтиным, Ю.М. Лотманом и др., — получает в наше время широкие возможности всесторонней реализации. Кстати, как видим, во второй половине века реализуются и многие идеи авторов научной дискуссии по стилистике. Одни из них прошли проверку временем, другие получили корректировку либо отсеялись, сыграв, однако, свою роль в коллективном поиске истины. Итак, смена парадигмы науки, связанная с преобразованием стиля мышления (коллективного и индивидуальных) — изменением точки зрения на объект познания: видение языка с позиций не только системы (строения), но и закономерностей его функционирования — приводит к неизбежному изучению пограничных проблем, к междисциплинарным исследованиям

в области лингвистики (и стилистики). Причем в связи с изменением научной парадигмы на смену жестким и однозначным представлениям приходит "нескованность строгим понятийным аппаратом, "догматической приверженностью одному методу", что "является знаком современного мышления". <...> Все это, кстати, надо учитывать, при определении предмета исследования стилистики и ее места среди смежных дисциплин. Как все отрасли речеведческого плана, стилистика является синтетической наукой". Эти слова относятся к тому времени формирования функциональной стилистики, когда мягкий, лабильный подход к изучению языка еще не пришел на смену жесткому моделированию. Но в Перми работали именно в речеведческом русле.

Объемное, гармонически стройное мышление М.Н.Кожиной позволило создать целостную концепцию функциональных стилей, которую она скрупулезно обосновывала анализом огромного материала статистическим методом и тончайшим исследованием семантики языковых единиц в текстах разных типов. Развитие этой концепции привлекало все новых и новых учеников. С одной стороны, формировалась школа, с другой – концепция функциональных стилей превращалась в теорию функциональной стилистики. Вот этот глубочайший внутренний субъективный процесс проникновения идей лидера в его учеников **в единстве** с внешним, объективным, видимым процессом формирования **теории** как синтеза содержания всех статей, монографий, защищенных диссертаций и есть по существу **научная школа**, в данном случае – конкретно-уникальная стилистическая школа профессора Маргариты Николаевны Кожиной.

Основной состав школы – 5 докторов наук, 23 кандидата наук и большое число последователей в различных городах страны и за рубежом. Как это достигалось? Программа исследований по функциональной стилистике, определившаяся в 60–70-е годы, развивавшаяся и углублявшаяся позднее, планомерно реализуется не только в работах М.Н.Кожиной, но и ее учеников. Ни одной случайной сиюминутной темы. Отсюда целенаправленность исследований. В результате опубликовано следующее. Учеными Пермской школы изданы монографии по неисследованной ранее в лингвистике научной речи – Кожина (1966, 1968, 1972, 1986), Котюрова (1983, 1988), Салимовский (1991, 2002), Данилевская (1992), Лапп (1993), Бедрина (1995), Трошева (1999), Баженова (2001), 3-томное издание коллективной монографии по теории и истории научного стиля (1994, 1996), 20 выпусков межвузовских сборников по стилистике, основная часть которых посвящена научной речи (с обзором сборников, написанным Г.Я.Солгаником, можно познакомиться в *Stylistika* III, 1994, Opole), 6 выпусков тематических межвузовских сборников "Стереотипность и творчество в тексте", в которых основной раздел посвящен научной речи (несколько рецензий опубликовано в Польше, Чехословакии, Китае, Болгарии в ж. "Съпоставительно езиковзнание" и в Мичигане в *Russian Language Journal*). Доц. К.Попов из Софии отмечает, что "давно уже Пермский государственный университет стал центром плодотворных исследований проблем научного стиля". Действительно, с 1971 г. после защиты докторской диссертации в МГУ, при кафедре открыта аспирантура по стилистике (руководитель М.Н.Кожина), тематика диссертаций молодых ученых, а также курсовых и дипломных студенческих работ была сконцентрирована в основном вокруг научного функционального стиля речи.

В плане динамики исследования научного стиля в течение 90-х гг. наибольшей новизной отличалось изучение закономерностей функционирования языка в тексте, т.е. функциональной стилистики текста. При этом закономерно проявилось пристальное внимание к смысловой, содержательной стороне текста, что прежде было представлено лишь в отношении художественной речи. В связи с поворотом к стилистике текста идет

интенсивное исследование научных текстов в аспекте текстовых категорий (Кожина, Иванова, Бедрина, Чиговская), текстовых единиц (Данилевская, Трошева, Крижановская), закономерностей развертывания научного текста с учетом экстралингвистических оснований, в том числе композиции научного текста (Кожина, Котюрова, Дапп, Данилевская, Баженова), жанрового своеобразия научных текстов (Салимовский).

М.Н.Кожиной выдвигается идея о целесообразности выделения особых функциональных семантико-стилистических категорий (ФССК). Ряд категорий описан в кандидатских диссертациях учеников М.Н.Кожиной.

Характерной чертой Пермской школы при изучении стилистики с самого начала (особенно же в последние годы) является интердисциплинарный подход, предвосхитивший его применение в лингвистике и оказавшийся близким дискурсивному анализу. Именно сфера научной речи представляет собой благодатный материал для реализации комплексного подхода. Научная речь не может быть изучена **вне** экстралингвистической проблематики, а значит, без смежных дисциплин – психологии познания и творчества, науковедения, лингвосоциопсихологии, психологии общения и др. Надо сказать, что определение истинной, т.е. на объективных научных основаниях, специфики функционирования языка значимо для каждого стиля. И это доказано в ряде диссертаций, выполненных на материале публицистики.

Основные направления и проблемы функциональной стилистики разрабатываются учениками М.Н.Кожиной в диссертациях, монографиях, статьях. Например:

- проблемы исторической стилистики представлены в работах М.П.Котюровой, Н.А.Линк, Н.П.Лепихина, Т.Б.Трошевой, Т.А.Зыряновой, Т.Н.Плюскиной, Т.М.Пермяковой;
- сопоставительной стилистики – в работах С.В.Абрамовой, Т.М.Пермяковой и др.;
- семантической значимости в функциональном стиле лексических и синтаксических единиц – в исследованиях В.А.Салимовского (канд. дис.), Т.А.Зыряновой;
- углубления стилистически значимых для научного текста экстралингвистических факторов – в работах М.П.Котюровой;
- изучения **закономерностей** функционирования синтаксических и текстовых единиц в функциональных стилях – С.О.Глушаковой, Н.И.Конюховой и др.;
- отражения в научном тексте процессов формирования научного знания – Е.А.Баженовой, Н.В.Данилевской, Л.М.Лапп;
- экспрессивности научной речи – Н.Я.Миловановой;
- диалогичности письменной научной и публицистической речи – Л.Р.Дускаевой;
- значимости междисциплинарного подхода для определения типов мышления – Е.А.Юниной и т.д.

Своеобразным итогом многолетней деятельности коллектива явилось трехтомное издание, посвященное истории и теории научного стиля русского языка XVIII-XX вв. В первом томе "Очерков" (1994 г.) представлено развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых единиц различных уровней (лексических, морфологических, синтаксических). Второй том (1996 г.) посвящен общетеоретическим вопросам стилистики научного текста: рассматривается соотношение стилистики текста со смежными дисциплинами; определяется специфика смысловой структуры применительно к научному тексту; представлена конкретная реализация воздействия на текст глубинных экстралингвистических факторов (преемственности знания,

формирования знания, обоснования нового знания в эпистемическом контексте); рассмотрены вопросы композиции научного текста, некоторых принципов его развертывания, текстовых единиц, а также различных текстовых категорий (ФССК) и др.

М.Н.Кожина – не только лидер известной в стране и за рубежом научной школы, но и крупный организатор науки.

В 80-х гг. в связи с развитием неориторики прозвучала мысль о кризисе стилистики. Однако при этом имелась в виду практическая стилистика, в целом проблематика которой на этом этапе в целом была решена. Традиционной стилистике в то время были присущи такие негативные черты, как нетеоретичность, монотеоретичность, эклектичность, проявляющиеся в тех или иных стилистических (и смежных) исследованиях. Вместе с тем в 1991 г. на международной конференции в Ополе проф. Т.Г.Винокур говорила о ренессансе стилистики, имея в виду новые проблемы функционирования языка в разных сферах общения. Значит, речь шла о ренессансе функциональной стилистики.

В 1992 г. Комитет языкознания и Институт польского языка ПАН совместно с Институтом польской филологии Педагогического университета в Ополе начали издавать международный журнал *Stylistyka*, в редколлегию которого вошли лингвисты из ряда стран: Ст.Гайда (Польша) – гл. редактор, М.Елинек (Чехия), М.Кожина (Россия), Й.Мистрик (Словакия), Б.Сандиг (Германия), Т.Скубаланка (Польша) и др. Журнал отражает динамичную познавательную ситуацию – многоаспектное исследование проблем функционирования языка, объединенных стилистическим подходом. При этом стилистика понимается очень широко, как междисциплинарная наука, объединяющая целый комплекс проблем – от стилевой компетенции до индивидуальных (авторских) и функциональных стилей с учетом психического, социального и культурного контекстов.

Тогда же была поставлена задача интеграции достижений в смежных когнитивных дисциплинах по вопросам, входящим в понятие стиль. Совершенно справедливо подчеркивалось значение методологических основ концепций для синтеза стилистических понятий. Решение всех этих задач способствовало реализации международной программы "Синтез славянской стилистики", одним из соруководителей которой была и М.Н.Кожина. [Забегая вперед, отмечу, что давняя задумка проф. Ст.Гайды относительно словаря стилистических терминов – необходимого для синтеза славянской стилистики – воплотилась, причем в неожиданном, многократно усиленном, виде в "Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка" под ред. проф. М.Н.Кожинной].

Роль М.Н.Кожинной в работе редколлегии журнала трудно переоценить. Кроме того, что она публикует статьи почти в каждом томе, М.Н. Кожина является редактором VI тома, посвященного русской стилистике. Благодаря ее огромной организаторской работе, в этом томе (1997 г.) достойно представили стилистику русского языка такие известные ученые, как Ю.А.Бельчиков, Е.Ф.Петрищева, Г.Я.Солганик, Н.О.Гучинская, О.Б.Сиротина, Т.Г.Хазагеров, И.Я.Чернухина, Н.А.Купина, Т.В.Шмелева, И.А.Вещикова, Т.В.Матвеева, Л.М.Майданова, Н.С.Болотнова и мн.др., в том числе сотрудники нашей кафедры – М.Н.Кожина, М.П.Котурова, В.А.Салимовский. Выход этого тома инициирован двумя юбилейными датами: 100-летием со дня рождения акад. В.В.Виноградова и этапным для развития русской стилистики событием – дискуссией по вопросам стилистики, проходившей на страницах журнала "Вопросы языкознания" в 1954–1955 гг.

Своего апогея Пермская стилистическая школа достигла на рубеже веков, что выразилось в защите трех докторских диссертаций Т.Б.Трошевой (1999),

Е.А.Баженовой (2001) и В.А.Салимовского (2002). Близки к завершению еще 2 докторские диссертации – Н.В.Данилевской и Л.Р.Дускаевой. Можно сказать, что 2002 г. был самым напряженным в жизни нашего коллектива. На фоне общей социальной сложности, финансовых трудностей, необходимости работать "везде, где платят" мы писали словарные статьи. "Стилистический энциклопедический словарь русского языка", вышел в издательстве "Флинта – Наука" в июле 2003 г. Словарь имеет системно-теоретический характер и представляет своего рода компендиум по стилистике. В нем полно и системно отражено современное состояние стилистики, представлено становление, развитие и перспективы этой науки. Словарные статьи сопровождаются обширной библиографией. Можно надеяться, что все это будет активизировать творческую мысль читателя. Наверное, справедливо оценивает К.Э.Штайн этот словарь как "фундаментальное издание кафедры русского языка и стилистики Пермского университета", подчеркивая при этом, что "Пермская лингвистическая школа подтвердила еще раз, что ей принадлежат приоритетные позиции в области изучения стилистики русского языка, поэтому появление столь значительного труда – закономерный результат многолетней работы пермских ученых, а также ведущих специалистов России по стилистике, привлеченных к совместной работе".

Оценивая реальную динамику школы, можно сказать, что она позитивна. Школа имеет будущее, поскольку перспектива не только обусловлена развивающейся теорией функциональной стилистики, но и сформулирована, как всегда, с особым чувством нового, в программных статьях М.Н.Кожинной – как опубликованных, так и в еще не вышедших из печати, – "Истоки и перспективы речеведения" (Саратов) и "Стилистика и речеведение на современном этапе" (Белград). Осуществляемый на основе междисциплинарных связей подход к анализу стилистических явлений речи (текста) оказался очень продуктивным и стал неотъемлемым признаком стилистики. В плане укрепления позиций стилистической школы, несомненно, важное значение имеет новая книга – избранные труды М.Н.Кожинной "Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории" (2002 г.).

Таким образом, функциональная стилистика на современном этапе отнюдь не угасает и не находится в кризисе. Напротив, она плодотворно развивается. И это закономерно для ее состояния, поскольку современная историческая ситуация – общественная, социокультурная, коммуникативно-эпистемическая, языковая – как нельзя лучше способствует исследованиям динамической, функциональной стороны языка, его использования в различных сферах живой речевой коммуникативной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Úctovani výsledkú v současne sovětské a západní stylistice Slovo a slovesnost, XXXIV. Praha, 1973 (о М.Н.Кожинной. с.323-324).

Scharnhorst. J. Zur entwicklung der sowjetischen stilistik // Zeitschrift fur phonetisprachwissenschaft und kommunikationsforschung. B.28, H.2 Akademie, Berlin, 1975 (о М.Н.Кожинной с.136-137).

Netschiporenko K. Kontinuitat und Innovation in der sowjetischen Funktional stilistik unter besonderer Berucksichtigung der Textberachtung. Universität Leipzig. Diss., 1991. Гл.5 К развитию функционально-стилистического исследования в трудах М.Н.Кожинной. С. 106-125

Котюрова М.П. К юбилею профессора Маргариты Николаевны Кожиной // Stylistyka – IV, Opole, 1995. С.340-348.

Котюрова М.П. Permska stylistika skola // Cestinar (Spravodaj katedry ceskeho jazika a literatury Vysoke Skoly pedagogicke v Hradci Kralove). Rocnik VI. 1995 – 1996, cislo 1. С.15-18.

Маргарита Николаевна Кожина (К 70-летию со дня рождения) // Филологические науки, №4, 1995. С.126-128.

Стилистика научных текстов XVIII-XX вв. (лингвистический и экстралингвистический аспекты) // Реферативный сборник избранных работ по грантам в области гуманитарных наук. Вып. 2. Екатеринбург, 1995. С.62-64.

Кожина М.Н. Биографическая справка // История русских лингвистических учений: Методические и хрестоматийные материалы. Сост.Т.И.Ерофеева, Пермь, 1998, С.114.

Кожина Маргарита Николаевна // Профессора Пермского государственного университета (1916 – 2001). Пермь, 2001. С.236.

Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь, 2002.

Мариела Венглевска =====

РУССКИЕ ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ПРИ ЗНАКОМСТВЕ, ПРИВЕТСТВИИ И ПРОЩАНИИ, И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В БОЛГАРСКОМ И ЯПОНСКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Введение

В современной действительности, для которой характерно активное развитие международных контактов в различных сферах общественной жизни, проблемы коммуникации и общения становятся особенно актуальными и значимыми.

Коммуникация и общение – сходные явления, в которых некоторые авторы видят известные отличия. Обычно коммуникацию определяют как общий процесс обмена информацией при помощи определенного кода, а общение – как одновременный процесс взаимодействия между индивидами и информационным процессом, как отношение людей друг к другу и как процесс их сопереживания и понимания [Пейчева 1983, 10].

Возможности для коммуникации и общения осуществляются в первую очередь при помощи языка, который является основным средством человеческого общения и выражения деятельности сознания, мышления. “Вербальная (словесная) коммуникация в этом смысле – условие для существования человека в обществе” [Колшанский 1974, 3]. Язык – знаковая развивающаяся система. Обладая внутренней целостностью и единством, язык является и полифункциональной системой. Элементы системы языка, имеющие разные значения и функции – это единицы языка. Многие авторы делят единицы языка на конструктивные, строительные (фонемы, морфемы, словоформы), номинативные (лексемы, словосочетания) и коммуникативные (фразы, предложения), обозначая их как **вербальные единицы** [Виденев 1979; Кибрик 1990; Москов 2000].

Следует дополнить, что наряду с языковыми, вербальными единицами существует и другой тип единиц. В **коммуникативно-прагматическом аспекте** в качестве основных единиц общения выделяются **высказывание** и **текст**. **Коммуникативный** (относящийся к общению в целом) и **прагматический** (связанный с говорящим лицом, его адресатом, с ситуацией общения, выбором и контекстом употребления соответствующих единиц и т.д.) аспекты неразрывно связаны между собой [Формановская 1998, 34].

Вербальная коммуникация реализуется в определенных коммуникативных ситуациях, к которым относятся события, действия, состояния, время, место, участники коммуникации, отношения между ними и т.д.

Коммуникация, как и любой процесс, поддается определенной сегментации. В качестве сегмента коммуникации и общения рассматривается **коммуникативный акт** [Чонгарова 2002 11].

В коммуникативной ситуации и в коммуникативных актах определенную роль играют и внеречевые условия, **невербальные средства**.

Невербальные, неязыковые средства (жесты, мимика, интонация, графические дополнения к буквам и др.) не относятся к системе языка, в коммуникативном акте они имеют характер вторичной подсистемы, но они

используются в коммуникации и общении вместе с вербальными средствами и образуют свою систему [Виденев 1979, 22].

В коммуникативной ситуации и в коммуникативных актах важную роль играют также социально и национально специфические правила речевого и неречевого поведения, относящиеся к **речевому этикету**. Н.И.Формановская дает исчерпывающее его определение, подчеркивая, что под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфических, стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности. Знание речевого этикета "настолько же важно для овладения общением, насколько важны собственно языковые правила для построения речи" [Формановская 1987, 4].

В приведенном определении речевого этикета показано, что единицы речевого этикета - это устойчивые формулы общения (стереотипы, шаблоны, стандарты, клише и т.п.), которые складываются в силу устойчивой прикрепленности средств выражения к ситуации, к теме, к типу текста, к виду речи и пр. Регулярная и многократная повторяемость применения единиц в указанных параметрах приводит к их стандартизации, к формированию устойчивых формул общения, которые состоят из вербальных и невербальных средств.

Область применения речевого этикета – это этикет поведения в ситуациях общения друг с другом членов коллектива. Отбор подходящих формул общения позволяет установить контакт в нужной тональности соответственно взаимоотношениям общающихся, обстановке общения и многим другим социально (общественно или лично) обусловленным факторам. Сфера употребления единиц речевого этикета – это совокупность ситуаций и тем (например, приветствие, знакомство, прощание, извинение, благодарность, сочувствие, просьба, совет, отказ и т.д.) [Формановская 1987, 11].

В данной статье рассматриваются в информативном виде и конспективной форме вербальные и невербальные средства, которые используются при знакомстве, приветствии и прощании в русском речевом этикете в сопоставлении с болгарским и японским речевым этикетом. Мы проводим сопоставление на базе трех общих функционально-семантических сфер (знакомство, приветствие, прощание) с целью установления сходства и расхождения речевого этикета в рамках близкородственных и не близкородственных языков.

1. Сходные черты русского речевого этикета с болгарским и японским в функционально-семантической сфере знакомства, приветствия и прощания

Сходные черты русского речевого этикета с болгарским и японским обусловлены несколькими основными факторами.

Во-первых. Культура включает в себя регулятивные элементы: нравственные, эстетические, юридические и другие нормы, традиции, обычаи и т.д. В совокупности они составляют социальные нормы поведения, в том числе и речевого. Соблюдение этих норм является непременным условием сохранения общества в целом. Поэтому они относятся к устойчивым фрагментам культуры [Левада 1966, 67]. Речевой этикет тоже фрагмент культуры, и как таковой он представлен в трех рассматриваемых языках (в указанных функционально-семантических сферах).

Во-вторых. Социальные нормы поведения регулируют социальное поведение людей в их практической деятельности, в том числе в сфере речевого и неречевого общения. В этом смысле структура их деятельности, в частности, статус речевых и

неречевых действий, имеют до известной степени универсальный характер [Макарян 1969, 77].

В-третьих. Основным средством передачи социального опыта, и в рамках этого опыта социальные нормы поведения, является язык, а также и некоторые другие знаковые системы [Леонтьев 1977, 5].

Эти основные (а также некоторые дополнительные) факторы определяют наличие в трех языках установленных социальных норм поведения, в частности, норм речевого и неречевого общения, речевого этикета, общих функционально-семантических сфер, наличие некоторых сходных вербальных и невербальных средств, которые используются при знакомстве, приветствии и прощании.

А) Сходства вербальных средств в русском и болгарском речевом этикете, которые используются при знакомстве, приветствии и прощании, обусловлены общим происхождением двух языков и наличием в них обширного общего слоя праславянских, индоевропейских и других средств. Например:

Русский язык	Болгарский язык
Доброе утро	Добро утро
До вечера	До довечера
Здравствуйте	Здравейте
Привет	Привет
Всего доброго	Всичко добро
	и т.д.

Б) Сходства в плане содержания и различия в плане выражения обусловлены главным образом национальной спецификой многих вербальных средств трех языков. Например:

Русский язык	Болгарский язык	Японский язык
Мне очень приятно (познакомиться с вами)	Много ми е приятно (да се запозная с вас)	Dozoo yoroshiku onegai shimas
Счастливого пути	На добър час	Oki o tsukete
До встречи	До скоро	Mata ne
До свидания	Довиждане	Sayonara
Пока	Чао	Jaа ne
		и др.

В) Сходство в речевых этикетах трех языков наблюдается в функциональном плане (сходные функции речевого этикета: коммуникативная, когнитивная, экспрессивная и др.). Например:

Русский язык	Болгарский язык	Японский язык
Коммуникативная функция		
Добрый день	Добър ден	Konnichiwa
Когнитивная функция		
Мне хотелось бы (вам представить ...)	Бих искал (да ви представя ...)	Kochira ...san des
Экспрессивная функция		
Я рад вас видеть	Приятно ми е да ви видя	Yoku irasshaimashita

Г) В речевом этикете трех языков представлены сходные невербальные средства, которые используются при знакомстве, приветствии и прощании. Например:

– **Кивок головой.** Во многих случаях кивок головой используется в сочетании с улыбкой и некоторыми вербальными средствами.

– **Рукопожатие.** Рукопожатие употребляется при знакомстве и прощании главным образом в русском и болгарском речевом этикете. В японском речевом этикете рукопожатие тоже используется, преимущественно при знакомстве и прощании, но несколько реже.

– **Взгляд.** В русском и болгарском речевом этикете при знакомстве, приветствии и прощании взгляд направлен в глаза собеседника. Для японского речевого этикета в этих случаях характерен наклон головы с опущенными вниз глазами.

– **Поклон.** Поклон используется в нынешней русской и болгарской этикетной системе главным образом в религиозно-обрядной сфере и в сфере художественно-артистической (поклоны артистов, музыкантов и т.д.). Поклон - важнейшее средство в японской невербальной коммуникации [Britto 2001].

– **Улыбка.** Мимическая кинема “улыбка” представлена в трех этикетных системах. Она может быть использована самостоятельно или в комбинации с другими вербальными и невербальными средствами.

Можно указать и на другие сходные невербальные средства (например, прикосновение, поцелуй и др.), которые обычно выполняют разные функции.

2. Различия в составе и использовании вербальных и невербальных средств при знакомстве, приветствии и прощании в русском, болгарском и японском речевом этикете

Различия в составе и использовании вербальных и невербальных средств в речевом этикете обусловлены национальной спецификой культуры и языков разных народов. Социальные нормы, речевая деятельность, речевое поведение, к которому относится речевой этикет, коммуникативные ситуации и акты во многих случаях регулируются различными социальными и другими факторами. Это определяет

многообразии и различия соответствующих вербальных и невербальных средств речевого этикета, их национальное своеобразие [Маркарян 1969].

Установление и специальное исследование различий в составе и употреблении вербальных и невербальных средств русского, болгарского и японского речевого этикета имеет большое значение при изучении иностранных языков и для компетентной интеркультурной коммуникации.

Различия в составе и использовании вербальных и невербальных средств при знакомстве, приветствии и прощании в русском, болгарском и японском речевом этикете рассматриваются в данной статье лишь в конспективной форме.

В некоторых случаях различия обнаруживаются в рамках речевого этикета трех языков. В других – в рамках русского и болгарского языков по отношению к японскому.

Можно указать на некоторые характерные отличительные черты в рамках отдельных функционально-семантических сфер знакомства, приветствия и прощания.

а) Различия в функционально-семантической сфере знакомства

В русском речевом этикете при знакомстве через посредство третьего лица принято сначала называть фамилию, потом должность, но наименование титула должно предшествовать фамилии, например: *“проф. Иванов, директор Института”*.

Подобный состав вербальных средств и их последовательность характерна и для болгарского речевого этикета, например: *“проф. Иванов, ректор на университета”*.

В японском речевом этикете в такой коммуникативной ситуации принято сначала указывать на должность (соответственное - наименование отдела, фирмы), потом фамилию вместе с *san, kun* в зависимости от старшинства, например: *“kochira ni iru no ga, kodo eigyoo bun ni hairukoto ni natta tanaka kundes”*; *“kochira, A shya no eigyoo kachyoo no nakamura san des”*.

В русском речевом этикете противопоставление неофициальной-официальной ситуации при знакомстве зависит от возраста коммуникантов, например: *“Меня зовут Маша / Маша / Мария / Мария Ивановна / Я Петрова”*.

В болгарском речевом этикете отбор и использование вербальных средств при знакомстве тоже зависит от возраста коммуникантов, например: *“Казвам се Роси / Роси / Росица / Росица Петрова”*.

В японском речевом этикете противопоставление неофициальной - официальной ситуации при знакомстве обозначается использованием формы учтивости глагола *aru – gozaru*. Например: *“Yamamoto des - Yomamoto de gozaimas”*.

В русском и болгарском речевом этикете общепринятым невербальным средством при знакомстве является рукопожатие.

В японском речевом этикете общепринятой кинемой при знакомстве является поклон.

б) Различия в функционально-семантической сфере приветствия

Для русского речевого этикета характерны приветствия вообще. например: “Здравствуй”, “Привет”. Характерны также приветствия, выражающие временную ситуацию. Например: “Доброе утро”, “Добрый день”, “Добрый вечер”.

Для болгарского речевого этикета тоже характерны приветствия вообще (“Здравей”, “Привет”) и приветствия, обусловленные временем “Добро утро”, “Добър ден”, “Добър вечер”.

Приветствиям в японском речевом этикете свойственна большая ситуативная расчлененность. Наряду с ситуациями, характерными для русского и болгарского речевого этикета, японские поздравления связаны еще с ситуацией, в которой имеет значение местоположение собеседников, например: “*gomen kudasai*”(приветствие при вхождении в помещении), “*irasshai - irasshai mase*”(приветствии при встрече гостей, клиентов), “*ohayoo*”(привет не занятого работой, который обращается к занятому работой), “*okaeri*”(привет к тому, кто вернулся с работы), “*tadai*”(привет того, кто вернулся с работы) и т.д. В японском речевом этикете наблюдается иерархическое расположение приветствий по степени уважительности, начиная с фамильярных дружеских приветствий и кончая уважительными. Например: “*ohayoo - ohayoo gozaimas*”, “*irasshai - irasshaimase*” и т.д. Подобная градация не существует ни в русском, ни в болгарском языке.

В русском и болгарском речевом этикете отсутствует подобная градация по степени уважительности, нет и специальной грамматической категории уважительности, как в японском языке. *Вы* - формы общения и обращения приняли на себя функции выражения отношений вежливости, уважительности в русском и болгарском речевом этикете. Например: “Проф.Петров, *Вы* не могли бы дать мне эту книгу?”.

В русском, как и в болгарском речевом этикете, при поздравлении используются главным образом рукопожатие, внимательный (часто приветливый) взгляд. Поцелуй, объятие, прикосновение к плечу, руке и т.п. -признак близких, дружеских отношений.

Для японского речевого этикета при поздравлении характерна прежде всего кинема **поклон** (различные виды поклонов). Поцелуй, объятие, прикосновение воспринимаются как признак интимных отношений.

в) Различия в функционально-семантической сфере прощания

В русском речевом этикете при прощании используются такие вербальные средства, как: а) “До свидания”, “До встречи”, “До завтра”, “До вечера” (прощание на короткий срок); б) “Прощай(те)”, “Разрешите попрощаться”, “Позвольте попрощаться” (в официальной ситуации при немаркированном временном признаке); в) “Пока”, “Всего” (при неофициальной ситуации).

Употребительны и вторичные этикетные формулы как дополнение при прощании в виде пожеланий, например: “Желаю успехов/удачи/счастья”, “Счастливого пути”, “В добрый путь”, “Хорошего отдыха” (пожелания при отъезде); “Выздоровлявай(те)”, “Не болей(те)”, “Поправляйся(-тесь)” (пожелания к больному); “Желаю всего хорошего”, “Счастливо оставаться” (пожелание уезжающего) и др.

К характерным невербальным средствам можно отнести рукопожатие, кивок головой, махание рукой, поцелуй, объятие.

Болгарскому речевому этикету свойственны такие вербальные и невербальные средства при прощании, как например: “Довиждане“ (нейтральная единица), “До утре”, “До вторник”, “Хайде”, “Чао” (в неофициальной ситуации), “Сбогом” (прощание при немаркированном временном признаке), а также ряд вторичных единиц (дополнения к прощанию), например: “Да си жив и здрав”, “По живо, по здраво” (по отношению к здоровому человеку), “Скоро оздравяване” (к больному); различные пожелания: “Всичко хубаво”, “Всичко добро”, “Приятно пътуване”, “Приятно прекарване”, “На добър час”, “На добър път” и пр. Невербальные средства, которые используются в рассматриваемой ситуации, во многом сходны с русскими, например рукопожатие, поцелуй, объятие, кивок головой, махание рукой и пр.

Для японского речевого этикета характерна большая ситуативная раздробленность в коммуникативной ситуации “прощания”. Например:

а) прощание с временным признаком: “*sore de wa*” и сокращенные формы “*de wa (ne)*”, “*ja (ne)*”, которые противопоставлены по уважительности; варианты “*mata (ne)*”, “*ja mata kondo*”, “*ja ato de*”, “*mata raishyu*” и др. используются в неофициальной обстановке;

б) прощание с немаркированным временным признаком, например: “*sayonara*” (используется обычно женщинами в неофициальной обстановке), “*bai-bai*” (используется преимущественно молодыми людьми в неофициальной обстановке);

в) прощание в частной ситуации (отправление в школу, на работу, в командировку и др.), например: “*itte rasshai*”, “*itte kimas*”, фамильярные варианты “*itte kuru*” и пр.;

г) прощание людей, которые уходят раньше других гостей или на работу (с элементом извинения), например: “*osakini shitsurei shimas*”, “*shitsurei itashimas*”, “*shitsurei sasete itadakimas*”, “*osakini*” (все единицы противопоставлены по признаку уважительности);

д) прощание людей, которые работают вместе, с элементом благодарности, например: “*otsukare sama des*”, “*gokurosama*”, “*osewasama*” (в данном случае представлена градация с учетом положения коллег в коллективе), употребительны и ряд вторичных единиц (дополнения к прощанию). Традиционное невербальное средство – это разные виды поклонов.

Сопоставление этикетных систем русского, болгарского и японского языков в рамках функционально-коммуникативных сфер знакомства, приветствия и прощания дало возможность установления общих черт и различий, выражающих национальную специфику этикетного поведения. Сходства представлены в большей степени в родственных языках (русского и болгарского), а различия в неродственных (русского-японского, болгарского-японского).

ЛИТЕРАТУРА

Акишина 1991: Акишина А. и др. Жесты и мимика в русской речи. Лингвострановедческий словарь. М., 1991

Верещагин, Костомаров 1973: Е.М.Верещагин Е.М, Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1974

Виденов 1979: Виденов М. Към българската паралингвистика, ГСУ, 72, 1979, №1

- Гончарова 2002: *Гончарова И.* Интеркултурна информация. Пловдив, 2002
- Кибрик 1990: *Кибрик А.Е.* Язык. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
- Колшанский 1974: *Колшанский Г.В.* Паралингвистика. М., 1974
- Левада 1966: *Левада Ю.А.* Сознание и управление в общественных процессах.- Вопросы философии, 1966, №5
- Леонтьев 1977: *Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977
- Макарян 1969: *Макарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969
- Минасова 2000: *Тер-Минасова С.Т.* Язык и культурная коммуникация. М., 2000
- Москов 1982: *Москов М.* Езикознание. С., 1982
- Пейчева 1983: *Пейчева С.* Учебният процес и урокът по руски език. С., 1983
- Пронников, Ладанов 1988: *Пронников В.А., Ладанов И.Д.* Японците. С., 1988
- Формановская 1998: *Формановская Н.И.* Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998
- Формановская 1977: *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. М., 1977

Ирина Захариева =====

СИМВОЛИЗМ И СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОГО РЕАЛИЗМА XX ВЕКА

Начнем с уточнения терминологического понятия “символизм” в применении к русской литературе рубежа XIX-XX веков. Валерий Брюсов, один из основателей русской литературной школы символистов, употреблял термин в двух смыслах: символизм как “литературная школа” и символизм как “метод творчества”. Символистский метод в его понимании так же древен, как и реалистический: оба метода интегрируют реальность и пользуются символами. Черты символистской поэтики он находил у Эсхилла, у Данте, у Гете. Но внимание Брюсова – аналитика эстетического процесса в России акцентировалось на понимании символизма как “литературной школы”, или “литературного направления”, обусловившего расцвет современной отечественной поэзии.¹

В европейской литературе XIX века Брюсов различал три основных литературных направления с приблизительной хронологической ориентацией: романтизм (с начала века до 30-х годов), реализм (с 30-х до 80-х годов) и символизм (с 80-х годов до конца первого десятилетия XX века). Французский символизм, заявивший о своем существовании на десятилетие раньше, чем русский, признавался образцом на российской почве. Сам Брюсов в сборниках 1894-1895 годов “Русские символисты” выступал популяризатором поэзии П.Верлена и Ст. Малларме. Тогда же, в 1896 году, реалист и неоромантик М.Горький в статье “Поль Верлен и декаденты” писал о французских символистах в скептическом тоне, такой тон считался естественным и по отношению к их русским последователям. Русские символисты “первой волны”, именовавшие себя декадентами, находились во власти эсхатологических предчувствий на пороге нового века, но именно они поставили вопрос о том, что форма произведения искусства есть вместительница его смысла. Актуализация формальных проблем в символистской эстетике указывала выход из тупика в условиях затяжного кризиса реализма, – кризиса, парализовавшего русскую прозу.

Признаки кризисного состояния реализма как системы фундаментальных жанрово-стилевых форм обозначились в прозе 1880-х годов после смерти Ф.М.Достоевского. Ему принадлежит констатация: “В одном только реализме нет правды”. Собственный метод он определял словосочетанием “фантастический реализм”, уравнивая в правах условные формы с жизнеподобными. Период 1880-х – начала 1890-х годов характеризовался в тогдашней критике как время литературно-художественного упадка и преобладания журнализма. В прозе нарастали тенденции натурализма, мельчали повествовательные жанры. Первые в двадцатом веке эстетически совершенные романы с современной тематикой принадлежали тем, кто соединял в своем творчестве приемы символизма и реалистического бытописания, – Федору Сологубу и Андрею Белому.

Показательно восприятие современниками этих романов, написанных в синтетической манере.

Борис Пастернак усматривал в романе Андрея Белого “Петербург” укрупнение и заострение в изображении реальности.² Согласно его взглядам, реализм - это природа искусства, но необходимо говорить и об условной, символической сущности искусства, как говорят о “символике алгебры” (в докладе 1913 года “Символизм и бессмертие”).³

После появления отдельного издания романа Федора Сологуба “Мелкий бес” Александр Блок в статье “О реалистах” /1907/ характеризовал роман как “реалистический” и “бытовой”. Но “вычитал” Блок в “бытовом” романе Сологуба его смысловой подтекст, символизированный посредством образа “недотыкомки”: “...о том, как легки души и тела тех, кто избежал ее влияния”. И о стиле критик говорил с пониманием принадлежности текста автору-символисту: “Тайная мудрость сквозит в этом медленном стиле, и нет ключа к тому, чтобы угадать, где неуловимая движущая сила его повествования”.⁴

У Сологуба наглядно сочетание символистского и реалистического принципов изображения. В частности план интертекстуальности в “Мелком бесе” наиболее явно обнаруживает связи с Гоголем и Чеховым. О “Мертвых душах” Гоголя напоминает событийный сюжет, а главный герой Передонов ассоциируется (не только по профессии, но и по своей натуре) с чеховским “Человеком в футляре”. Мистифицированный образ “недотыкомки”, воплощающий экзистенциальный кошмар бытия, этимологически связан с просторечным диалектным словом, означающим “недотрога”. Взаимопроникновение элементов реального и иррационального просматривается в романе на разных уровнях.

Аналитики прозы Серебряного века, пытаясь определить индивидуальный метод художников слова, подыскивали двусоставные дефиниции: “романтизированный реализм”, “сверхреализм” и пр. Валерий Брюсов пользовался термином “символический реализм”.

Литераторы с теоретическими наклонностями, принадлежавшие к направлению символизма (В.Брюсов, А.Белый, А.Блок, Вяч. Иванов) не считали традиционный реалистический метод исчерпанным, но сознавали необходимость кардинального обновления реалистической художественной системы. Средства обновления реализма они усматривали в эстетических потенциях символизма, выделяя его “реалистическую стихию” (согласно терминологии Вячеслава Иванова).⁵

Критик А.Лежнев в двадцатых годах вспоминал о расстановке литературных сил в начале XX века. Он отмечал, что авторы “зnanьевских” сборников “являлись ядром реалистического направления, теснимого все шире развертывающимся символизмом”⁶.

В тот период, о котором критики говорили как об остро полемическом, Андрей Белый в статье “Настоящее и будущее литературы” (1907) обобщал суть полемики, сознавая ее необоснованность: “проповедник” не признает “стилиста”, а “стилист” отрицает “проповедника”.

Подспудно постигаемая и “стилистами”, и “проповедниками” сложность творческого процесса тушировала крайности эстетических ориентаций оппонентов, и непримиримые к “декадансу”, как тогда выражались, художники слова поневоле присматривались к символизму, процветавшему в поэзии, и не могли не признавать популярности стихов Константина Бальмонта, Александра Блока. В прозе назревал эстетический сдвиг.

Жанрами времени сделались рассказ и повесть, трудно было различить жанровую границу между большим рассказом и малой повестью. В эпоху Чехова малая и средняя формы повествования демонстрировали свою эффективность. Во второй половине 90-х годов обнаруживаются и первые симптомы приобщения прозаиков-реалистов - представителей “знаньевской” литературы - к символистской образности.

В 1896 году в журнале В.Г.Короленко “Русское богатство”, отличавшемся устойчивыми реалистическими и демократическими традициями, была опубликована первая повесть Александра Куприна “Молох”. Мало кому известный в то время прозаик разрабатывал современную социальную тематику посредством интеграции целого ряда мотивов в мифологическом образе финикийского божества с огненной пастью, алчущего человеческих жертвоприношений. В реалистической по характеру изображения повести образ библейского Молоха знаменовал собой инвазию символизма в реализм. Образ Молоха, воплощающий мистическое, иррациональное зло, приобретал многозначность, включающую и социальный аспект.

Поисками новой по типу художественности на грани XIX- XX веков был одержим воинствующий хранитель традиций русской классической прозы Иван Бунин. В 1900-м году он создал рассказ, отличавшийся от того, что им было написано ранее, и не оцененный по достоинству его товарищами по объединению “Среда”. Рассказ знаменитый, но не исследованный в интересующем нас аспекте. В этом рассказе компонент, символизирующий повествование, - не олицетворенный или вещный образ, а чувственно-эмоциональное ощущение, с которым связано воспоминание автора об отроческих годах, - “запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести”. Сюжетостроительная роль памяти повествователя от первого лица в рассказе “Антоновские яблоки” давала возможность прозаику сделать запах смысловым и эмоциональным стержнем произведения. В ходе разработки одоративной стилистики, связанной с эффектом обоняния, запах обрастал авторскими переживаниями прошлого. Эмоциональный зачин последней, четвертой главы: “Запах антоновских яблок исчезает из помещичьих усадеб” - превращается в смысловую сердцевину ностальгического рассказа. Возможность образного, чувственно осязаемого воссоздания того, что принадлежит к области мысленных ощущений, открылась перед Буниным благодаря распространенности символистской эстетики в общей атмосфере искусства.

В дальнейшем Бунин утвердился как мастер лирической разработки эпических тем. Его творчество стимулировало стилевое течение в российской реалистической литературе 1960-х годов. (В.Аксенов, В.Солоухин и др.). “Антоновские яблоки” Бунина резонировали в повести Василия Аксенова “Апельсины из Марокко” (1963), где эмоциональное пространство изображаемого расширяется посредством волнующего персонажей запаха.

“Знаньевский” прозаик Леонид Андреев и в начале, и в конце творческого пути декларировал свою принадлежность к литературной школе реализма, но с самых ранних произведений он последовательно преобразовывал реалистический метод. Реалистически конкретные формы связывались у него с глобальными категориями бытия и сознания. Символизация бытового сюжета выводила на экзистенциальный уровень, порождая условное пространство андреевской прозы.⁷ Многозначная эстетика пространства была актуальна для символистов с их “двомирием”. Образные построения Андреева, основанные на пространственных оппозициях, все более тяготели к абстракциям, являвшимся в образных формах.

Обезображенная голова земли, ввергнутой в войну, с натуралистическими приметами ее умопомешательства в рассказе “Красный смех” (1904) материализовала авторское внушение: война – это “мировое насилие над разумом” (публицистическое выражение включено в текст рассказа).

В романе “Дневник Сатаны” (1919) очеловечившийся дьявол, действующий в Италии 1914 года в облике американского миллиардера Генри Вардергуда, призван выполнять авторскую установку облачения плотью духа. Вовлечение мифического духа зла в переживаемую автором действительность аргументирует его размышления об отторжении евангельских постулатов в современном обществе.

В прозе Леонида Андреева складывалась своеобразная система образов: сохраняя жизнеподобие внешних форм, они превращались в символы - знаки авторских идей. Имея в виду трансформацию реализма в собственном творчестве, Андреев называл свой метод “неореализмом”, а отличие его формулировал следующим образом: “...поскольку в реальном я ишу ирреального, поскольку я ненавистник голого символа и голой, бесстыжей действительности - я продолжатель Чехова”.⁸

То, что Андреев и его современники называли “неореализмом”, образовалось в результате проникновения средств символистской образности в реалистическую прозу. По убеждению теоретиков, символизация изображаемого не противоречит принципам реализма. В понимании Алексея Лосева, символ - “онтологическое место встречи сущности и вещи (факта), которое в результате этой встречи становится проявлением сущности”.⁹

В течение второго десятилетия XX века, когда в критике дебатировался вопрос о кризисе символизма, как литературного направления, в кругу прозаиков-реалистов – в одних случаях интуитивно, а в других – с ощущением эстетической необходимости – активизировалось усвоение опыта символизма, уже реализованного в поэзии. Те, кто не был чувствителен к новым веяниям, иронически именовались натуралистами.

Процесс проникновения в реалистическую прозу того, что было свойственно эстетике символизма, получал воплощение в творческой практике писателей. В прозе наблюдалась мифологизация реалистической парадигмы.

Вячеслав Иванов, поэт и теоретик символизма, констатировал: “Мифотворчество возникает на почве символизма реалистического. ... Ибо миф - отображение реальностей, и всякое иное истолкование подлинного мифа есть его искажение. Новый же миф есть новое откровение тех же реальностей...”¹⁰

М.Горький занимался мифотворчеством в новеллистическом цикле “Сказки об Италии” (1911-1913). В самой заглавии цикла была обозначена установка на миф. Входящие в цикл легенды, сказки и были развивали лейтмотив поэтизации материнского начала на земле.

В критике, занимавшейся литературной продукцией прозаиков-реалистов, Александр Серафимович воспринимался как писательский тип социобывовика. Но вот перед нами его лучшая повесть “Пески” (1908), вызвавшая восхищение Льва Толстого. Автор выстраивает реалистическую конструкцию в бытовых эпизодах с целью создания емкого образа мельницы, перемалывающей жизни ее хозяев. Мельница символизирует волю неотвратимого рока в человеческой судьбе, а бытовые эпизоды как бы иллюстрируют общую авторскую мысль, связанную с коннотациями к образу мельницы.

Определение “бытовик” сопутствовало в критике и имени Александра Куприна. Сам писатель подтверждал свою приверженность к воссозданию

бытового адекватности действительности. Но как художник слова, чувствительный к эстетическим новациям, он вносил в бытописание приемы символизации, которые в наше время могут быть осознаны как купринские приемы.

Очерковый цикл “Листригоны” (1907-1911) по внешним признакам представляет собой беллетризацию документального материала о жизненном укладе рыбаков из черноморского города Балаклавы. Подразумевая греческое происхождение местных рыбаков, Куприн кодирует заглавие очерков, возводя его к мифу о листригонах, описанных в “Одиссее” Гомера. Он развивает свой излюбленный мотив “естественного человека”, бросающего вызов тем, кто порожден цивилизацией. Данный мотив гипертрофируется уподоблением рыбаков мифическому народу великанов-людоедов. В “Листригонах” реальность перетекает в миф.

Замысел Куприна в рассказе “Гранатовый браслет” (1911) связан с темой, разработка которой в те годы приобретала дискуссионный характер (после появления в 1907 году скандального романа М.Арцыбашева “Санин”). С целью убедить читателя в том, что в любви, а не в половом влечении утверждает свою человеческую сущность литературный герой, автор вводит в бытописание тройную символику: вещи, цвета и мелодии. Посредством символизации изображаемого восславляется любовь платоническая, освобожденная от половых притязаний. В символике вещи (браслет в качестве подарка княгине Шеиной в день ее именин от верного поклонника, мелкого чиновника) контрастируют условные понятия “прилично-неприлично”; в символике красного цвета (цвет гранатов, инкрустированных на браслете, цвет розы от княгини Веры погибшему из-за ее душевной инертности чиновнику Желткову) поэтизируется любовь как потребность человеческой души. И наконец мелодия второй части сонаты №2 Бетховена “Апассионата” символизирует безграничную душевную щедрость любящего человека, уходящего из жизни с благословением любимой: “Да святится имя твое, да пребудет счастье твое”.

В рассуждениях о воздействии модернистской эстетики на реалистическую прозу критики уделяли внимание импрессионизму. Андрей Белый в статье “Символизм и современное русское искусство” (1908) указывал на признаки импрессионизма в произведениях А.Куприна, Б. Зайцева, М.Горького (после появления его повести “Исповедь” в 1908 г.). Импрессионизм он называл “поверхностным символизмом” и объяснял его как “взгляд на жизнь сквозь призму переживания”.¹¹ Занимавшаяся импрессионизмом И.Корецкая выделила в нем “чувственный момент эстетического восприятия реальности”.¹²

В 1918 году прозаик Борис Зайцев, именуемый в тогдашней критике “неореалистом”, создал в лиро-эпической манере повесть “Голубая звезда”. Повесть породила критическое определение автора как “лирика космоса”. Введением космического символа он выразил пока еще подсознательную ностальгию по недавнему прошлому, оставшемуся “по ту сторону” социального потрясения 1917 года. Прозаик образно фиксировал угасание Серебряного века российской культуры и духовности.

На совершенных образцах прозы первых двух десятилетий XX века мы убеждаемся в том, что кризис русского реализма преодолевался посредством претворения эстетики символизма в границах реалистического метода. В прозе, подтверждавшей свою принадлежность к школе русского классического реализма, распространился образ, включающий в себя совокупность смыслов, порождаемых символистским принципом соответствий; в ней разрабатывались индивидуальные приемы символизации сюжетно-композиционной структуры:

хронотоп приобрел признаки духовной безграничности, а в стилевом отношении активизировался подтекст.

Участник литературного процесса Евгений Замятин в статье “Новая русская проза” (1923) признавал плодотворность соединения в современной прозе “микроскопа реализма” и “телескопических, уводящих к бесконечностям стекол символизма”.¹³ Такие произведения Замятина, как “Уездное” (1913), “На куличках” (1914), “Островитяне” (1917), рассказы из цикла “Петербург” (1918), социопрогностический роман “Мы” (1920), являются творческой реализацией его метафоризованного вывода в рамках статьи, обобщающей опыт русской прозы 1910-х годов.

Обновленная в формальном отношении проза оказалась внутренне подготовленной к суровым испытаниям исторического времени. Романы И.Бунина, А.Куприна, Б.Зайцева эмигрантского периода с художественной изощренностью воспроизводили не переживаемую реальность, а память о прошлом. У прозаиков-эмигрантов преобладал повышенный лиризм, гипертрофировалось субъективное начало, появился лично окрашенный мифологизм на ностальгической основе (миф о потерянном рае и его производные). Усилиями упомянутых творцов сформировалась оригинальная жанрово-стилевая модель русского эмигрантского романа, к которому применимо определение “неореалистический”. Критики-эмигранты Г.Струве, Л.Ржевский писали о “неореалистическом” романе русского зарубежья 1920-1930-х годов. Суть же “неореализма” в прозе, как мы пытались доказать, состоит в системе авторских приемов символизации реалистического метода.

Во время пребывания на Западе, в общей атмосфере увлеченности жанром романа, и Максим Горький совершил переход к крупной повествовательной форме (“Дело Артамоновых” - 1925, начало работы над “Жизнью Клима Самгина”). Роман М.Горького тяготел к хроникальной летописности, в нем преобладали документальное начало и тенденциозная типологизация в ущерб требованиям художественности. Романистика М.Горького доказывала истощенность русского реализма классического типа как творческого метода XX века.

В 1926 году в Берлине появился первый роман Владимира Набокова “Машенька”. В романе, связанном с темой потерянной родины, своеобразно преломлялась структура символистской книги Александра Блока “Стихи о Прекрасной Даме” (Блок - один из творческих вдохновителей раннего Набокова). Переложение блоковского мифа, возникшего из философской эстетики Владимира Соловьева, совершалось в романе “Машенька” в контексте изображения быта и бытия российской эмиграции. Романтико-реалистическими средствами дублировался символистский мифологизированный сюжет: мечта героя о встрече с Вечной Женственностью – встрече, которая должна преобразить окружающий мир и которой не суждено состояться в действительности. В связи с именем романной героини припомним, что в блоковской драме “Незнакомка”, где выводится земная ипостась Вечной Женственности, Звездочет провозглашает: “Пала Мария – звезда”, а Незнакомка, появившись на вечере в светском салоне, подтверждает: “Я зову себя – Мария”. Роман “Машенька” - один из наглядных творческих итогов взаимодействия реализма с символизмом в русской прозе XX века.¹⁴

В середине XX века неофициальная российская литература оказалась в условиях вынужденной конспирации. Жесткой идеологической цензурой она была вытеснена в литературное подполье. Писатели могли публиковать лишь то,

что соответствовало так называемому “социальному заказу”. В этих мучительных условиях Михаил Булгаков и Борис Пастернак посвятили по десятку лет своей жизни для создания “романа времени”. В состоянии вынужденной обособленности они формировали структуру современного русского романа, вписывая ее в парадигму мировой художественной традиции, включающей “Гамлет” Шекспира, “Фауст” Гете. В романах “Мастер и Маргарита” (1929-1940) и “Доктор Живаго” (1946-1955) творческое оплодотворение реализма символизмом достигло апогея.

Исходная ситуация в обоих романах – переживаемая авторами социальная действительность. Романский герой – непризнанный писатель, лишенный возможности донести свое творение до читателей. Дело его жизни реализовано внутри романного пространства (книга Мастера о Пилате, поэтическая книга стихов Юрия Живаго). Характер творчества романских героев требует подключения нравственно-философских проблем современности. Расширение хронотопа в обоих романах влечет за собой универсальность смысла. Подавленный историческим временем герой, человек-творец выступает как фигура символическая: для него творческий процесс является синонимом осмысленной жизни.

Женский образ в обоих романах развивается в реальной плоскости, но обрастает символическими ореолами: Маргарита и Лара – подруги страдальцев, музы их вдохновения; через них совершается эманация Вечной Женственности, выражающей абсолютный идеал в мире формообразующих идей. Идея сверхсилы, способной противостоять политическим реалиям, заключена в образах Воланда и Евграфа Живаго.

Преждевременная смерть романного героя – ровесника автора, наделенного чертами автобиографизма (Мастер умирает в психолечебнице, Живаго получает смертное удушье в трамвае в печально известном 1929 году) и последующее воскрешение духа творца в деле его жизни восходит к мифологеме распятия и воскресения Иисуса Христа. Соответствующие векторы евангельской мифологемы эксплицируются в обоих романах.

В романах “Мастер и Маргарита” и “Доктор Живаго” была достигнута глобализация социотематики, реально обусловленные коллизии приобрели экзистенциальный смысл. Образы романов символизировали невралгические гуманитарные конфликты эпохи, а стиль – полифонический у Булгакова, лиро-эпический у Пастернака – породил многоплановость литературных параллелей. Сознание будущих читателей могло быть заангажировано лишь на пути обогащения того, что было завоевано в области прозы Булгаковым и Пастернаком.

Во второй половине XX века целенаправленная символизация реалистического метода просматривается в творчестве создателей средних и крупных повествовательных моделей В.Аксенова, Ч.Айтматова, Ф.Искандера, А.Синявского-Терца, Вен.Ерофеева, С.Довлатова. Прогностическая фантастика была использована Василием Аксеновым для “просвечивания” современности в романе “Остров Крым”, а в романе “Ожог” он типизировал персонажей из среды интеллектуалов с подключением автобиографизма и общефилософского подтекста.

Фазиль Искандер в повести-притче “Кролики и удавы” излагал современную историю предательства конформистской интеллигенции, а в новеллистическом романе “Сандро из Чегема” прозаик с кавказской родословной запечатлел изначальную мудрость народного сознания, инстинктивно

отторгающего любую тиранию, включительно государственную. Форму он находил в варьировании приемов фольклоризации и мифологизации истории народной жизни. Чингиз Айтматов совмещал реальность с мифом, аргументируя нераздельность триады “прошлое-настоящее-будущее” и сводя национальные различия персонажей к общечеловеческой общности (повесть “Белый пароход”, роман “Плаха”).

Андрей Синявский-Терц развивал гофманиаду на автобиографическом материале (повесть “Крошка Цорес”), а Сергей Довлатов занимался символическим обобщением бытовой повседневности, отображая состояние российской урбанистической цивилизации советского периода (повести “Наши”, “Компромисс”, “Заповедник”, “Филиал”). Движение от автобиографизма и исповедальности к мифологизации современности организует повествование Венедикта Ерофеева в романе “Москва - Петушки”. Создавая впечатляющий спектр литературных аллюзий и ассоциаций, автор выводит своего лиро-эпического героя Веничку Ерофеева в физической ипостаси люмпен-интеллигента и в духовно-иррациональной ипостаси стихийного христианина. Веничка Ерофеев живет в собственном иллюзорном мире, не совместимом с Системой, и обречен на гибель.

Обратимся и к тем прозаикам-романистам, которым свойственно самоосознание хранителей реалистического канона. В романе Владимира Максимова “Заглянуть в бездну” и в романах Александра Солженицына “В круге первом”, “Раковый корпус”, в его романном цикле “Красное колесо” процесс символизации повествования на реалистической основе начинается с паратекстового уровня – с заглавий. Уже в заглавиях заложен символический ключ к рисуемому образу действительности прошлого и настоящего.

В течение всего минувшего столетия в русской прозе развивался метапринцип символизации реалистического метода. В оригинальных авторских разработках осуществлялся полиморфизм художественного осмысления российского бытия в многообразии нюансов. Используемые рудименты символистского метода в искусстве активизировали возможности смыслового обогащения реализма, сохраняя в долгосрочной перспективе его социальную обусловленность, его философскую и психологическую насыщенность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. *Захариева Ирина*. Концепция символизма в трудах В.Я.Брюсова. - В кн.: Брюсовские чтения 1996 года. Ереван, 2000, с.76-83.

2. См. сб.: *Андрей Белый*. Проблемы творчества. Воспоминания. Публикации. М., 1988, с.703.

3. Борис Пастернак об искусстве. М., 1990, с.381.

4. *Блок Александр*. Собрание сочинений в 8 томах. Т.5. М.-Л., 1962, с.125, 128.

5. *Иванов Вячеслав*. Родное и вселенское. М., 1994, с.143-169.

6. *Лежнев А.* О литературе. Статьи. М., 1987, с.270.

7. См. *Захариева Ирина*. Образ пространства в прозе Леонида Андреева. - В кн.: Русская литература XX века: направления и течения. Вып. 2. Екатеринбург, 1995, с.40-46.

8. Цит. по: *Гречнев В.Я.* Русский рассказ конца XIX-XX века (проблематика и поэтика жанра). Л., 1979, с.105.

9. *Доброхотов А.Л.* Онтология символа в ранних трудах А.Ф.Лосева. - В сб.: Античность в контексте современности. Вопросы классической филологии. М., 1990, с.217.
10. *Иванов Вячеслав.* Родное и вселенское. М., 1994, с.157.
11. *Белый Андрей.* Символизм как миропонимание. М., 1994, с.342.
12. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX - начала XX века. М., 1975, с.208.
13. *Замятин Евгений.* Роман. Повести. Рассказы. Пьесы. Статьи и воспоминания. Кишинев, 1989, с.528.
14. *Захариева Ирина.* Синтетическая модель русского эмигрантского романа ("Машенька" Вл.Набокова). - В кн.: Slavia Orientalis. Krakow, tom XLVIII, № 1, 1999, s.7-17.

Радостин Русев =====

ПАРАДОКСИТЕ НА ИСАК БАБЕЛ (”ОДЕСКИ РАЗКАЗИ”)

Съотнесено с мащабите на художествения талант на Исак Емануилович Бабел (1894-1941), оставеното от него литературно наследство като обем изглежда повече от скромно и несъразмерно. То се изчерпва с няколкото книжки с разкази, киносценарии, пиеси и очерци, които се изчитат само на един дъх и разпалват, но не засищат докрай читателското любопитство. Няма как човек да не посегне към тях повторно – още преди да се е отърсил изцяло от атмосферата на нестандартния, единствен по рода си художествен свят на писателя, преди да е открил някаква разгадка на магията, с която го е грабнало и държало словото му. Не е изключено интуитивно да изпита съжаление и за несъстоялото се, за ненаписаното от този необикновен автор.

По-особеното естество на историческата и литературната епоха, белязана със знака на сталинизма, би могло да се приеме като сериозна обективна причина, която създава препятствия за творческото саморазкриване на руските писатели и обяснява продължителните им творчески паузи по онова време. Още повече, че Бабел попада в черния списък на литераторите с най-тежки съдби, макар и външно да се примирява с този страшен факт и дори да го подминава с типичната си невъзмутимост и чувство за хумор, пишейки до В.Полонски [Бабель 1966, 447], че да има трудна съдба е далеч за предпочитане, отколкото да бъде между писателите без всякаква съдба.

При него обаче се намесват и ред други обстоятелства от чисто субективен характер. В едно писмо до И.Лившиц [Бабель 1966, 456]. Бабел казва за себе си, че е писател, комуто трябват няколко години мълчание, за да се “развихри” след това. Често става дума и за прословутия перфекционизъм на този творец, присъстващ като постоянен мотив в спомените на неговите съвременници. Всички, които го познават, говорят с респект за това, колко мъчително и дълго износва и доизпипва творбите си, колко прецизно подбира думите си и тяхното точно място в текста.

Писателят Константин Паустовски не вярва на очите си, когато вижда веднъж повече от двеста страници ръкопис у Бабел, автор, който намира дори разкази над десетина страници за “раздути и разводнени”. Оказва се, че това са цели 22 варианта на разказа “Любка Казак”, при това различията между първоначалния и окончателния вариант са точно толкова, колкото биха могли да бъдат те между “мазен къс амбалажна хартия и “Първа пролет” на Ботичели” [Воспоминания 1989, 28]. В статията “Работа върху разказа” [Бабель 1966, 406], където описва някои тънкости на писателската техника и разкрива за начинаещите творци тайни от собствената си творческа лаборатория, Бабел сам признава за своята “особена любов към преправянето”. Според него педантичното пресяване и префасониране на изходния художествен материал даже е оправдано и наложително, тъй като изгражда самостоятелната сила на езика и стила на писателя. Тамара Иванова отрича, че Бабел възпроизвежда множество варианти на един и същ разказ, както твърди “невероятният фантазьор” Паустовски, но

също свидетелства за неговата прекомерна самовзискателност, за изключително бавната му и фина работа над ръкописа [Воспоминания 1989, 108].

Както и да е – по-важно е, че онова, което за твореца отначало изглежда “отвратително, просто ужасно”, ни повече, ни по-малко от някакво “безпомощно и беззъбо фъфлене, неумело струпване на думи”, механично събиране на “късове, свързани помежду си със скучни служебни връзки” [Воспоминания 1989, 30] в крайна сметка получава съвсем прилична форма и се напълва със солидно съдържание. За да може писателят после без всякакви угризения и признаци на високомерие или самодоволство да напише в едно писмо, адресирано до А.Слоним: “Струва ми се, че бавната ми работа се подчинява на законите на изкуството, а не на халтурата, тщеславието, алчността” [Белая 1989, 195].

Окончателните художествени резултати от прекалено сложно протичащия творчески процес при Бабел не опровергават съдържанието на неговото претенциозно самомнение, а за читателите му остава вкусът и удоволствието от неповторимото преживяване на срещата с един нетипичен, причудлив и леко объркващ, но обсебващ художествен свят, споен от множество трудни за разплитане възли, свят, където се редуват или смесват всевъзможни контрастни и парадоксални съчетания: битовото и възвишеното, закачливо-шеговитото и сериозното, патетиката и иронията, лириката и цинизмът.

Въпреки това нестихващи вътрешни съмнения, колебания и неудовлетвореност – било то от самия себе си, от писателския талант или от психологическата предразположеност към определен начин на писане – съпътстват постоянно художествените търсения на Бабел: “... усъмних се в моите писания. Открих в тях маниерност и цветистост... разбрах колко огромна е моята непохватност” [Бабель 1966, 431].

Твърде болезнено, но свършено неоснователно и напразно, Бабел страда и от натрапчивата мисъл, че му липсва въображение: “Не умея да измислям. Длъжен съм да зная всичко до най-малката подробност, иначе нищо не бих написал. Върху моя щит е издълбан девизът: “Истиност!” Затова пиша толкова бавно и малко. Много ми е трудно. След всеки разказ старея с няколко години. Какво ти моцартианство, веселие над ръкописа и лек бяг на въображението” [Воспоминания 1989, 27].

Непрестанните опасения и комплекси на Бабел, свързани със собствената му стилистика, с техниката му на писане, се възобновяват с пълна сила и когато става въпрос за формата, за жанровите особености на творчеството му. Не един път писателят говори за своята неутолена “жажда да пише дълго”, за мечтата на своя “многострадален живот” – да напише роман – и самоиронично изповядва неуспехите си: “Все залитах да правя романи, а излизаха разказчета, по-къси и от опашчица на врабче” [Бабель 1966, 443]. По същото време в руската художествена литература се налага именно тенденцията за епическо отразяване на действителността. Бурните обществени катаклизми около 1917 г. предразполагат писателите предимно към епични разкази, дават им стимул да търсят и изобразяват героичното. Прозата на Исак Бабел като че ли не иска да влезе в тон с общия хор, самоизключва се от него, насочва се по свой собствен коловоз, контрастира на фона на общите увлечения и на типичното, защото с други, особени понятия и критерии авторът ѝ разбира и преценява изкуството.

Истинската стихия на този писател са кратките, сбити разкази, представляващи концентрати от мисли, идеи, метафори и колоритни образи. Само няколко странички побират мощен емоционално-лиричен заряд и предават в сгъстен вид съдържание, което би могло да се разгърне в значително по-обширни художествени форми. Въпреки ограничения формат на текстовете обаче, за читателя почти не е по силите да попие, смели и подреди отведнъж възприятията от необикновената мозайка от поезия,

екзотика и бруталност, човешки състояния и непредвидими и без граници скокове на мисълта, с които Бабел неизтощимо го обсипва. Отвсякъде струи и се натрапва нетърпимостта и съпротивата на автора по отношение несъвършенствата на заобикалящия го свят. В художествената му интерпретация това се постига и е предадено чрез остро контрастни противопоставяния (поезията срещу грубостта и насилието, иронията и смехът срещу уж сериозните социални норми и битови ситуации), непрекъснато се открива красота и лиризъм в зловещата действителност, пародира се псевдогероичното (“Конармия”), псевдоценностите и псевдоморала (“Одески разкази”). Тъкмо това нелогично съвместяване на полярни понятия и същности стои в основата на магическата игра на словото у Бабел. При него трагичното, кошмарът, адът внезапно се превръщат в смях. На фона на очевидното и обикновеното изкрystalизира парадоксалното в ситуацията или събитието. За него нищо не е еднозначно и затова разравя втората, скритата, същност на нещата, за да спори и опровергава видимото, наглед неопровержимото.

Действието в разказите на Бабел е заключено и се разиграва изключително в две пространствени среди – одеските улици и домове преди и след октомврийските събития на 1917 година (“Одески разкази”) или фронтовете на гражданската война (“Конармия”). И в двата случая писателят постига с еднакъв успех ефектни внушения – сякаш всичко се случва непосредствено пред очите на читателя, сякаш отнякъде наоколо, съвсем-съвсем отблизо, се чува пулсът на драматичните исторически събития, разиграващи се по бойните полета, и ехото на специфичния многогласен хор, в който са слети улични шумове, човешка реч и крясъци от бедняшките квартали на провинциалния град.

В това няма кой знае каква загадка. В писмата до близките си писателят споделя, че писането за него не е седене зад бюрото, а езда, участие в самия живот, подвижност [Воспоминания 1989, 329]. Бабел преднамерено търси непосредствен контакт със средата, която описва, опипва на място почвата, която иска да изследва, вживява се в своите герои, отъждествява се с тях. За да напише “Конармия”, му е било нужно сам да иде на фронта и да се присъедини към бойците. За да създаде цикъла “Одески разкази”, пък умишлено се заселва в дома на стар евреин от крайните одески квартали (Паустовски разказва по-подробно този прелюбопитен епизод от биографията на Бабел, който с драматичния си заряд изобщо не отстъпва на измислените му разкази: старецът, в чийто гостоприемен дом заживява писателят, се оказва въввлечен в тъмни бандитски афери, става злощастна жертва на отмъщение, а самият Бабел едва изпреварва разигралите се събития, за да не пострада като него).

Тук веднага се налага да направим едно съществено допълнение. Специфичното включване и присъствие на автора в събитията, които описва, както и съпреживяването на съдбите на някои негови персонажи са неща, които колкото и да предполагат, не означават непременно, че написаното огледално отразява видяното, че прозата му изпада в елементарен натурализъм. Натурализмът на описваните случки или битови детайли, иначе заложен и тлеещ дълбоко в произведенията му, никога не изпъква и като тяхна същностна черта. Уловеното от всевиждащия взор и изострената интуиция на писателя се поглъща и пречупва през призмата на неговото поетично съзнание, хиперболичен език и необикновен усет за художественост. Бабел няма афинитет към простото фотографско изображение и към очерковото излагане на фактите, не регистрира еднозначно събитията и фактите, а фантазира върху видяното, върху реалното (би могло да се каже дори, че не толкова измисля, колкото много изкусно доукрасява), усмихва се иронично, понякога внезапно отрича онова, което се натрапва от пръв поглед (така може да излезе, че одеските разбойници изобщо не са разбойници в пълния смисъл на думата или поне са твърде далеч от първоначалната представа за

тях, че действителността съвсем не е онова, което изглежда и т.н.). Средата, в която протича действието, изцяло се преобразява от въображението на автора, превръща се в необикновено зрелище, което прераства в метафори на човешкото съществуване, на човешкото общество, на света изобщо. Същото става и с част от персонажите – те са по-скоро фантастични, в повечето случаи и комично оцветени, отколкото реални фигури (Беня Крик, Фроим Грач), а писателят откровенно се забавлява, създавайки ги, смее се, остро иронизира.

Пикасо казва в едно свое есе [Пикасо 1989, 386], че изкуството не е истината. То е лъжа, която ни кара да видим истината или поне тази, която ни е дадено да проумеем. А художникът само трябва да владее начина, по който да убеди останалите в истинността на своите лъжи. Бабел върши точно това и отгоре на всичко го постига по безупречен и убедителен начин, превръщайки наблюденията си върху външния свят и вътрешните си емоции, идеите си в неочаквани, но съвършени художествени форми, с което придава материален вид на безкомпромисното си желание творчеството му да бъде истинско изкуство.

В гласа на Бабел никога не се долавят назидателни, натрапливо-агресивни акорди. Въпреки че повече от сериозните идеи, тревожещи съзнанието му (когато в “Конармия” разсъждава върху проблема за насилието или в “Одески разкази” се противопоставя на порядките и условията, унижаващи човешкото достойнство), предполагат подобно нещо. Писателят обаче ги подхвърля все някак между другото, небрежно, почти на самата граница с шегата или иронията, избягва прозрачните внушения. Болката му на хуманист например задължително се проявява зад едно демонстративно пренебрежително-лековато и иронично отношение към живота, зад повече от абсурдните и нелепи ситуации, в които смъртта сполетява персонажите му: “Необходими ли са думи? Имало човек и го няма човека. Живеел си един невинен бежарин като птица на клонче – и ето го загива от глупост. Идва един евреин като моряк и стреля не в някаква си бутилка с изненади, а в корема на човек. Необходими ли са думи?” [Бабел 1981, 168].

В такива случаи Бабел не прави пространни коментари и не се впуска в дълбокомислени философски размишления за смисъла на живота или по други проклети въпроси. Достатъчно му е просто да възпроизведе един елементарен и привидно безобиден диалог, който всъщност решава съдбата на един от неговите разбойници, попаднал в ръцете на властта, за да внуши неусетно смисъла на своето послание, че независимо кому принадлежи, човешкият живот винаги има безценна стойност: “... за какво е притрябвал този човек на бъдещето общество?...” – “Не знам... сигурно не му е притрябвал” [Бабел 1981, 293].

В стремежа си да изрази и внуши по максимално убедителен начин своите откровения за човешкия живот, за нещата, които го потискат, и индивидуалното си усещане за света, Бабел напипва своя специфичен художествен език, нацелва най-вярната форма, с която да облече художествено своите мисли. Измъчва го примитивното отношение към определени категории хора заради неща като произход, родова, етническа принадлежност и т.н. (по простата причина, че сам познава вкуса на обидата и унижението и му се налага да превъзмогва много душевни страдания). Ужасява го и насилието (физическо или духовно) върху човешката личност. А в същото време, иначе непоправим оптимист по природа, Бабел пише на близките си, че уничието му е неприсъщо, че никога не го напуска радостта от живота. В сблъсъка на толкова полярни емоционални състояния вероятно се крие и коренът на специфичния художествен светоглед на писателя, парадоксалното съжителство между сериозното и насмешливото, трагедийното и гротесковото, преплитането на интонации ту с ужасяващо, ту с комедийно звучене в разказите му. Затова в художествената система на

Бабел се наблюдава такова разклатено равновесие на ценностите, смени на места, при това не винаги нещата застават на своите логични места, непрекъснато се спори, опровергава, отрича.

Когато започва да чете “Одески разкази”, човек е предразположен да нагази в аномален и примитивен свят, обитаван от престъпници и бандити, и изгражда в съответствие с това своите очаквания за срещата си с патологичното. Ала твърде скоро всички първоначални предубеждения се разсейват. Оказва се, че разбойническите актове са нещо периферно, второстепенно, че в тази среда могат да стават и стават събития от битово естество, които са от особена важност за всяко нормално общество (сватби, погребения, дертове покрай наследниците и т.н.). Бабел говори за всичко това с умерен, уравновесен тон, без особено емоционално налягане. После, едва отърсил се от първоначалната си заблуда, читателят изведнъж трябва пак да се пренастройва, защото в значимите и сериозни по презумпция ситуации Бабел отново рязко променя тона и фокуса и на преден план излизат играта, смехът, иронията. Писателят започва да се усмихва иронично едва ли не зад всяка по-сериозна ситуация. И най-сериозното с непринудена лекота се поглъща, разтваря се в комичното. Въздействието от скокообразните преходи и от все по-интензивния начин на разказване е почти шоково.

Подобно усещане читателят изпитва например в “Кралят”. Според Константин Паустовски [Воспоминания 1989, 11] в този разказ съществува живот, който по нищо не се отличава от гротеската, всичко в него е непривично – не само хората и мотивите на техните постъпки, но и неочакваните ситуации, неизвестният бит, енергичният и живописен диалог.

Общата атмосфера и настроението в “Кралят” са някак тържествени, церемониални. Действието става по време на сватбеното тържество на сестрата на един от почти легендарните одески разбойници Беня Крик. На този представителен фон обаче се нанизва и релефно изпъква цяла поредица от резки контрасти, подправена с неукротимо чувство за хумор и ирония: като се започне от вече попрезрялата четиридесетгодишна младоженка, страдаща от базедова болест, “обезобразена от болестта, с издута гуша и изцъклени очи” [Бабел 1981, 161], продължи се със странните гости-разбойници, които разбиват бутилки в главите си, стрелят безразборно или показват “колко струва синята кръв и неугасналото още молдаванско рицарство” чрез щедрите си дарове от жълтици, пръстени, коралови нанизы, подхвърляни с небрежни жестове върху сребърните подноси, и се стигне най-накрая до пищната и прекалено разточителна на фона на чудовищната одеска нищета сватбена трапеза, отрупана с всевъзможни контрабандни продукти. С нарастващо любопитство читателят проследява в този разказ и описаните с огромна доза незлобив хумор сцени, в които бандитите се надхитрят, играят, флиртуват с властта. Сватбата трябва да стане капан за събраните на едно място смутители на обществения ред. Неповторимият Беня Крик с леденото си спокойствие, хитрост и фантазия обаче спасява празника и осуetyава хайката, като подпалва полицейския участък и създава съвсем други занимания на преследвачите. Пожарът, надлъгването, подигравката с представителите на властта също се превръщат в елемент от празника и веселбата.

И в разказа “Баща” основната изходна сюжетна ситуация изглежда достатъчно сериозна, празнична – бащата Фроим Грач търси подходящ жених за дъщеря си, но любопитните положения, в които последователно заварва всеки един от набеязаните кандидати, я окарикатуряват до пълно безобразие. Ето как само е обрисован единият, бакалинът Каплун: “Каплун седеше по жилетка в стъкленото преддверие на припек и ядеше диня – червена диня с черни семчици, с продълговати семчици като очите на дяволити китайки. Коремът на Каплун лежеше на масата под слънцето и слънцето не можеше да му направи нищо” [Бабел 1981, 176]. Вторият кандидат-жених, познатият

ни вече Беня Крик, пък убива времето си в компанията на дама със съмнителна репутация и никак не се притеснява, че отдавна го очакват за толкова важен разговор. Твърде странни и неподходящи за случая са и местата, където се разполага действието, всъщност пътят, извървян от героя: от бакалницата, през хана, превърнат в публичен дом, до гробищата, където накрая той прави официалното си предложение и се пазари за дъщеря си като за обикновена стока.

Трагично събитие – погребение на безпричинно убит еврейски слуга от бандитите на Беня Крик, организирано като компенсация от самите виновници за трагедията – лежи в основата на разказа “Как ставаше това в Одеса”. Бабел отново го рисува много образно, детайлно и точно както при сватбата в “Кралят” – като разточителство на фона на общата нищета: “Такова погребение Одеса не беше виждала, а светът няма да види” [Бабел 1981, 170]. Със същия ироничен и закачлив език, с който описва сватбарите, но вече далеч по-несъвместим с трагичната ситуация, сега той характеризира и участниците в погребалната церемония: “Те тропаха с крака като стражари на парад в официален празник. От широките им бедра идеше дъх на море и на мляко... Носеха черни сюртуци с копринени ревери и нови ботуши, които скимтяха като прасета в чувал” (170-171). Кулминацията си невъобразимата пародия, окарикатуряването и парадоксите достигат обаче в артистичното надгробно слово на Беня Крик, където Бабел забърква невероятен коктейл от тържественост, скръб и неуместен хумор, ръси чрез устата на героя си в обилни количества метафори, пословици, крилати фрази, остроумия, подхвърля безобразни лъжи, които зазвучават все по-достоверно, за да се превърнат накрая в едва ли не безспорни истини.

Ако в разкази като “Кралят”, “Баща” или “Как ставаше това в Одеса” Бабел се оттласква първоначално от сериозното и после разтваря в него комичното, то в “Справедливост в скоби” тръгва точно по обратния път. В основата на разказа този път стои анекдотична изходна ситуация – случаен конфликт между две разбойнически банди, преследващи едновременно една и съща плячка. Едно такова ситуационно недоразумение с всевъзможните, произтичащи от него последствия, вече съдържа безкрайни възможности и варианти за разгръщане на комедийно повествование и Бабел наистина не пропуска да се пошегува както винаги. Не закъснява и поредният парадокс в стил Бабел – когато едно след друго на повърхността започват да изплуват понятия като справедливост, чест, гордост, благородство и великодушие (примитивната жажда за мъст, да накаже виновника за недоразумението, внезапно се превръща у Беня Крик в състрадание, в готовност да покрие разходите по лечение на раните, които причинява на съгрешилия).

Излиза, че светът на бандитите, иначе априорно анормален и враждебен по отношение на онова, което е извън него, общоприето и редовно, разгледан като херметично затворена микросистема, се опира върху строги морални правила, които предполагат свои вътрешни стандарти и поведение – предателството, измамата не са на почит, а благородството и коректността са направо задължителни.

Бабел с неудържим интерес, но в никакъв случай не и самоцелно, изследва психологията на своите чудновати персонажи–разбойници със загадъчна душевност и специфична чувствителност, със странно, нелогично и противоречащо на здравия разум, но предизвикващо одобрението на читателя поведение.

Беня Крик има навика да изнудва богати евреи по свой собствен елегантен начин, с любезни и наивни “делови” писма от типа: “Многоуважаеми (Мосю)...Бъдете тъй любезен да сложите до събота под бурето с дъждовна вода... и тъй нататък. В случай на отказ, както напоследък вие почнахте да си го позволявате това, очаква ви голямо разочарование в семейния ви живот (очаква ви нещо такова, че е нечувано)... С почит: познатият ви Бенцион Крик” Бабел 1981, 159,167.

Естествено, в повечето случаи получава откази да му се подчинят или груби, обидни отговори. Интересното тук е не толкова наивният подход и комичното съдържание на писмата, колкото онова в реакцията на изнудваните, което може да нарани героя, а то е не друго, а пълното мълчание, липсата на какъвто и да е отговор, пренебрежението, отказаният му човешки контакт: “Свинята не се среща със свинята, но човек се среща с човека” [Бабел 1981, 168]. Исква му се само да му обърнат мъничко внимание, да го забележат, да му поискат отсрочка, да излят душата си пред него, да седнат и да се напият заедно с него. Странни изглеждат и саможертвата и чувството за дълг у запътилия се да ходатайства за освобождаването на приятелите си Фроим Грач от едноименния разказ, без да си дава сметка, че сам е в списъка на търсените смутители на реда и рискува собствената си безопасност.

Четени буквално, “Одески разкази” навремето са определяни като “поезия на бандитизма”, но това несъмнено е най-несполучливата, преиначена характеристика за тях. По-приемливо изглежда тълкуването на писателя Фазил Искандер, че идеализирането на бандитите е инспирирано от принципа, познат от народните песни, възпяващи разбойничеството: “идеализация на оръдията за възмездие за несправедливостите на живота” [Воспоминания 1989, 6]. А още по-строго погледнато, “гангстерите” на Бабел изобщо не са идеализирани, дори притежават куп пороци: демонстрират недотам изискани обноски, вършат злини, изнудват и грабят, причиняват насилие, постъпките им по принцип зависят от низки подбуди и емоции на равнище инстинкт (злоба, мъст). Когато изследва човешката природа обаче, писателят тръгва и по следите на причините, които предизвикват отклонения или дори разрушават човешкото. Тогава той отправя все по-задълбочен поглед към социалните и нравствени несъвършенства на света. В същността и поведението на героите му се усеща дискомфорта на личността в безличното общество, подтиснатият потенциал на човешката личност. А самите потенциални възможности и изначално заложеното у човека добро Бабел изобщо не подлага на съмнение. Показва го в парадоксалната психология на своите герои – стореното от тях зло може да предизвика искрено разкаяние, готовност за изкупление, способни са на великодушни извинения, изпитват срам.

Четири основни произведения от цикъла “Одески разкази” (1921-1924) – “Кралят”, “Любка Казак”, “Баща” и “Как ставаше това в Одеса” – заедно с добавените по-късно към тях, но близки в тематично отношение разкази “Залез” (1924-1925) “Справедливост в скоби” и “Фроим Грач” (1933), пиеса “Залез” и киноповест “Беня Крик” представляват калейдоскоп от епизоди, в които Исак Бабел гротескно моделира провинциалния градски бит с разпадащи се морални ценности и изследва микросвета на дребните градски престъпници, тоест човека, нагаждащ се към криво устроената действителност, за да оцелее. Зад битовите детайли и многобройните безобидни и весели ситуации, между ироничните и насмешливи намигания на писателя по повод дефектите на съвременното общество се прокрадват и идеи с общочовешко звучене – Бабел издига в култ свободата на човешката личност, справедливостта, човечността, добротата, защитава възгледа за човека като абсолютна ценност, съпротивлява се на насилието със средствата на изкуството и с художествения си талант. Цикълът се превръща в неотделим компонент от спора на Бабел за ценностите в живота, изпълнен с безкрайни съмнения, опровержения, разпръскване на илюзии.

Всичко това е предадено от писателя в една повече от прецизна художествена обработка. Ето само един от примерите – как внушава идеята си за човешката свобода и я облича в художествена форма.

Нека първо да обърнем внимание на общата атмосфера на всички разкази от цикъла – тя е игрова, театрална. Вътре всичко кипи, превръща се в динамично зрелище

с много шум, игри, веселие и смях. Цветовете, с които Бабел рисува смайващи гледки са до непоносимост и невъзможност ярки, контрастно наситени, поддържат весело панаирно, карнавално настроение: небето е “червено като червена дата в календара” [Бабел 1981, 174]; слънцето се излива “като кръв от разпорен глиган” (“Залез”); от лицата на хората, “нагиздени като птици колибри и с разноцветни сака” се стича малинова пот. В повечето си разкази Бабел оцветява пространството и облича персонажите си в оранжево или в розово: в “Кралят” кръпки от оранжево и червено кадифе “пеят със сочни гласове” от покривките на сватбената маса (157); пак там Беня прави предложението си за женитба в оранжев костюм (160); младоженката в “Баща”, “нахлупила шапка, окичена с птици”, е пременена с “мъжки чепици и оранжева рокля” (174); жените–търговки от погребалната процесия в “Как ставаше това в Одеса” са “загърнати в оранжеви шалове” (170); звездите в “Любка Казак са оранжеви (186); в “Как ставаше това в Одеса” Беня Крик обува розови чепици (169), а в “Кралят” обещава паметник от розов мрамор на своя зет (160); пот, “розова като кръв, розова като пяна на бясно куче”, залива готвачите на сватбената вечеря, “тези купища избуяло, сладковонещо месо” в “Кралят” (157).

От естетическа гледна точка възмутителната пъстрота в пейзажите, в интериора и в портретите на Бабел е доста некрасива, даже отвращава, създава усещане за силно деформирана хармония. В същото време тя е и неистов крясък, свидетелство за живот и жизненост, за динамика.

Бабел непрекъснато противопоставя застоялостта, бездушието, безкръвното и инертно течение на човешкия живот на страстта, активността, фантазията. Да се вгледаме в неговите персонажи–антиподи, с каквито сбитите му и лаконични разкази са гъсто населени. На единия полюс стоят едва щрихираните колоритни герои от миманса, погълнати от общата човешка маса, обезличени, загубили своята идентичност. Пред погледа ни се мяркат и изчезват безформени, самодоволни от безделие похотливи лица, същества, които плуват в океан от материални блаженства и гребат с шепи радостите на бита. В гротескните изображения на статистите в масовите сцени (погребения, сватби, пазари), еднакво лениви, равнодушни и безчувствени, независимо от различните ситуации, Бабел показва смаляването, стопяването на личността в безличната маса, намеква, че във физическия комфорт неизбежно покарват корените на душевната леност. На обратния полюс, макар и измъкнати от задния двор на обществото, се намират симпатичните бандити на Бабел. Експлозивни, заредени с неизтощима енергия, с мисъл и воля за свобода, те олицетворяват действието, бягството от рутината и скуката, отделянето и извисяването над сивата маса. Чрез тях виждаме как пред очите ни човекът–индивид, превърнат в екземпляр, върху който се провеждат социални експерименти, с окършени мисли и емоции, изведнъж се трансформира във вулкан от страсти (“страстта владичество над световите”), въображение, охота за игра и движение, в мислещ и чувстващ човек. Всички те играят с алчно удоволствие и опиянение, до самозабрава. Жестовете, речта и действията им преливат от смях и артистичност. Разбойническите нападения в тяхното “изпълнение” приличат на старателно отретепетирани театрални спектакли, към които са прибавени свободни актьорски импровизации, остри умствени реакции и глад за забавление.

Очевидно е, че мотивът за играта и смехът се повтарят често и представляват съществен отличителен белег на прозата на Исак Бабел. Какво означава това? Хегел определя смеха като изблик на желанието да изявиш собствените си чувства [Хегел 1967, 233]. А Шилер казва, че човекът играе само тогава, когато той е човек в пълното значение на тази дума, и той бива напълно човек само тогава, когато играе [Шилер 1957, 302]. Изостреното чувство за свобода у автора на “Одески разкази”, пренесено естествено и върху неговите герои, получава художествено решение именно в играта, в

смеха. В играта човек придобива пълна свобода, власт над реалността, разговарва се, освобождава се от комплексите си за непълноценност, разчупва страха си, излиза от себе си. Става ясно какво иска да каже и внуши Бабел.

Всъщност и всичко, което пише Исак Емануилович Бабел, е една игра, творческа игра, която блика отвсякъде: от непредсказуемите му творчески хрумвания, от лаконичния му, но многозначителен и изразителен език, от контрастните изображения, иронията му и парадоксалните размествания на местата между комичното и сериозното.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабел 1981- *Бабел И.* Разкази. С., 1981
Бабель 1966 - *Бабель И.* Избранное. М., 1966.
Воспоминания 1989 - Воспоминания о Бабеле. М., 1989.
Белая 1989 – *Бела Г.* Третя жизнь Исаака Бабеля. – Октябрь, 1989, № 10
Пикасо 1989 – *Пикасо П.* Изкуството е лъжа, която ни кара да видим истината. – Съвременник, 1989, № 4.
Хегел 1967 - *Хегел Г.* Естетика. Т.1. С., 1967.
Шиллер 1957 - *Шилле Ф.* Собрание сочинений в 7 томах. Том 6. М., 1957.

Илка Гуторанова =====

СЛУШАНИЕ В РАННЕМ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Раннее обучение иностранным языкам стало европейским феноменом в последние 20 лет. В Болгарии уже второе десятилетие массово изучаются иностранные языки в детском саду и в начальной школе. До настоящего времени методические вопросы раннего обучения все еще слабо изучены и описаны. Цель настоящей статьи – показать значение и применение слушания как одного из видов речевой деятельности в обучении русскому языку детей дошкольного и начального школьного возраста.

Как известно, слушание, говорение, чтение и письмо комплексно сочетаются в обучении. Они находятся в тесной связи и взаимозависимости. Принцип устного опережения означает, что слуховые восприятия и говорение являются основой, на которой строится чтение и письмо. В дошкольном возрасте (5-7 лет) предлагается только устная форма обучения иностранным языкам, а в начальной школе (7-10 лет) вводится обучение чтению и письму. Каждая из указанных деятельностей имеет свои особенности и специфическое применение в рамках раннего обучения иностранным языкам.

Слушание является основой говорения, устной коммуникации вообще. Употребляя термин слушание, мы имеем в виду слушание с пониманием (аудирование). Ребенок может воспроизвести правильно только те звуки или слова, которые воспринял правильно на слух. Слушание предоставляет образцы говорения, причем одновременно с этим контролирует говорение. Обычно сначала ребенок приучается правильно слушать, а потом правильно произносить. Это происходит потому, что слуховое дифференцирование протекает быстрее, чем дифференцирование в речедвигательном анализаторе. Целью в обучении слушанию является синтетическое понимание звучащей речи, которая протекает в нормальном темпе. При таком слушании дети должны воспринять общий смысл текста, пропуская при этом незнакомые слова или догадываясь об их значении из контекста и ситуации.

Понимание фразы при слушании происходит в результате распознавания информативных признаков, а именно интонации, ритма речи, пауз и логического ударения. Следовательно, еще с самого начала обучения иностранному языку от учителей требуется говорить преимущественно на иностранном языке, правильно интонируя свою речь. При этом педагог не должен стремиться к искусственному замедлению темпа, так как это влияет отрицательно на интерес детей к работе. Темп должен быть в пределах нормального – 200 слогов в минуту. Надо учитывать такие факторы, как порог внимания и степень утомляемости маленьких детей. Так, например, доказано, что в начальной школе усталость наступает после 10-15 минут концентрированного внимания.

Типичными ошибками учителей в обучении слушанию являются: многократное повторение фраз или вопросов, замедленное расчленение фразы на слова, постоянный перевод предложений на родной язык. Используя эти неправильные приемы работы,

педагог добивается кратковременного понимания речи на слух, но не развивает умения понимать. Не надо также забывать, что умение слушать можно развивать только на принципе восприятия нового. Это означает, что если данный текст предлагается для прослушивания несколько раз, то каждый раз нужно ставить новую конкретную задачу. Таким образом сохраняется интерес детей к учебе, их внимание направляется на разрешение определенной мыслительной задачи, в то же время языковая форма запоминается произвольно.

Интенсификация обучения слушанию на начальном этапе требует обязательного применения учебных технических средств, аудиокассет, с диалогами, песнями, стихотворениями, загадками, включающими изучаемую лексику в разнообразных вариантах. В самом начале тексты для слушания должны быть короткими и подаваться со зрительной опорой (картины, диафильмы, видео), чтобы облегчить процесс понимания. Постепенно на следующих этапах детям предоставляется возможность слушать более длинные тексты и без зрительной опоры.

В обучении слушанию маленьких детей очень важно умело дозировать объем и время протекания заданий, чтобы они не приводили к переутомлению и были максимально эффективны. Так, например, когда учитель рассказывает какую-нибудь историю, он не должен делать это целиком, с начала и до конца. Более целесообразно разделить ее на части, повторяя каждый раз определенные элементы и добавляя к ним новые, перед тем как дойти до конца. Таким образом незаметно отрабатываются данные конструкции и поддерживается интерес детей к процессу слушания. Например:

Сегодня понедельник. Утро солнечное. О ком эта история? Кого мы видим на картинке? Федю и Сашу. В солнечное утро в понедельник Федя и Саша гуляют... Где? В лесу. Федя и Саша гуляют в лесу. ...

Предлагаем рассмотреть применение некоторых типичных видов работы и игровых заданий, которые дают хороший результат в обучении детей слушанию на иностранном языке. (Scott, Ytreberg 1994).

Слушай и сделай

Всю работу в детской аудитории можно определить как деятельность типа “слушай и сделай”. Некоторые виды работы можно определить как спокойные и тихие, а другие требуют движения и шумного оживления. Физическая активность очень необходима маленьким ученикам. Кроме выполнения обычных заданий, дети с интересом воспринимают “нестандартные” задания, например: “Встань на цыпочки и спой свое имя. Прыгай на левой ноге до двери и т. д.”

Чем больше слов и словосочетаний выучили дети на иностранном языке, тем больше разных видов деятельности они могут выполнять. Преимущество этого вида упражнения состоит в том, что учитель сразу может узнать, поняли дети услышанное или нет. Дети учатся друг у друга. Если первый раз они не поняли задание, они могут посмотреть на других и таким образом ориентироваться в смысле услышанного. С течением времени учитель может возлагать кому-то из детей роль инструктора, что стимулирует и мотивирует детей в процессе обучения.

Большой популярностью пользуются упражнения “подними руку”. Как известно, для болгарских детей, изучающих русский язык, трудностью в произношении являются мягкие согласные в соседстве с другими согласными (мальчик, большой, меньше), а также различение звуков **э-е**, **ы-и** (*этот, ем, ешь, било, было, мило, мыло*). В данном случае применение с заданием: *подними руку!*, когда встречается тот или иной “трудный звук”, благоприятствует развитию фонематического слуха детей. Этот вид упражнений можно применять и для проверки

усвоения разных лексических единиц, например, чисел от 1 до 20. Учитель шепотом говорит числа по порядку и просит детей поднять руку, если какое-то число будет пропущено.

Интересны для детей упражнения, которые включают **рассказ с пантомимой**. Учитель рассказывает историю и вместе с детьми демонстрирует движения, связанные с историей. Это обеспечивает детям физическую активность и дает возможность педагогу поиграть со своими учениками. Например:

Мы сидим в лодке. Давайте погребем. Мы гребем еще и еще. А что это там? Это птица. Она летит над водой. Мы уже устали грести. Вот и берег. Пора идти домой. Мы хотим спать. Закрываем глаза и засыпаем.

Слушание как элемент подвижных игр

Подвижные игры – благодатная основа в обучении маленьких детей иностранному языку. Приведем конкретный пример такой игры с детьми 5-7 лет под названием “Зайка беленький”. Учитель говорит детям стихотворение о Зайке и демонстрирует действия в нем:

Зайка беленький сидит и ушами шевелит.
Вот-так, вот-так и ушами шевелит.
Зайке холодно стоять – надо Зайке поскакать
Скок-скок, скок-скок – надо Зайке поскакать.
Зайке холодно сидеть – надо лапочки погреть
Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп, надо лапочки погреть.
Кто-то Зайку испугал, Зайка прыг и убежал.
Кто испугал Зайку? – Мишка.

В конце стихотворения учительница показывает Мишку, который становится участником игры.

В самом начале при разучивании игры дети только слушают учительницу и наблюдают за ее движениями. На следующем этапе они хором и индивидуально повторяют то, что видели и услышали, стараясь подражать учительнице. Таким образом на игровой основе усваивается новый языковой материал и создаются навыки слушания с пониманием и говорения.

Слушай и нарисуй

Это задание, которое очень нравится детям, и они с удовольствием его выполняют. Имея в виду, что рисование требует определенного времени, рисунки должны быть простыми. Такие упражнения являются очень подходящими для проверки усвоения названий предметов, предлогов, чисел, цветов и др. Но эти задания нельзя применять для проверки глаголов движения, так как изображение действий слишком трудная задача. Вариантом этого задания может быть слушание для получения информации и как результат раскрашивание определенной картинке. Например, детям даются три картинке, на которых нарисованы мальчики. Задание следующее: “Видел ли кто-нибудь из вас этого мальчика? У него темные волосы и большие уши. Он в резиновых сапогах и коротких штанах, держит мяч. Поставьте крестик на соответствующей картинке. Раскрасьте ее так, чтобы штаны стали желтыми, а мяч красным“.

Слушай и напиши

Этот вид упражнений можно использовать с учениками, которые уже приобрели элементарные письменные умения в начальной школе. Детям предлагается для прослушивания определенный текст и анкеты, в которых они должны заполнить данные, опираясь на воспринятую информацию.

Слушай и повторяй

Эти упражнения особенно полезны для развития фонематического слуха и для отработки произношения. В данном случае повторение оправдано, потому что с его помощью создаются навыки устной речи. В этом отношении легче всего работать на основе забавных детских стихов и песен. Дети любят их за ритм, веселое содержание и ощущение игры с языком. Все это присуще детскому миру, и вполне естественно включать такие песни и стихотворения в процесс обучения иностранному языку.

Разнообразный материал для работы по русскому языку с детьми предлагается в книгах Серовой (1981) . Ушаковой (1996) и др.

Когда поют песни, музыка приносит детям эстетическое наслаждение, и они незаметно и легко запоминают новые слова и выражения, использованные в любимых песнях. Таким образом ученики входят в мелодию и ритм иностранного языка и запоминают целые речевые блоки, которые очень часто остаются в сознании на всю жизнь.

На продвинутом этапе раннего обучения как материал для слушания можно использовать более длинные рассказы и сказки, которые дети любят и знают на родном языке. Сама структура сказок, построенная на повторении, помогает детям при слушании и закрепляет усваиваемые слова и конструкции иностранного языка.

В заключение нужно подчеркнуть, что слушание является первоосновой, на которой зиждется обучение иностранным языкам. В раннем обучении слушание требует специфического применения с учетом возрастных особенностей маленьких учеников.

ЛИТЕРАТУРА

Scott, Ytreberg 1994: *Scott W. A., Ytreberg L., Teaching English to Children.* Longman, London, 1994.

Серова 1981: *Серова Е.* Мозайка. Ленинград, 1981

Ушакова 1995: *Ушакова О.* Придумай слово. Речевые игры и упражнения для дошкольников. Москва, 1995

Манол Наков =====

КАКВО ЧЕТЕМ ОТ АЛ. СОЛЖЕНИЦИН НА БЪЛГАРСКИ Библиографски преглед и... още нещо по повод 85-та годишнина на писателя

Както би възкликнал Иван Вазов, Солженицин “пристигна с гръм” у нас. Не бяхме го чували, не бяхме го сънували, докато най-неочаквано в късната есен на 1962 г. се появи негов пратеник. Пратеникът беше повестта “Один день Ивана Денисовича”, отпечатана в ноемврийската книжка на сп. “Новый мир” с главен редактор Ал. Твардовски. Чак тогава **бащите на “размразяването”** (по израза на Иля Еренбург) и по-специално Н. С. Хрушчов **бяха разрешили в Съветския съюз да се печатат произведения на Ал. Солженицин**. На свой ред издателство “Народна култура” включи извънредно в плановете си повестта и още следващата 1963 г. я отпечата и разпространи в 30 000 бройки. Преводът направи Венцел Райчев, една от първите му изяви на преводаческото поприще.

Спомням си също, че вестник “Литературен фронт” започна да печата повестта на подлистници преди края на 1962 г. в превод на Петър Аджаров, лагерист, завърнал се от емиграция в СССР. Когато във вестника бяха научили, че издателството подготвя “**Един ден на Иван Денисович**” за отпечатване в друг превод на български, дойдоха на разговор с искане да бъде използван техният вариант. Но след възникнал спор за качеството, “Народна култура” отклони предложението и пусна подготовения от В. Райчев текст.

Читателският интерес към “Един ден на Иван Денисович” беше огромен, тиражът се стопа за дни, тъй като авторът пръв (или един от първите) в художествената литература на руски език изнасяше на показ епизод от живота на все още тайнствените лагери “на Севере диком” и не само там, наречени по-късно съкратено ГУЛАГ (по-точно би било ГУЛаг – Главно управление на лагерите). А Солженицин има “стаж” в общи и специални лагери от 1945 до 1953 г., когато е изпратен на “доживотно заселване” в Средна Азия, и **реабилитиран окончателно през 1956 г.**

При подобно читателско търсене, превърнало повестта в литературно събитие, обикновено следва ново издание или допечатка на тиража. Този път обаче **второ издание** на “Един ден на Иван Денисович” в обновен превод на В. Райчев се появи едва през 1990 г. в просъществуващото съвсем за кратко издателство “Интерпринт”. Там редакторите бяха добавили към повестта **5 разказа** на Ал. Солженицин (“Матрьонината къща”, “Захар Торбата”, “Великденско кръстно шествие”, “Колко жалко” и “Дясната ръка”). Използвам случая да заявя писмено, че в издателското каре съм вписан като преводач на 4 разказа, което не е истина. Първият разказ е преведен от Лиляна Минкова, а последният от мен. **На останалите 3 не успях да уточня преводачите** чрез приятели и познати, свързани с рецепцията на Солженицин в България.

* * *

За жалост, както подсказва горният пасаж, представянето на Ал. Солженицин у нас с други негови публикации прекъсва за около две десетилетия – до перестройката.

Защото в родината му срещу него е задействана негласна забрана името му да се появява в печата. Не стига, че редакциите му отказват системно изява, ами трябва да понесе нападките на цяла кампания с обвинения в антисъветизъм и предателство. Като последица от тази акция **през февруари 1974 г. той бива експулсиран от СССР**. Първоначално се настанява със семейството си в Цюрих, а после – за дълго в САЩ. Така е, когато едно творчество и поведение (дори да не са безукорни) се оценяват по идеологически, а не по професионални критерии.

Връщайки се към хронологията, ще отбележа, че 10 години по-рано за “Един ден на Иван Денисович” Ал. Солженицин беше предложен за Ленинска награда (1964), но не го удостоиха поради смяна на политическия курс в СССР. Към края на 1969 г. Солженицин бе **изключен от Съюза на съветските писатели** (организацията в гр. Рязан, където членуваше) поради нежелание да се пригоди към обстоятелствата. Въпреки това, а може би тъкмо заради това, **през 1970 г. му бе присъдена Нобелова награда за литература**, която не можа да получи лично поради разбираеми причини.

И в изгнание обаче Ал. Солженицин не губи борбения си дух, не прекъсва редовните си творчески занимания: преработва почти всичко, написано по-рано, заляга над нови съчинения, печатат го (главно в Париж). Немският изследовател на руската литература през XX век Волфганг Кёзак потвърждава, че започналото през 1978 г. в Париж издаване на **Събрани съчинения** на Ал. Солженицин продължава и до 1991 г. **са отпечатани 20 тома**. По непубликувани данни томове вече надхвърлят 25. И Париж не е единственият град, в който се печата Солженицин.

Сметнал вече за безопасно, **през 1994 г. Ал. Солженицин се завръща в родината си** като реабилитиран от всички институции. И продължава да работи с присъщата му последователност, развива активна публицистична и обществена дейност.

* * *

Но нека след това необходимо като фон отстъпление отново надникнем в библиографските каталози. А те показват, че след 1989 г. идва **повторно “размразяване”** за прозата и публицистиката на Ал. Солженицин и в България. Още при първа възможност сп. “Факел” се залавя с представянето на обемистото му и уникално по характер съчинение **“Архипелагът ГУЛАГ” с подзаглавие “Опит за художествено изследване”**. Отпечатва го в кн. 3 от 1990 и кн. 5-6 от 1992 г. Преводът е на Иван Дойчинов. Издателство “Народна култура” тиражира същия превод в двутомник през 1993 г. в 4000 бройки, а на следващата година пуска препечатка от 10 000 екземпляра. Публикацията във “Факел” е подкрепена от **статии и коментари на видни руски творци** като Ал. Твардовски “Случаят Солженицин”, Р. Медведев “За първата част на “Архипелагът ГУЛАГ”, Г. Владимов “До IV конгрес на съветските писатели”, Л. Чуковска “Разкъсване на мълчанието”, А. Злобин “Парадоксите на Архипелага”, преведени от И. Мерджанова, М. Радева, Т. Демирова и И. Николова.

По същото време Борис Мисирков превежда първата част на автобиографичните “очерци за литературния живот” с образното заглавие “Бодался телёнок с дубом” за кн. 3 от 1990 г. на сп. “Съвременник”. Издателство “Факел експрес” отпечатва пълния текст на “очерците” чак през 1998 г. в отделна книга, озаглавена **“Рекло телето дъба да мушка”**. Всъщност като израз това заглавие представлява метафора за прогнилия дъб на съветската империя и привидната обреченост на всякакви опити да бъде съборен.

Книгата “Раковый корпус”, означена от Солженицин като повест, излиза на български език през 1993 г. **в два превода**: на Антоанета Бежанска като **“Ракова болница”** (изд. “Народна култура”) в 10 000 бройки, и на Георги Миланов като **“Раково отделение”** (изд. “Висион”, Перник) в 5000 бройки. Г. Миланов е придружил повестта с известната “Нобелова реч” на Солженицин, която запознава читателите с

идейните и естетическите принципи на писателя. Тази реч е печатана и в кн. 3 от 1993 г. на сп. “Струма”.

Г. Миланов е преводач и на романа **“В първия кръг”** (Перник, 1995). След издаването на този роман от емигрантското творчество на Солженицин непреведена на български остава само **историческата епопея “Червеното колело”** (дотук справката предимно по: Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература, с. 419-421).

“Червеното колело” е 10-томно съчинение, започнато по-отдавна, но завършено във Вермонт (САЩ) между 1976 и 1991 г. Градивото му е огромен фактически материал и разглежда причините за [Октомврийската] революция (слаба власт, упадък на религията, обществен радикализъм) и нейния ход, анализира политическите и идеологическите платформи на различните партии и групировки, обосновава възможността за алтернативно историческо развитие на Русия. **Подредено е в 4 “възела”** (необичаен термин): “Август четиринайсета” – след две допълнения обхваща 2 тома (1983), “Октомври шестнайсета” – също в 2 тома (1984), “Март седемнайсета” – в 4 тома (1986-1988), “Април седемнайсета” – в 2 тома (1991). Последните глави третираат края на царизма, февруарската революция и създалата се обстановка, при която болшевиките неизбежно вземат властта. Позволих си да конкретизирам обема и съдържанието на “Червеното колело”, защото тази поредица не е позната на широките читателски кръгове у нас и едва ли ще бъде преведена в близките години на български език.

* * *

Обемиста и разнопосочна по тематика е и **публицистиката** на Ал. Солженицин. Една част от нея е позната отдавна на българските читатели в превод на родния ни език. Някои статии и коментари, поместени в сп. “Факел” (1990 и 1992), споменах, когато стана дума за първата публикация у нас на “Архипелагът ГУЛАГ”. Тук ще прибавя **друга голяма група**: “Чертите на две революции” (“Литература”, 1993/1, прев. С. Бранц), “Разкаянieto и самоограничението – категории в живота на нацията” (“Съвременник”, 1995/1, прев. Б. Глишев), “Как да устроим Русия” (“Демократически преглед”, 1994/7 – съкратен превод), “Интервю” (“Изток – Изток”, 1995), “Отец Александър Мен” (“Факел”, 1997/3, прев. Р. Бърдарска), Слово, произнесено в Бъкингамския дворец (“Факел”, 1997/3-4, прев. С. Бранц), До президента на САЩ Роналд Рейгън (“Факел”, 1998/6, прев. К. Савов), “Русия в разруха” (“Факел”, 1999/2, прев. К. Савов), Реч, държана в Харвардския университет, и някои други. Поради големия интерес към нашумялото в ония години име на Ал. Солженицин са преведени и някои **спомени и отзиви за неговата личност**. Ив. Цветков е представил например в свой превод фрагменти от книгата на Н. Решетовска (бивша съпруга на Солженицин), озаглавена “Солженицин – началото на пътя” (“Пламяк”, 1995/1-2), статията на Л. Наврозов “Руският аятолах” (“Факел”, 1997/3-4, прев. В. Корнилев), Отворено писмо до Солженицин от А. Синявски (“Факел”, 1998/6), “Солженицин или глас от подземиято” от И. Яркевич (“Факел”, 1998/6, прев. З. Петрова) и др. Регистрирани са и преводи на статии от европейски езици за отделни книги на Солженицин. Но според каталога това е вече “за него”.

* * *

Да, **наистина е “за него”**, с което аз излязох от заглавната тема. Не е съмнително любопитство обаче да бъдат припомнени още някои факти около проникването на Солженициновото документално, публицистично и философско творчество в България. Мнозина бяхме очевидци на това проникване, ала незаписаните спомени много често не са най-достоверните свидетели. **Книгата все пак си остава по-**

вярната памет. Ще приведа отделни факти от две известни ми книги. **Първата: “В последния кръг”** – сборник, преведен от руски (изд. “Наука и изкуство”, С., 1974). По време това е съвсем в края на продължилата на приливи и отливи 4 години кампания срещу “бунтовния” писател. На вид и по обем книжката е повече от скромна. Ала върху черен фон на корицата четем зловещ текст: “Сборникът включва материали от печата, статии, документи, изказвания на видни съветски писатели, обществени дейци и журналисти, които разкриват предателския път на А. И. Солженицин, неговия образ на политически авантюрист, застанал на пътя на откритата борба против завоеванията на съветския народ”. Когато сборникът излиза от печат в Москва, анатемосаният Солженицин е бил вече официално изгонен от СССР. Изданието е имало за цел да убеди общественото мнение в правотата на административните мерки срещу дисидента.

Между 25-те автори на кратки материали в сборника **има лагеристи**, издали книги на същата или близка тематика. Двама от тях бяха мои познати (Борис Дяков и Галина Серебрякова), с които съм водил разговори за разните затвори и лагери. Останал съм с чувството за откровеност от тяхна страна. А ето, че те протестират срещу злоупотреба с истината, своеволни писания, озлобеност на автора Солженицин. Б. Дяков заявява: “Вие пишете, че са ви заплашвали със Сухановския затвор като най-страшен, “неговото име следователите изговарят със зловещо “съскане”. Вас не са ви затваряли в него. “А които са били там – след това не можеш да ги разпитваш: или несвързано бълнуват, или пък не са живи.” Обаче, без да разпитвате, все пак сте описали сухановската килия. А аз за ваше сведение съм лежал в нея, и то доста дълго. За своето пребиваване в Сухановка съм написал подробно в “Повест за преживяното”. Разбирам: тя не ви харесва, дразни ви. Ех, ако беше с антисъветска подкладка, щеше да бъде друга работа: сяхте да се зарадвате!”. Повестта на Б. Дяков беше преведена на български малко след “Един ден на Иван Денисович”.

И Галина Серебрякова възроптава: “Да, аз преминах несравнимо по-тежък затворнически път от Солженицин. От 20 години над 7 бях в затвора, от тях 3, трябва да кажа, в същия Владимирски ТОН, за който се опитва да пише твърде несправедливо Солженицин. Това именно ми дава право да опровергая Солженицин, служещ си с лъжа. Също така аз бях реабилитирана значително по-късно от Солженицин, в края на 1956 г.”.

Колкото и да сме убедени отнапред, че АПН е включила в сборника само критични материали против автора на “Архипелагът ГУЛАГ”, тези възражения си остават повод за размисъл около “Архипелагът...”, за писателевото откровение (или предубеденост) и кога сме прави (грешим), като от отрицание преминаваме към възхвала. Така се получи. Явно истината не е по средата, а някъде в дълбочина и изследователите трябва да си свършат докрай работата. Трябва, защото времето тече, замитат се следи. Ето например, когато Ал. Солженицин бе реабилитиран напълно, някой се е сетил, че преведената книжка е съвсем конюнктурна, злепоставя културната ни политика през оня период и е разпоредил да бъде иззета от библиотеките.

Втората книга – тази на Наталия Христова, озаглавена “**Българският скандал “Солженицин”**” (издателско ателие Аб, С., 2000), проследява събитията на българска почва. Особено полезни са приложените 75 страници факсимилета на протоколи от заседания на партийни и управителни органи на Съюза на българските писатели (СБП). От хронологичното изложение на фактите става ясно, че СБП се набърква в скандала на висок глас чрез авторска статия под рубриката “Недостойно” – едно емоционално отрицание, в което по немного интелигентен начин Солженицин е окачествен като изменник (“Литературен фронт”, 15.10.1970). Публикацията е направена само 5 дни, след като телеграфните агенции са съобщили, че на Александър Солженицин е

присъдена Нобелова награда за литература. На 24 ноември обаче **въпросът се изостря допълнително**. В края на Втората национална конференция на СБП за подложената на гласуване протестна телеграма до Нобеловия комитет четирима души се въздържат, а един е против. Мотивът: освен повестта не са чели други произведения на Солженицин, за да преценят наистина ли е награден незаслужено, по политически съображения. А че не са чели друго, е неоспорима истина, защото е нямало къде да го намерят. Но въздържането се приема като дисидентски протест и последствията са твърде неприятни. На 8 януари 1971 г. Бюрото на ГК на БКП – София **прекратява членството в БКП** на Христо Ганев, Валери Петров, Гочо Гочев и Марко Ганчев, а гласувалият против Благой Димитров по-късно като безпартиен е изключен от СБП. (Реабилитирани бяха за 9 септември 1984 г.) Имаше и “привикани” на съд за тайно разпространение на произведения на Солженицин между софийски интелектуалци.

Въпреки административната и медийната кампания против Ал. Солженицин в СССР, в която Съюзът на съветските писатели взема активно участие, дипломатично се бави да изпрати подобна декларация до Нобеловия комитет. Защо ли ръководството на СБП е трябвало да се надбягва за първенство, или е изпълнявало указания? Донякъде можем да си обясним това, като четем протоколите – някои от изказалите се демонстрират такова престараване, че тръпки да те побият. (Неловко ми е да споменавам имена.) **Дори обявяват творческия залез** на Хр. Ганев и В. Петров. Пък те десетилетия се задържат в зенита на професионалните си постижения.

* * *

Проблемът “Солженицин”, получил отдавна международен отглас, се актуализира в края на 1973 г. и особено в началото на 1974 г. във връзка с изпратеното нелегално от автора и отпечатано на Запад съчинение “Архипелагът ГУЛАГ”. През цялата кампания у нас към “Литературен фронт” се присъединяват спорадично с публикации на писатели вестниците “Народна култура”, “Пулс”, “Отечествен фронт”, “Народна младеж”, радиото и телевизията, а “Работническо дело” с официални съобщения. Общо взето, шумотевицата в България приключва със статията “Потъващият архипелаг” на “Литературен фронт” от 21 февруари 1974 г. И човек се пита – защо им е било всичко това на “най-правоверните” писатели? Сега пък други техни събратя по перо (а понякога същите) хвалят в захлас всичко, писано от Солженицин. А оценките на художествените качества и достоверността остават някак на заден план.

Добре известно е също, че **публикациите на Ал. Солженицин, малки и големи, се приемат нееднозначно** не само в тогавашния Съветски съюз, но и далеч извън него. И различията не са преодолени с течение на времето. Според френския писател Пиер Декс, например, Солженицин е “най-големият руски автор от живите” руски като неделима част от Съветския съюз”. Неспоменат по име член на Шведската академия го смята за “очеркист, репортажист по-точно...” Западногерманският славист Ханс-Йохим Шлегел дори отказал на престижно издателство да превежда Ал. Солженицин, по-конкретно “Архипелагът ГУЛАГ”. Умишлено вземам противоположни мнения на европейски, а не на руски литературни дейци. Много е важна обективната, възможно вярната оценка на дадено произведение, защото тя улеснява специалиста за неговото подреждане по скалата на ценностите, а читателя в същинското му възприемане, колкото и индивидуално да е то.

* * *

Това са в общи линии българските преводи от мащабното книжовно дело на Александър Исаевич Солженицин **плюс още нещо за него** и условията, при които

живее (или оцелява). Допада ли ни, или не всичко писано от него, одобряваме или не заеманите позиции през различните периоди от мъчния му и трескав живот, е отделна работа, въпрос на лично убеждение и предпочитание. Познал много житейски тегла и превратности, вкусил и от меда на славата, той навлезе в патриаршеска възраст – на 11 декември 2003 г. закръгли 85 години. Задълго ще остане в историята като родолюбива, бележита, борбена фигура в голямата, богата на таланти руска литература и култура. А защо не и в световните литературни справочници – името и книгите му са познати в цяла Европа, в САЩ и страни от други континенти.

ЛИТЕРАТУРА

Божанкова 2001: *Божанкова Р.* Руска емигрантска и дисидентска литература. – В: Преводна рецепция на европейските литератури в България. Т. 2. Руска литература. С., 2001, с. 419–421.

Биографический энциклопедический словарь. Научное издательство “Большая Российская энциклопедия”. М., 2000, с. 554.

Казак 1996: *Казак В.* Енциклопедия на руската литература през XX век. С., 1996, с. 794.

Серебрякова 1974: *Серебрякова Г.* Банкрутът. – В: В последния кръг. С., 1974, с. 43.

Дяков 1974: *Дяков Б.* Пълзешком към чуждия бряг. – В: В последния кръг. С., 1974, с. 47.

Христова 2000: *Христова Н.* Българският скандал “Солженицин”. С., 2000.

Теодора Бочукова =====

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЧАТА

В данной работе рассматриваются словообразовательные особенности русского чата как особой разновидности компьютерно опосредованной электронной коммуникации, которую можно назвать русской электронной разговорной речью (РЭРР).

Выбор темы продиктован тем, что языковой материал, на базе которого написана данная работа, – это относительно новое явление, и он не подвергался целостному анализу по уровням, судя по известной нам литературе.

Объектом анализа в работе служат аутентичные тексты-записи РЭРР (т.наз. чата), снятые из русского Интернета. **Предметом** работы является анализ этих текстов чата и, в частности, их особенности на словообразовательном уровне. В качестве **материала** для анализа выбраны тексты в объеме около 50 000 словоформ из русского чата в Интернете, полученные в январе-октябре 2003 года. Из списка 248 наиболее посещаемых сайтов (см. Приложение 1) мы выбрали разнообразные в тематическом отношении сайты. В сборе материала соблюдался также баланс по характеристикам коммуникативных участников: по возрасту, по полу и сексуальной ориентации, по образованию и профессии, по территориальному распределению. Это позволило нам расширить идиолекты и социолекты, которые мы исследуем, т.е. обогатить психо- и социолингвистические факторы, определяющие особенности данного типа коммуникации.

Цель данной работы – выявить словообразовательные особенности русского чата как РЭРР. Это лишь компонент многоуровневого и многоаспектного описания РЭРР, что поможет в дальнейшем определить статус этой новой сферы общения. Особенности на словообразовательном уровне – яркий индикатор изменений, наступающих в языке, так как именно словообразовательная языковая подсистема является одной из наиболее сильно подверженных и открытых к изменениям [Земская 1996, 91].

В ходе работы для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**. Наблюдения двунаправленные: с одной стороны, теоретически конструируется рабочая гипотеза–предположение и перечисляются ожидаемые особенности. Мы подыскивали примеры в материале для подтверждения заранее сформулированной гипотезы. С другой стороны, детально анализировался материал и объективно фиксировались словообразовательные особенности.

Материал зафиксирован в письменной форме, но мы хотели проследить, какие черты преобладают в нем – черты устной или письменной речи, или это особый “гибридный” продукт между устной и письменной речью. Наблюдения велись на основе следующих исходных теоретических оппозиций с присущими им характеристиками:

- язык : речь
- письменная речь : устная речь

На словообразовательном уровне решались следующие задачи:

- выявить мотивированные слова в текстах из русского чата;
- дать общую характеристику словообразовательных типов, моделей, процессов в динамике употребления и развития языка;
- из всех наличных мотивированных слов выбрать для более детального анализа окказиональные и неологические образования;
- провести словообразовательный анализ выделенных слов;
- выявить активные, продуктивные словообразовательные способы, типы, модели, разновидности и форманты;
- рассмотреть выявленные словообразовательные особенности с точки зрения подтверждения или опровержения первоначальной рабочей гипотезы, ее уточнения в деталях;
- описать особенности идиолектов и социолектов отдельных групп участников чата, таким образом наметить тенденции динамики и развития современного русского языка в его разновидности чата, или РЭРР.

С учетом особенностей данного типа коммуникации – непосредственного живого общения в Интернете – в центре внимания находится деятельностный, динамический характер самого языка, понимаемого как система систем, а объект – одна из составляющих подсистем – словообразование [Земская 1992, 4]. Языковые явления рассматриваются не с классификационной статической точки зрения, а в динамике, в процессе построения, создания языковой формы говорящими.

В работе применялись как общенаучные **методы**, так и собственно-лингвистические (морфемный, словообразовательный анализ окказионализмов, неологизмов, жаргонизмов, интернационализмов и др.), основанные на системно-структурном представлении о языке с учетом психо- и социолингвистических факторов и с элементами сопоставительного описания с болгарским и английским языками в отдельных случаях.

Чат – это одновременный спонтанный непринужденный разговор людей, протекающий в реальном времени, проводимый в Интернете с помощью специального софтвера в определенном виртуальном месте [Кирова 2001]. **Общение в Интернете** накладывает отпечаток на все элементы коммуникативной ситуации, которые доминируют в общении. Это и широкое разнообразие и разнородность самих коммуникантов, и компьютерно опосредованный способ их общения, и текст – результат и продукт коммуникации. Эти **тексты** представляют собой как бы “самотранскрипцию” участников чата, записи их собственной речи – т.е. они представляют собой “письменную форму устной речи”.

Специфические характеристики РЭРР предопределяют наш первый тезис: РЭРР в своей разновидности чат является **гибридным жанром между устной и письменной речью** – преобладают черты устной речи на всех языковых уровнях, но поскольку общение в чате идет в письменной форме, то появляются и черты письменной речи.

Второй тезис касается переменчивости и переходности жанра текста, создаваемого в чате: это **монолог, диалог, полилог и синхралалия, или одновременное говорение**. Последнее понятие, разработанное Ц. Йотовым для описания устной формы групповой речи, подходит по своим основным характеристикам к этому типу “устной коммуникации в письменном виде”. И хотя синхралалия относится к устной спонтанной речи, по своим системно-функциональным характеристикам ее можно отнести также и к письменной форме чата, в которой участники обмениваются текстами [Йотов 1991].

Сравнивая **характеристики чата и РРР**, мы наблюдаем много общего при функционировании обеих систем.

Текст в чате подчиняется двум основным закономерностям, тенденциям – стремлению к **экспрессивности**, с одной стороны, и стремлению к **экономии**, с другой. Этими двумя принципами руководствуется говорящий, когда создает устный текст [Земская 1981]. Проявления языковой экономии наблюдаются на всех языковых уровнях через сокращения разных типов: аббревиатуры, акронимы, использование комбинаций из цифр и букв, контракции, использование английских заимствований и т.д.

Один из наиболее частотных словообразовательных способов, который охватывает слова разных частей речи, – это **усечение, или сокращение** как эквивалентный способ представления слова. Например:

- **Существительные:**

1. Start of #41 buffer Tue Sep 23

ВСЕМ ПРИВЕТ!!!!!!

<Hooligan> прива!чел!!! (← привет ← человечество)

споки-ноки; споки ноки (← спокойной ночи)

Этот процесс особенно характерен для профессионалов программистов:

софт ← софтвер

комп ← компьютер

инет ← интернет

прог или прога ← программа

Род усечения (сокращения) определяется морфологически – по характеру основы и по флексии мотивированного слова. Наблюдается общая тенденция к сохранению рода мотивирующего слова в мотивированном слове, появляются дублетные формы (*прог* и *прога* ← *программа*; зафиксирована словоформа В.п. *прогу*) (слова в примерах подчеркнуты нами):

1. Start of #41 buffer Tue Sep 23

<icSE> с уже установленным софтом

<icSE> аля офиис итд

Rulon_Oboev> у меня бэк спэйс сломался

<icSE> чтоб сразу винда с прогами да на разных компах =;)

<[LoCuK]> "Ручками, ручками" © Hr0n0

будила ← будильник

алик ← алкоголик

маф ← мафиози - способ усечение (сокращение)

адв ← адвокат

Иногда **усечение** комбинируется с **суффиксацией**:

мафон ← мафиози

Усечение характерно и для кличек участников чата:

<motley> motli- motl' Nin Esmeralda- Esm Kat'

Усечение может сопровождаться **суффиксацией с уменьшительно-ласкательным суффиксом** или добавляется гласный для благозвучия:

Esmeralda → Esm → Eсмачка

Esmeralda → Esm → Eсми

Esmeralda- Esmi
<[coverboy- кавер а что с тобой
<Trustee- трассти, Трасст
<<BASilews>> баз,
Tenchiken- Ten4, Ten :))

- **Прилагательные:**

spok no4I ← спокойной ночи
док ← документальный.

В таком типе коммуникации, как чат, в усеченных прилагательных тоже можно усмотреть тенденцию к усилению аналитизма, которую Е. Земская считает характерной для разговорной речи.

<icCE> *Rulon_Oboev я могу подобрать док фильмов=) ну там природа косом =)*
End of #talk buffer Tue Sep 23 23:35:22 2003

- **Глаголы:**

Start of #main buffer: Sun Apr 13 13:20:19 2003
9 ubeg
<Lad> *Tak narod!*
<Lad> *9 ubeg*.-усечение от “убегаю”
<sF|jeff> *слуш*
слуш ← слушай – экспрессивное усечение
Start of #piter buffer: Thu Aug 28 10:10:54 2003
<Tvin> *s pervog oraza dozvon* ← дозвонился

В материале встречаются также случаи **универбации**:

операционка ← операционная система
9. Start of #krasnoyarsk buffer: Sun Apr 13 13:40:20 2003
* *Dimasq s4astlivyj obladatel' ku4i operacionok*

Окказиональное слово *флешка* образовано из заимствованного английского корня *flash card* с добавлением русского суффикса –к-. Принадлежность слова к ж.р. вызвана, вероятно, аналогией со словом ж.р. *карта*.

1. Start of #41 buffer Tue Sep 23 23:34:26 2003
Ты еще флешку не кпил
<Sniper[DMC]_away> *Нет, дорого.*

Словообразовательная пара *опечатываться* ‘сделать опечатку’ → *опечатка* восполняет **словообразовательную лакуну** в словообразовательном типе: *ослышаться* → *ослышка*, *оговориться* → *оговорка*, *описать* → *описка*.

Start of #love buffer: Sun Apr 13 13:39:14 2003
4to to ope4atyvat'sq stal

Продуктивный способ словообразования имени – названия государства реализуется по конкретному образцу с продуктивными регулярными суффиксами:

Start of #linux buffer: Thu Aug 28 10:22:52 2003

Pingvinistan

Чатландия

В чате употребляются относительно новые слова, которые стали уже узуальными (например, *мобильник*), и по аналогии образуется незузальное слово (например, *бибельник*). Референция к известной словообразовательной модели облегчает синхронный словообразовательный анализ, проделываемый воспринимающим для восприятия и понимания слова. Словотворчество чатеров проявляется также в создании словообразовательных синонимов с использованием продуктивного словообразовательного форманта, но по другой словообразовательной модели:

мобильник ← мобильный телефон (способ – сокращение и суффиксация)

бибельник ← звукоподражание *би – би* + интерфикс *-л'-* + суффикс *-ник* (способ – суффиксация)

8. Start of #durdum buffer: Sun Apr 20 20:13:50 2003

<Nikky> мдяя

<Nikky> чиста острит тебе на бибельник звонить мона

1. Start of #41 buffer Tue Sep 23 23:34:26 2003

<[coverboy]> мне даже позвонил на мобильник человек, которого я не слышал месяца 3 :)

<SuperPuperMegaHacker5> это интересно;)

Образование окказионального слова по уже использованной и активированной модели создает эффект анекдота, неожиданного результата, эффект языковой игры.

сиделка ← сидеть (способ суффиксация)

сиде- (основа глагола) + суффикс *-к-* ('лицо, совершающее действие, названное в корне')

лежалка ← лежать (способ суффиксации)

3. Start of #anekdot buffer: Tue Sep 23 23:34:49 2003

14 Требуется сиделка. А еще лучше лежалка.

Тенденция к **экспрессивности** реализуется в обилии уменьшительно-ласкательных и модально-экспрессивных суффиксов: *-к-, -ик-, -ишк-, -ышк-, -оньк-, -еньк-* и т.д. Это одна из наиболее характерных черт, сближающих чат с устной разговорной речью.

Перечисленные средства экспрессивности обслуживают языковую игру. С их помощью создаются рифмовки с однотипными суффиксами в кличках и в формулах речевого этикета:

SuperPuperMegaHacker5 has joined #41

Nuwa-Flirtuwa-<Turik> Haj Wuwen'ka !!!

<Turik> Haj Nuwen'ka !!!

КИРЮХА-БРАТУХА

<Angel-klubni4ka-zemlqni4ka> МУЖИК otstan'....

Привет, Басик-Колбасик!

hi, хаюшки, привет, приветики, пока, споки ноки чмоки, и др.,

Спасибки вм. Спасибо Приветики вм. привет

Один из активных словообразовательных процессов, специфических для чата, - это новообразования из английского корня и русских аффиксов, которые подчиняются словоизменительным законам русского языка:

Хаюшки (от англ. Hi)

<ЛюЛ> Всем хаюшки!!! :)

В чате нередко используются, например, элементы компьютерного жаргона, например, *отлинковать*, *кикнуть*, *забанить*, *разбанить*, *флудить*, *заспамить*. *заспамить* ← префикс *за-* + корень – английское слово *spam* со значением ‘лишнее, досадное сообщение’ в компьютерном жаргоне + тематическая гласная (суффикс) *-и-* показатель второго спряжения + формообразующий суффикс – показатель инфинитива *-ть*. Следовательно, в этом случае наблюдается префиксально-суффиксальный способ образования глагола от английского слова, послужившего корнем.

флудить ← английский корень *flood* + тематическая гласная (суффикс) для второго спряжения *-и-* + формообразующий суффикс для инфинитива *-ть*

1. *Start of #41 buffer Tue Sep 23 23:34:26 2003*

Хватит флудить

* *Mr-Been was kicked by Shadow (_Text Flood Kick_ - _5Shadow Script_)Ne fludit'*

отлинковать в значении ‘удалиться, уйти с линии’ ‘отключиться’ ← префикс *от-* ‘удаление’ + английский корень *link* + суффикс *-ова-* + формообразующий суффикс *-ть*

Еще один пример языковой игры – обыгрывание клички *Светлана*. При переходе с кириллицы на латиницу делается переразложение морфемных границ слова – подмена русского корня *-свет-* английским *sweet-*, а дальше в тексте продолжается словотворчество в этой тематической группе – вм. *изумительно* – *изюмительно*, от корня *изюм-*:

<dll-ka> Sweetlana, сначала перевод через майдан, а потом все изюмительно-шоколадно

Экстралингвистические особенности РРР и РЭРР (неофициальность, неподготовленность, непринужденность) объясняют две **противонаправленные тенденции**: стремление к свободному построению единиц и стремление к шаблону, к использованию готовых речевых формул.

Сходство между РР и РЭРР обнаруживается и в том, что обе системы реализуют свободу в построении языковых единиц и свободу в выборе готовых языковых единиц из общенародного фонда языка. Базой для построения единиц разной семантики и разного стилистического звучания служат все разновидности русского языка (просторечие, диалекты, жаргоны, устарелые элементы) и даже языковые единицы других языков.

В заключение можно отметить, что хотя исследуемый объект – словообразовательные особенности русского чата как особой разновидности РЭРР (текущий, сиюминутный, эфемерный, меняющийся на глазах, “засоренный”, по мнению некоторых ученых, жаргонизмами, профессионализмами из социолекта определенных групп), мы пытаемся “ловить на ходу” особенности современного языкового развития в динамике, очертить активные процессы и, с другой стороны, описать устойчивые грамматические явления, модели, процессы. Именно словообразовательная подсистема языка соединяет творчество, новшество, динамизм языкового развития; вместе с тем она опирается на существующие в языке ресурсы, средства и механизмы. Несмотря на всю мгновенность и неуловимость, сиюминутность и наличие элементов засорения, мы пытаемся уловить черты современного динамично развивающегося языка именно этих групп, использующих РЭРР в условиях глобальной информационной среды, повышения роли мультилингвизма и мультикультурного общества. Именно эти группы подростков перенесут часть своих языковых навыков

компьютерно опосредованного мультилингвального общения и коммуникативных умений на последующие этапы развития своего идиолекта, и таким образом определяют в какой-то мере развитие языковой ситуации и их языковых личностей.

ЛИТЕРАТУРА

Земская 1981: *Земская Е.А., М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев.* Русская разговорная речь Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис, М.: Наука.

Земская 1992: *Земская Е. А.* Словообразование как деятельность. Ин-т рус. Языка РАН, М.: Наука.

Земская 1996: *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Воронцова В. Л., М. Я Гловинская, Е. И. Голованова, О. П. Ермакова, Е.А Земская, М. В. Китайгородская и др. Русский язык конца XX столетия, М.: Языки русской культуры.

Йотов 1991: *Йотов Ц.* Лингвистика одновременного говорения. С.: УИ Св. Кл. Охридский.

Кирова 2001: *Кирова Л.* Особенности на чат-разговора // <http://www.liternet.bg/publish/nimihailova/inet.htm> , 12. 07. 2001

ПРИЛОЖЕНИЕ

<http://cipds.al.ru/wrchats.shtml>

Сборник "Каталог русских чатов" зарегистрирован в Каталоге Детских Ресурсов

<http://www.kinder.ru/>.

Действующие зеркала Каталога русских чатов:

<http://cipds.al.ru/wrchats.shtml>

<http://olezhka2.webservis.ru/wrchats.shtml>

<http://www.irenet.ru/olezhka2/wrchats.shtml>

<http://cipds.by.ru/wrchats.shtml>

**РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ – ДУХОВНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Материалы Международной научной конференции. Часть I. Часть II.
Москва, 2003.**

29-31 января 2002 года Новый гуманитарный университет Натальи Нестеровой в Москве провел Международную научную конференцию на тему: “Русское зарубежье – духовный и культурный феномен”. В форуме участвовали литературоведы, искусствоведы, философы, культурологи из 22-х городов России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья – из Латвии, Белоруссии, Украины, Польши, Болгарии, Чехии, США.

Материалы конференции подготовлены в двухтомном издании редколлекцией в составе: проф.Н.Щедрина, доц.В.Гопман, доц.А.Тоне.

В двух томах общим объемом в 536 страниц собраны доклады, преобразованные в статьи с примечаниями, содержащими новую литературу о писателях-эмигрантах (цитаты с указанием тома и страницы в тексте).

Статьи первого тома объединены тематикой: “Судьба прозы русского зарубежья”.

Раздел открывается обширным изложением Мирослава Заградки из Чехии, обзорающим русскую зарубежную литературу и литературу в России в течение всего XX века. Говоря о периодических изданиях, литературных дискуссиях, тенденциях развития, ученый выражает мнение, что “литературоведение находится на этапе узнавания фактов из жизни и творчества эмигрантов” (1, 12). Однако последующие печатные выступления показывают движение в глубь литературных явлений и преобладание аналитических подходов в освещении проблем.

Типологию жанра “повести изгнания” в эмиграции первой волны осмысляет А.Ванюков (Саратов), раскрывая элегическую поэтику заглавий. Исследователь поэтологически сопоставляет так называемые “повести исхода” 20-х годов Е.Чирикова, А.Амфитеатрова, В.Алова, М.Осоргина и др.

Внимание участников конференции акцентировано на популярных прозаиках, принадлежащих к разным волнам эмиграции, но не исключен и интерес к менее известным авторам. Тематика выступлений позволяет выявить актуальные аспекты исследования творчества тех, кого уже называют классиками. В.Скобелев (Самара) занимается вопросом, соотношения эпического и лирического начал в новелле И.Бунина, выделив в качестве метапризнака сюжетно-композиционную систему бунинской малой прозы. Л.Зверева (Елец) занята выяснением своеобразия мемуаристики и публицистики И.Бунина на материале его книги “Под серпом и молотом” (издание 1975 года, Лондон). Особенности интерпретации образа Иисуса в книге Дм.Мережковского “Иисус Неизвестный” (1932) выяснял Т.Колядич из Москвы. Текст романа сделался общедоступным после московского издания 1996 года.

Роман Бориса Поплавского “Аполлон Безобразов” (1932) публиковался во фрагментах в парижских русскоязычных журналах “Числа”, “Встречи”, “Опыты”, предоставлявших трибуну молодым литераторам. Создавалось впечатление отсутствия целостности текста. После опубликования трехтомного собрания сочинений Поплавского в Москве в 2000 году появилась возможность рассуждать о сводном тексте его поэзии и прозы. О.Латышко из Орехово-Зуево показывает целенаправленное композиционное строение романа, в котором художественно обобщаются современные

автору события духовного естества: Поплавский ищет метафору переживаемой современности.

Г.Лобанова из Уфы, занимающаяся творчеством М.Осоргина, осмысляет его связи с традициями русской литературной классики. Она показывает, что в романах Осоргина (“Сивцев Вражек”, “Вольный каменщик”) сохраняется моральная инвектива и просматривается нравственная эволюция персонажа – “маленького человека”. Относительно прозы Б.Зайцева был предпочтен ракурс “Зайцев и наша современность. В поисках идеала” (Н.Куделько, Орел). Недостаточно изученный роман И.Шмелева “Пути небесные” анализируется с точки зрения антиномичности характера в понимании автора - художника-философа и религиозного мыслителя (В.Компанец, Волгоград). В прозе Вл.Набокова исследователей привлекла тема России (Б.Вегнерска, Польша) и художественные средства “просвечивания” мира “родного дома” и мира “чужбины” (Зд.Пехал, Чехия). Малоизвестному роману Е.Замятина “Бич Божий” (1935) посвятила свое выступление М.Селеменова (Елец). Роман связан с настроенностью писателя периода эмиграции.

Ряд докладов объединен тематикой “М.Алданов – романист”: “Историософский роман Алданова - “энергия жанра” (Т.Дронова, Саратов); “Художественное прочтение философской мысли в творчестве Алданова” (Е.Бобко, Саратов); “Функции символики в исторических произведениях Алданова” (Н.Щедрина, Москва). Н.Щедрина сопоставляет функции символики у Алданова и Вл.Максимова (в романе “Заглянуть в бездну”).

А.Ревякина (Москва) занимается прозаиком, которого начали читать на родине с большим запозданием во времени. Исторический романист Петр Краснов в послереволюционной России был известен как руководящий участник белого движения. Его четырехтомный роман-эпопея “От двухглавого орла к красному знамени: 1894-1921”, впервые опубликованный в Берлине в 1921 году, пришел к современному читателю в трехтомном издании (Екатеринбург, 1994-1995). А.Ревякина создает литературный портрет плодовитого прозаика с трагической судьбой. Роман П.Краснова “За чертополохом” (1922, Берлин) рассмотрел В.Гопман (Москва) в свете традиции русской литературной утопии. Роман вышел из печати в Москве в 2000 году в двухтомнике П.Краснова.

В докладе А.Тоне (Москва) подвергается творческому раскодированию книга эмигранта третьей волны Михаила Безродного “Конец Цитаты”, где исповедальный характер текста маскируется постмодернистскими приемами. Поэтику романа Юрия Дружникова “Ангелы на кончике иглы” анализирует Г.Нефалгина из Белоруссии. В романе конца шестидесятых годов она усматривает соединение реализма с нарождающимся постмодернизмом. И.Мяновска из Польши выявляет феномен “внутренней” эмиграции на примере скульптора, художника, поэта и прозаика Вадима Сидура, написавшего диссидентский метафоризированный текст “Памятник современному состоянию” (“Знамя”, 1992, №9).

Второй том “Русского зарубежья” открывается разработкой И.Захариевой (Болгария) на тему “Вершины завоевания литературы русского зарубежья 1920-1930-х годов”. Автор показывает формирование культурного феномена, именуемого “русская литература в изгнании”, с его высшими достижениями: расцвет лирических жанров и расцвет жанра романа, что компенсировало пренебрежение к лирической природе поэзии и распыление романной структуры в метрополии.

Обособлен раздел “Судьба поэзии русского зарубежья”. Обширный материал, озаглавленный “Поэты – теоретики поэзии и культуры” представлен Л.Алексеевой (Москва). В докладе обозревается и творческая деятельность поэта Василия Сумбатова (1893-1977), эмигранта в Италии, мастера сонетной формы, занимавшегося и

литературной критикой. О молодых поэтах эмиграции пишет А.Шешкен (Москва). Интересует ее “Молодая поэзия “русского Белграда”, недостаточно изученная. Даются сведения о поэтическом кружке “Гамаюн” (1923), о кружке “Литературная среда” (1934), основанного И.Голенищевым-Кутузовым. Подчеркивается, что “русский Белград” как историко-культурное явление существовал два десятилетия, а затем распался.

В.Кудасова (Владимир) анализирует книгу стихов Георгия Иванова “Розы”, осмысляя ее преемственную связь с русской поэтической традицией. В докладе В.Заглобы (Москва) привлекается внимание к личности Алексея Гессена, русского эмигранта в Париже, оставившего малое по объему, но весомое поэтическое наследие, проникнутое обостренным нравственным чувством.

Поэта эмиграции второй волны Игоря Чиннова вводит в литературный обиход Т.Белова (Москва). Чиннов рассматривается в одном ряду с такими талантливыми представителями послевоенной эпохи, как И.Елагин, Д.Кленовский, Б.Нарциссов, которые обогатили русскую поэзию “особым видением мира, новыми ... средствами художественного выражения” [II, 54].

Лейтмотив смерти в поэзии Иосифа Бродского прослеживается И.Перепелкиным (Самара). К эмигрантам третьей волны принадлежит и поэтесса Марина Георгадзе, живущая в Нью-Йорке с 1992 года, автор стихотворных сборников “Маршрут” (Нью-Йорк, 1998), “Черным по белому” (Москва, 2002). Исследователь А.Нестеров (Москва) характеризует ее поэзию как стремление “пробиться к подлинным вещам” - в обход цитат, ссылок и аллюзий.

Второй раздел второго тома озаглавлен “Культурфилософский аспект эпохи русского зарубежья в искусстве и журналистике”.

Доклад Т.Ульянкиной (Москва) посвящен теме российской научной эмиграции XX века с привлечением внушительной библиографии. В 1920-1930-х годах образовались эмигрантские центры российской науки в Германии, Франции, Чехословакии, Югославии. В 1921 году в Праге научные группы объединились в Союз РАГ (русских академических групп). В Чехословакии в 1928 году в РАГ состояло 97 действительных членов и 27 членов-сотрудников. Ученые РАГ читали лекции в университетах в странах проживания. После второй мировой войны центры русской научной эмиграции обозначились в Мюнхене и Нью-Йорке. Деятельность русских ученых-эмигрантов в XX веке – “явление, возникшее на стыке культур и цивилизаций, обогативших друг друга” [II, 92].

И.Реброва (Санкт-Петербург) посвятила свое выступление вопросу о культурно-исторической феноменальности понятия “русский Берлин”. Опорой для нее послужил материал литературной критики начала 1920-х годов на страницах берлинской газеты “Руль” (в числе редакторов – А.Гессен, В.Д.Набоков, погибший в 1922 году, затем Ю.Айхенвальд). Отмечено, что в газете “Руль” отразился “литературоцентризм русской культуры” [II, 107]. А.Млечко (Волгоград) в докладе “Владимир Набоков и “Современные записки”: философия игры” развивает сложную тему о трудности вхождения Набокова-Сирина в литературно-критическое сознание эмигрантов. Обозначаются признаки “игровой поэтики” раннего Набокова.

О.Демидова (Санкт-Петербург) вникает в сферу литературных споров эмигрантов 1930-х годов, прежде всего Г.Адамовича и Вл.Ходасевича, о путях развития современной поэзии. О центростремительных процессах в эмигрантской периодике разных хронологических этапов говорил В.Бодров (Орехово-Зуево) в докладе “Литературные портреты Е.Замятина в журналах русского зарубежья 1940-1950-х годов”. После смерти автора романа “Мы” в Париже в 1937 году замятинские очерки, проза, драматургия, лекции по литературе увидели свет в пространстве эмиграции в

Европе и США. Популярными сделались его мемуарные литературные портреты (о Горьком, Чехове, Блоке и др.). В мемуарах отражалась личность самого Замятина, и прошлое как бы просвечивалось эмигрантским настоящим.

Мемуары художника Юрия Анненкова “Дневник моих встреч: цикл трагедий” комментируются А.Мугурдумовой (Москва), выясняется жанровая специфика “цикла трагедий” в мемуаристике. Личностью искусствоведа Павла Муратова, друга писателя Бориса Зайцева, занимается М.Комлева (Москва). Муратов эмигрировал в Италию, умер в Ирландии. В его книгах “Образы Италии”, “Древнерусская живопись” русская культура выступает как “неотъемлемая часть культуры европейской” [II, 163].

В третьем разделе второго тома (“Философская мысль в изгнании”) излагаются философско-религиозные воззрения тех мыслителей, что оказались за пределами родины территориально, но с идеей России в своем сознании.

В докладе И.Симачевой (Павловский Посад) отражено участие культуролога Е.Спекторского (1875-1951) в парижской еженедельной газете “Россия и славянство” (1928-1934). Наиболее актуальным литературным именем для газеты оказался Ф.М.Достоевский с его “Дневником писателя”, где содержатся “размышления о судьбах России и славянства” [II, 176]. Спекторский, как автор книги “Христианство и культура” (1925), выявлял христианскую основу литературного творчества, в частности романов Достоевского. Он был убежден, что “крупные проблемы жизни неразрешимы без Христа” [II, 177]. В статьях о Достоевском, опубликованных в газете “Россия и славянство”, Спекторский именовал русского писателя “великим наставником” и акцентировал внимание на современном звучании его творчества для эмигрантов.

Л.Жеравина (Волгоград) предлагает филологическое прочтение трудов известного философа Ивана Ильина, посвященных проблемам христианской культуры и классического литературного наследия. Обращаясь к монографии Ильина “Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека” (1918), исследовательница показывает, что в книге Ильина “заложены основы теории диалога как универсальной герменевтической системы” [II, 183].

М.Рассадин (Москва) посвятил свой доклад теме “Онтология зла в творчестве протоиерея Георгия Флоровского”. В годы эмиграции Флоровский жил в Софии, Праге, Париже, затем переселился в США. Богословское наследие Флоровского недостаточно изучено. Относительно природы зла священник-мыслитель заявлял о своей непримиримости с идеей его укоренения как неперемного атрибута бытия. Зло, по Флоровскому, “извращенная личностная деятельность”, которая обволакивает “всю вселенную”. В работе “О последних вещах” отец Георгий уверждал, что ад – “не место, а состояние души”, “распад личности”. Он говорил о “вредных последствиях”, какие зло оказывает на душу человеческую, “нигилируя саму личность” [II, 193]. Г.Флоровский указывал и на “путь избавления” от зла для человека: “...это состояние активности и духовного делания”, что приобретает “в результате борьбы и испытаний” [II, 193].

С.Семенова (Москва) обозревает религиозно-философские течения в русской эмиграции 1930-х годов, упоминая имена выдающихся выразителей философских идей Н.Бердяева, Л.Шестова, С.Булгакова, Н.Лосского и др. Она говорит о значимости духовного вклада в мировую культуру русских мыслителей, оказавшихся в изгнании.

Завершим данный раздел эмоциональным излиянием эмигранта Константина Бальмонта. В статье “Что дают миру славяне?” (газ. “Россия и славянство”, 1929, №9) поэт провозглашал: “...мы, русские, ныне разметанные по всему миру, ... входим в иные сердца следами светлыми. Славяне дают душу миру” [II, 174].

В двухтомном собрании материалов московской конференции впечатляет множество привлекаемых творческих имен, многотемность докладов, различие

научных подходов. Обозначены проблемы, которые в дальнейшем будут изучаться общими усилиями ученых-гуманитариев. Проясняется сложный процесс развития русской культуры XX века, протекавший и в метрополии (вопреки общественным трудностям), и на мировом архипелаге эмигрантской диаспоры.

Ирина Захариева

**Т. И. АЛЕКСИЕВА, А.А. ГРАДИНАРОВА. ПРАКТИКУМ ПО
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ (для болгарских студентов-
русистов). EURASIA ACADEMIC PUBLISHERS, СОФИЯ, 1999, 160 стр.**

Рецензираното пособие е последна, завършваща част от учебния комплекс “Русская пунктуация в сопоставлении с болгарской”. Първите две части са теоретични, авторите разглеждат пунктуацията в простото и сложното изречение (съответно, А.А. Градинарова и Т.И. Алексиева). Предложената трета част, напълно закономерно, представя теорията “в действие”, като демонстрира при това **различията в руския и българския език, спецификата** в отразяването на пунктуационно ниво на граматичната организация и семантиката на езиковите структури: изречения или техни фрагменти.

Следвайки обективната логика, както и възприетата система в другите части, практическото пособие обхваща материала по просто и сложно изречение. Включени са упражнения за усвояване на правилата по всички централни въпроси на двата основни синтактични раздела. Особено внимание се обръща на приложението на онези правила, които имат различна теоретична основа в двата езика. Това, безспорно, ярко онагледява редица сложни ситуации и аргументира съзнателния избор на актуални пунктуационни средства.

Частта, посветена на **просто изречение**, отваря широка система от упражнения по постановката на **тире** - между групите на главните членове, в елиптични и непълни изречения. Специално са обособени *тире след именителен за представяне* и *съединително тире*, а също (много находчиво) *интонационно-смыслово тире*. Последното наистина има характер на обобщение и предполага не само автоматизиране на употребата на този *своенравен* знак, но и пълното осмисляне на неговата функция в изречението.

В следващите раздели е разгледана пунктуацията при **усложнение** на изречението (при **еднородни** членове, свързани безсъюзно, чрез съюзи или обобщаващи думи; при **повторения** и **сравнителни обороти**; при **обособени** членове; при наличие на **присъединителни** и **вметнати** конструкции; при употреба на **обръщение**; при **междуметия**; при **утвърдителни** и **отрицателни думи**; при употреба на **частици**).

Територията на **сложното изречение** включва особеностите на пунктуационно оформяне на изречения със **съчинителни** и **подчинителни съюзи**, на **безсъюзие**, на **смесени** по типа на свързване на предикативните си части сложни изречения. Като особен тип многочленна конструкция със свой специфичен интонационен и пунктуационен облик кратко е представен и **периодът**.

Традиционно трудни за студентите са начините за пунктуационно оформяне при **пряка реч** и **цитиране**. В пособието е предложен материал, диференциращ облика на този “накъсан” тип реч; удачно е илюстрирано съответното “поведение” на знаците при различни позиции на пряката и авторската реч, които своеобразно се преплитат, допълват, и, съответно, предполагат употреба на адекватни пунктуационни средства.

Затварят пособието **упражнения, обобщаващи** всички пунктуационни правила.

Добро впечатление прави не само и не просто обилието от илюстративен материал (това, по принцип, е задължителен признак на подобни пособия), а по-скоро

многообразието от различни по тип упражнения. Общата цел – изработване на умения за правилно пунктуационно оформяне на писмената реч – преследват разнообразни по характер предтекстови задания. Очевидно, авторите *бягат* от скучната понякога класика на диктовката. В това пособие наистина е важно да се четат заданията, защото ... те са различни: *перепишите, обясните, подчеркните, разставъте, преведите, сравните, вспомните, помните, что ...* В съответствие с това се упражнява собствено постановката на пунктуационните знаци (те се търсят или се обосновава тяхното наличие /отсъствие); определят се главните и второстепенни членове на изречението или, по-общо, спецификата на структурата му; позициите на конкретни пунктуационни знаци се обвързва със синтактичната позиция на членовете на изречението, със семантичните отношения между тях, а това илюстрира пряката връзка **пунктуация - синтаксис**; определят се съюзните средства и техните функции; обосновава се възможността за дублетна употреба на някои знаци; специално се насочва вниманието към преходни случаи, контаминации на семантиката и функцията; упражнява се и общата теория по съответния раздел (например, изисква се построяване на структурната схема на сложно изречение, определят се предикативните му части и техните позиции, т.е. търсят се смисловите и структурни особености на изречението). Нерядко в Практикума са представени (разбира се, кратко) основни теоретични положения и правила или се изисква теоретичен анализ върху предложен илюстративен материал. Чрез преводни задания и последващ сравнителен пунктуационен анализ се осмислят различията в пунктуационното оформяне на руското и българското изречение. Като плюс може да се отбележи и присъствието в пособието на “живите” езикови пластове: многобройни са обговорените прояви на разговорен и експресивен синтаксис.

Подобен подход повишава нивото на пособието, осъществявайки обещаната и от авторите приемственост с другите части от учебния комплекс. От друга страна подходът предполага и по-добри резултати, понеже Практикумът **е** естествена част от комплексното практическо обучение във всичките му аспекти, той успешно може да служи и за самостоятелна подготовка.

Качествата на рецензирания **Практикум по современной русской пунктуации**, посочени горе и дължащи се на несъмнено богатия методически опит на авторите, *раздвижват* материята, което носи нови активи: студентите, както и всички, които го използват, са предизвикани да мобилизират различни знания от различни езикови аспекти. А това винаги амбицира.

Майя Кузова

ЛЁННГРЕН Т.П. СОБОРНИК НИЛА СОРСКОГО. Ч. I. Москва: Языки русской культуры, 2000. 472 с.; Ч. II. Москва: Языки русской культуры, 2002. – 512 с.

В 2000 г. вышел первый том, а в 2002 г. второй том «Соборника житий греческих святых», составленного, отредактированного и переписанного великим русским старцем Нилом Сорским (ок. 1433 – 1508). Этот самый объемный его труд дошел до нас в его автографе.

Издание двух томов «Соборника» Нила Сорского подготовлено известным славистом Тamarой Павловной Лённгрен в Институте русского языка Университета г. Тромсё (Норвегия).

Имя Нила Сорского получило широкую известность в связи с полемикой нестяжателей и иосифлян, начавшейся с поставленного Нилом в 1503 г. на соборе в Москве вопроса о правомочности монастырей владеть селами. Это дало толчок длительным спорам между последователями Нила, «нестяжателями», и последователями Иосифа Волоцкого, «иосифлянами», – спорам, продолжившимся долгое время и после смерти Нила.

Нил Сорский – автор трех посланий, «Предания» и «Устава», завещания, молитвы, а также редактор и переписчик книг. Он был одним из первых на Руси организатором скитской формы монашеской жизни. Созданный им скит на р. Соре в Белозерском крае, Нил рассматривает, в согласии с «Лествицей» Иоанна Синайского, как «средний путь», промежуточное звено между полным отшельничеством и общежительным монастырем. Он противопоставлял не скит общежитию, а нестяжательную духовную жизнь жизни монашеского коллектива, ведущего большое хозяйство и эксплуатирующего чужой труд. Катализатором стремления Нила к «нестяжательной», духовной жизни послужило его путешествие на Балканы, где он побывал, по его свидетельству, «на святей горе Афонстей и в странах Цариграда» и там был «самовидцем» тому, как «духовные старцы» живут в «безмолвии» с одним, двумя или тремя учениками, встречаются с безмолвствующими поблизости монахами и «просвещаются беседами духовными». Жительство монахов не по «святых писаниях и по преданию святых отец, но по своим волям и умышлениях человеческих» – одна из постоянных тем сочинений Нила Сорского.

«Предание» Нила «О жительстве святых отец сие предание старца Нила Пустынника учеником своим, и всем прикладно имети сие» представляет собой поучение об общих нормах жизни в его ските и по своему жанру в большей степени является монастырским уставом, чем то сочинение, которое известно в науке как «Устав» Нила Сорского. «Устав», или «От писаний святых отец о мысленем делании, чего ради нужно сие и како подобает тщатися о сем», – самое большое сочинение Нила, повествующее главным образом о внутренней жизни подвижника, о борьбе со страстями. Оно дает довольно выразительный духовный портрет самого Нила Сорского, индивидуалиста-созерцателя и нестяжателя.

Нил Сорский составил, отредактировал и собственноручно переписал начисто трехтомный «Соборник» – собрание переведенных с греческого житий святых, расположенных по дням празднования, начиная с сентября и кончая августом. Примечателен тот факт, что этот объемный труд великого старца Нила появился на 20

лет раньше “Великих Четых Миней” митрополита Макария и пользовался большим авторитетом и популярностью, о чем свидетельствует его существование в поздних многочисленных списках (Ч. I, с. 12). Нил старался создать наиболее исправный текст произведений, сверяя разные их списки, редакции и переводы. В предисловии и послесловии к «Соборнику» книжник призывает своих читателей к продолжению его текстологической работы.

Этот фундаментальный труд духовного отца нестяжателей до сих пор не издавался и специально не изучался, поэтому предпринятые Т.Леннгрен попытки издания «Соборника» Нила Сорского является бесспорным и ценным вкладом в изучение книжного и духовного наследия Нила Сорского. Эти неавторские работы Нила, как пишет сама Т.Леннгрен, “заслуживают не меньшего внимания со стороны исследователей идеологии Нила, чем его авторские работы, поскольку Нил строго следовал своей идеологической концепции нестяжания” (Ч. II, с. 4). Изучая содержание и структуру «Соборника» издатель приходит к выводу, что работа Нила как составителя, редактора и переписчика житий уникальна и не имеет аналогов в древнерусской литературе. В деятельности Нила-редактора четко прослеживаются две линии - текстологическая и идеологическая. Включение в «Соборник» житий только православных святых, подвизавшихся не позже X века, соответствовало главной цели составления триптиха – заботе о духовном воспитании иноков-безмолвников на классических образцах патристической литературы, желанию дать своим последователям кроме «Предания» и «Устава» такое чтение, которое помогло бы им не только постичь «прежде заповеди господня и толкования их и апостольская предания, та же и жития и учение святых отец», но и укрепиться в своих стремлениях к высшей духовной цели и избрать истинный путь в ее достижении.

Специальное внимание заслуживает и редакторская работа Нила. Особый интерес в его рукописях вызывают пометы на полях, сделанные самим Нилом Сорским. Он использовал уникальную систему редактирования текста – текст, подлежащий исправлению или вызывающий сомнения, Нил писал на специальных листочках-вставках, а на обратной стороне таких листочков призывал читателей продолжить его изыскания по исправлению текста. Все это дает основание Т. Лённгрен считать, что “Соборник Нила Сорского” является своеобразным литературным комментарием к его идеологическим взглядам (Ч. II, с. 11).

Обе части издания “Соборника” Нила Сорского состоят из предисловия, введения и основного корпуса, содержащего воспроизведение текста рукописей. В исчерпательном ценном введении даются краткие сведения из жизни Нила Сорского, палеографическое описание рукописи, указаны особенности его почерка и принципы воспроизведения текста. В первой части воспроизводится рукопись Волоколамского собрания, ГЛМ, РОФ 8354, N. 14, которая хранится в Государственном Литературном музее в Москве. В состав Волоколамской рукописи включены Житие Симеона Столпника, Житие Ануфрия Пустыннаго, Житие Петра Афонскаго, Житие Афанасия и Житие Паисия Великаго.

Содержание второй части «Соборника Нила Сорского» хранится в НИОР РГБ в двух рукописях: рукопись N. 684 собрания Троице-Сергиевой лавры и рукопись N. 207 собрания Московской духовной академии. Вторая рукопись содержит Житие Иоанна Безмолвника, которое раньше помещалось вместе с остальными житиями в один том. Впоследствии это житие было вырезано из рукописи РГБ, N. 684 и вставлено в рукопись N. 207. Помимо Жития Иоанна Безмолвника, воспроизводятся еще Житие Симеона Столпника, Житие Харитона, Житие Кириака Отшельника, Житие Илариона Великаго, Житие Иоаникиа Великаго, Житие Феодора Студийскаго, Житие Иоанна Дамаскина и Житие святого Саввы.

Опубликованный текст воспроизведен ”строка к строку, слово в слово” (Ч. II, с. 12), единственное расхождение с оригиналом – это проведение разбивки слов, что облегчает восприятие, понимание и исследование текста. В конце каждого листа дается комментарий, в котором оговариваются все графические и пунктуационные особенности, а также те случаи написания, которые невозможно было передать при воспроизведении текста по техническим причинам.

Ценность издания состоит в том, что оно предлагает науке материалы, необходимые для исследования и понимания культуры, идеологии и языка не только средневековой Руси, но и всего региона *Slavia Orthodoxa*. Они могут быть полезны для широкого круга специалистов – лингвистов, литературоведов, культурологов, историков, теологов и др.

Желаем Т. Лённгрен осуществить свои творческие планы по изданию третьей части триптиха «Сборника Нила Сорского», составлению сводного словоуказателя и изготовлению специального исследования, посвященного памятнику, что даст возможность читателям составить себе полную картину о языковой, редакторской и духовной деятельности Нила Сорского.

Пенка Филкова, Атанаска Тошева

Доценту Йордану Еленскому 80 лет

Болгарские и зарубежные филологи-слависты хорошо знают и высоко ценят многочисленные труды доц. И. И. Еленского в области русского и славянского языкознания. Обзор и список важнейших его работ публиковались не раз, ввиду чего по поводу его 80-летия (он родился в первый день 1924 года) здесь приходится припомнить и отметить коротко только следующее.

В первых своих публикациях юбиляр исследует кардинальный в истории всех славянских языков вопрос о редуцированных гласных. Развитие этих гласных в дальнейшем определенным образом затрагивает все уровни – фонетико-фонологический, лексико-грамматический и функционально-стилистический. Статус еров устанавливается на материале Святослава Изборника 1073 г. У нас этот памятник известен под названием Симеонов сборник. По содержанию он является для своего времени энциклопедией типа старых европейских флорилегий.

Анализ материала приводит автора к выводу, что в языке двух русских переписчиков, в отличие от языка болгарского оригинала, еры существовали как самостоятельные фонемы и различались между собой. Попутно регистрируется еще целый ряд палеографических, фонетических и морфологических особенностей памятника. Выводы автора уже вошли в научный оборот и используются в русских академических изданиях. (См., например, *П. С. Кузнецов*, Очерки исторической морфологии русского языка, 1959, с. 14; Изборник Святослава 1073 г., сборник статей, 1977, с. 26; Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому, 1987, с. 53). Другие более пространные или краткие упоминания, ссылки и пр. можно найти во многих русских монографиях (см., напр.: *В. М. Марков*, К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, с. 21, 107), в сборниках, журнальных статьях (см. *В. В. Колесов*, ВЯ, 2, 1964) и т.д. Из болгарских ученых данные Еленского широко использует *Б. Велчева* – см.: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). С., 1991, сс. 130, 142, 144.

После падения редуцированных в древнерусских памятниках долгое время не наблюдаются ожидаемые ассимиляции, диссимиляции и другие явления в новополучившихся группах согласных. Этот факт автор связывает с сохранением старых межслоговых границ (Тр. ВПИ, I, 1964). Такое структуроопределяющее явление, как постоянно растущее противопоставление согласных по признаку “твердости – мягкости”, Еленский считает также последствием падения еров (Фил. ст., ВТУ, 1973; БР, 3, 1974).

С позиций общей теории славянской фонологии юбиляр рассматривает два явления – взаимную замену носовых согласных в болгарских диалектах и диспалатализацию губных в славянских языках. Эти процессы прослеживаются в нескольких работах (Сл. фил., III, С., 1963; ЕЛ, 3, 1975; Тр. ВТУ, XI, I, 1975; *Studia polsko-bolgarskie, Rocznik sl, z. 53, Krakow, 1977* и др.).

Генезису, развитию и распространению категории “одушевленности – неодушевленности” в русском языке юбиляр посвятил две статьи. В описании данной категории выражена авторская точка зрения (см. Ицкович, ВЯ, 4, 1980). Еленский доказывает, что эта категория имеет собственную историю в количественных (в отличие от неколичественных) сочетаниях, в предложных (в отличие от беспредложных), как и в именных (в отличие от глагольных). Его статья из БР, 6, 1977 целиком перепечатана в немецком сборнике *Russistik in Bulgarien, Hamburg, 1983*, а

материалы и выводы из БР, 5, 1978 обильно использует норвежский ученый Alt Grannes, Impersonal animasy in russian. Dordrecht, Holland (Boston, USA, pp. 297, 298, 306).

Углубленное изучение количественных сочетаний в славянских языках приводит автора к выводу, что так наз. “счетная” форма характеризует не только болгарский язык, но также и русский, украинский и сербско-хорватский. Она является результатом тенденции к формальному разграничению двух множественностей – подсчитываемой (выражающейся счетной формой) и совокупной (выражающейся формой мн.ч.) – см. Тр. ВТУ, XVIII, 2, 1983, сс. 187 – 219.

В научных трудах Еленского немалое место занимают синтаксические проблемы (БЕ, 6, 1958; БЕЛ, 5, 1963; БЕЛ, 5 1964; ЕЛ, 3 1972; БЗ, 3 1976 и др). Особо следует отметить его статью в ЕЛ, 1, 1980 и работу в Тр. ВТУ, XVI, 2 1981, сс. 117 – 154. В них впервые описывается не отмеченное в древнерусских и древнеболгарских словарях значение прибилительности союзов *или* и *и*.

Из лексических работ следует отметить *Историческую лексикологию русского языка*, ВТУ, 1980, 300 стр. (см. рец.: Ст. Димитрова, БР, 5, 1981; Г. Ф. Одинцов, Этимология 1983, Наука, 1985). В этом вузовском пособии сделана попытка коротко представить процесс становления русского словаря. К сожалению, второе, переработанное и значительно дополненное издание (450 стр.) еще не опубликовано и ждет издателя. Немало исторических сведений находим и в других публикациях. Данные из работы в ИИБЕ, XVI, 1968 использованы Ф. П. Филиным в кн. *Происхождение русского, украинского и белорусского языков* и в БЕР, III в статье Кувыля; см. также еще БЕ, 4, 1980 и др.

Юбиляр пробовал перо и в краеведении как соавтор книги *Комарево – от древности до 1944*, 238 стр. С нею тесно связан еще ряд статей, трактующих более частные проблемы языка жителей этого села, напр., развитие системы мужских личных имен с середины XVI в. (ЕЛ, 1, 1991), описание говора с. Комарево (СЕ, 3-4, 1993), вопросы происхождения топонимов и нек. др.

Научные доклады, сообщения и выступления И.И. Еленского на съездах, конференциях и симпозиумах всегда вызывали большой интерес, а его работа по рецензированию и редактированию трудов других специалистов (напр., Филологических трудов ВТУ в период 70-х – 80-х годов) была исключительно взыскательной и полезной.

Будучи по подготовке и, так сказать, “по долгу службы” образцовым историком языка, он не только сам применял исторический подход к исследуемым явлениям, но требовал в той или иной степени и от других такого же подхода, всячески способствуя его применению.

В заключение хочется от имени всех коллег и друзей И.И. Еленского сердечно поздравить его с почетным юбилеем и пожелать ему крепкого здоровья, бодрости и успешного завершения всех задуманных им “современных” и “исторических” дел!

Принятые сокращения

- БЕ – Български език (журнал)
- БЕЛ – Български език и литература (журнал)
- БЕР – Български етимологичен речник
- БР – Болгарская русистика (журнал)
- ВЯ – Вопросы языкознания (журнал)
- ЕЛ – Език и литература (журнал)

ИИБЕ – Известия на Института за български език
СЕ – Съпоставително езикознание (журнал)
Сл. фил. – Славянска филология (периодически сборник)
Тр. ВПИ – Трудове на Висшия педагогически институт “Бр. Кирил и Методий”
Тр. ВТУ – Трудове на Великотърновския университет “Кирил и Методий”
Фил. ст. – Филологически студии (сборник статей)

Проф. д-р Блажо Блажев

Профессору Блажо Блажеву 75 лет

В октябре 2003 г. исполнилось 75 лет профессору, доктору Блажо Блажеву, видному исследователю в области русистики, болгаристики, сопоставительного языкознания, лингвометодики, прекрасному переводчику и вузовскому преподавателю.

Профессор Блажо Блажев в течение многих лет читал курс современного русского языка (главным образом морфологию и синтаксис) в Великотырновском, Шуменском и Софийском университетах. Он автор многочисленных исследований и публикаций в области славянского языкознания. Краткий обзор и библиографию его трудов, опубликованных до 1987 года, читатель может найти в журнале *Съпоставително езикознание*, 1987, № 2, стр. 111 – 116. В конце настоящих юбилейных заметок приводится список его трудов, опубликованных после 1987 года. Не ставя перед собой задачу провести какой-либо достаточно полный и систематический обзор всех этих трудов, здесь мы отметим только следующее.

Уже в своей кандидатской диссертации (на тему об адвербиализации сочетаний слов в болгарском и русском языках) (1956) и в специальной статье (1955) Бл. Блажев впервые в болгарской грамматической литературе ставит вопрос о специфике т.н. предикативов или слов категории состояния в болгарском языке. Эта статья была высоко оценена акад. В. В. Виноградовым, проф. Ю. С. Масловым, проф. А. В. Исаченко, чл.-корр. БАН проф. И. Лековым и многими другими видными лингвистами. На основании обширных наблюдений над употреблением личных местоимений 3-го л. с начальным “н” (1962) Блажев предложил и глубоко обосновал определенные коррекции в известном в описательных грамматиках правиле, и эти коррекции были сразу и полностью приняты, в том числе и в учебниках по современному русскому языку и по стилистике русского языка в СССР.

Большой теоретический и практический интерес вызывают работы Блажева, в которых исследуются строение многих отрицательных конструкций в русском и болгарском языках (1965, 1974, 1975), предложений типа *Вот дом* в русском и болгарском языках (1973, 1996 – 1997), двусоставных предложений с неморфологизованными подлежащно-сказуемыми отношениями в обоих языках (1974), некоторые различия в употреблении форм степеней сравнения в русском и болгарском языках (1964), возможности замены имен существительных, местоимений и выражений с событийным значением другими местоименными словами в обоих языках (1964, 1980), случаи приспособления форм одушевленности или неодушевленности некоторых местоимений, числительных и существительных для выражений других значений и функций (1962, 1963, 1966), препозитивное употребление некоторых местоимений и числительных в болгарском языке (1962), семантико-синтаксическая структура сочетаний типа *всё возможное* в обоих языках (1963), причины, вызывающие выбор формы множественного числа у определений в сочетаниях типа *последние полвека* в русском языке (1962), возможность употребления различных падежных форм в сочетаниях типа *оба Щеглова* в русском языке и др.

Самый значительный труд Бл. Блажева – это его монография *Употребление конструкций направления и места в современном русском языке*. Первое издание монографии (1976, 360 стр.) получило высокую оценку во всех рецензиях, опубликованных у нас и за рубежом (СССР, ЧССР, ГДР и Югославии). В рецензии в журн. *Болгарская русистика* (1990, № 5, с. 110) второе издание монографии (1988, 644 стр.) определяется как “энциклопедия данной предметной области и в то же время

тезаурус, включающий все словесное богатство”. Монография оценивается как “яркое достижение нашей и международной русистики”. За этот труд Президиумом БАН и Ученый совет Софийского университета в 1990 году удостоили проф. Блажева премии имени академика Владимира Георгиева.

Высокую оценку заслуживают и другие труды юбиляра – его большая и глубоко критическая работа о лучших переводах “Евгения Онегина” (1999), его переводы *Грамматики болгарского языка* Ю. С. Маслова (1981) и *Грамматики нынешнего болгарского наречия* Ю. И. Венелина (2002), его языковые заметки, рецензии, учебники для студентов (1968, 1992) и для школ с русским языком обучения (1963, 1968, 1971, 1973, 1975, 1977), написанные (самостоятельно или в соавторстве) с большим умением и с учетом трудностей, которые болгары встречают при усвоении близкородственного русского языка.

Долгие годы профессор Бл. Блажев занимался научной организацией учебного процесса в качестве заместителя ректора, заместителя декана и руководителя кафедры русского языка. Он был научным руководителем многих дипломников, рецензентом и редактором различных научных трудов и учебников.

Проф. Бл. Блажев - человек широкого склада. Исключительно скромный и любознательный, своим благородством и доброжелательностью, своей ответственностью за все и требовательностью к себе и к другим, своей преданностью преподавательскому и научному делу Бл. Блажев служит примером настоящего человека и гражданина, талантливого преподавателя и ученого.

В заключение хочется от имени всех, кто знает и ценит многообразную творческую деятельность профессора Блажо Блажева и его личные качества как человека, друга и коллеги, поздравить его с юбилеем и пожелать ему крепкого здоровья, долгих лет и дальнейших творческих успехов.

Список трудов Блажо Блажева, опубликованных после 1987 года

I. Монографии, статьи, рецензии, учебники и др.

1988

Употребление конструкций направления и места в современном русском языке. София, 1988, 644 стр. (2 изд.)

Рец.: Цветан Йотов. – Болгарская русистика, 1990, № 5, стр. 108 – 110

Рец.: Ван Фусян. Принципы классификации сложноподчиненных предложений. – Болгарская русистика, 1988, № 4, стр. 88 – 91.

1992

Синтаксис современного русского языка. София, Университетское издательство им. Св. Климента Охридского, 1992. 380 стр. (в соавторстве с Ц. Д. Йотовым).

Рец.: Руселина Ницолова. – Съпоставително езиковзнание, 1994, № 3 – 4, стр. 131 – 135.

1995

Чудесата на детската реч. София, Издателство “Тилиа”, 1995, 208 стр. (в соавторстве с В. Поповой).

Рец.: Ж. Колева. – Съпоставително езиковзнание, 1966, № 1, стр. 94 – 95. К. Г. Попов. – Демокрация, № 113/10.06.95 г., стр. 6. Гергана Дачева. – Българска реч, 1995; № 3, стр. 44 – 45; Генчо Пирьов. – Предучилищно възпитание, 1997, № 78, стр. 79 – 80.

1996

Рец.: Б. Ю. Норман. Грамматика говорящего. Санкт-Петербург. Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994. 230 стр. – Съпоставително езикознание. 1996, № 2, стр. 57 – 61.

За синтактичната структура на изреченията от типа “Вот дом” в руския език и техните съответствия в българския език. – Съпоставително езикознание, 1996, № 4, стр. 34 – 42; 1997, № 1, стр. 23 – 32.

1997

Благодарност и размисли по повод на рецензиите за книгата ни за детската реч от 1995 г. (в соавторстве с В. Поповой). – Съпоставително езикознание, 1997, № 4, стр. 124 – 128.

1998

Рец. на книгу: С. Бозова и др.. Лингвометодическое описание русской лексики и грамматики в свете болгарского языка. Под научным руководством И. Черввенковой и Т. Дорофеевой. София, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 1995, 143 стр. – Съпоставително езикознание, 1998, № 1 – 2, стр. 193 – 198.

1999

За най-хубавите преводи на “Евгени Онегин”. – Годишник на Софийския университет “Св. Климент Охридски”. Факултет по славянски филологии. Т., 1999, 65 стр. (в печати).

2003

Рец. на книгу: Константин Г. Попов. Типичные для болгар трудности в русском языке. 4-ое издание, переработанное и дополненное. София, Издательство ЛОДОС, 2002, 196 стр. – Съпоставително езикознание, 2003, № 3

II. Преводи филологической литературы

2002

Юрий Венелин. Грамматика на днешното българско наречие. София, Университетско издателство “Св. Климент Охридски”, 2002, 293 стр.

III. Редактиране

2002

Ангел Ил. Ангелов. Говорът на с. Мечка, Плевенско. Габрово, 2002, 360 стр.

Проф. Пенка Филкова

Когнитивное моделирование в лингвистике (конференция в Варне)

1-7 сентября 2003 г. в Варне состоялась **VI международная конференция** на тему: **“Когнитивное моделирование в лингвистике”**. Эта традиционная конференция впервые проводится на территории Болгарии, что дало возможность более широкому кругу болгарских участников присоединиться к работе.

Как обобщает редактор сборника трудов с докладами конференции В.Поляков, междисциплинарный характер проводимых исследований выкристаллизовывается в научный подход, который можно было бы назвать “использование когнитивной парадигмы в научном исследовании” (см. 8, 12). Серия сборников **“Обработка текста и когнитивные технологии”** (см. библиографию), в 8-ом выпуске которой помещены доклады настоящей конференции, прослеживает развитие русской когнитивной и компьютерной лингвистики.

В работе конференции принимали участие специалисты из разных областей – лингвисты, математики, логики, психологи, специалисты по компьютерным технологиям, и совместно искали точку пересечения для решения поставленных междисциплинарных проблем во время дискуссий по докладам и на круглом столе “Где границы когнитивной науки? Что такое понимание?”.

Были обособлены 7 тематических секций (программу и дискуссии можно найти на сайте русского журнала по формальной, компьютерной и когнитивной лингвистике <http://www.fccl.ksu.ru>, а также на сайте Кафедры русского языка Софийского университета Балканская русистика <http://www.russian.russian.org>):

1. Перцепция и метафора, здесь были представлены использование размеченного корпуса текстов при автоматическом синтаксическом анализе, а также метафорическое моделирование экономических понятий.

2. Лексическая и грамматическая семантика. В пленарном докладе В.Переверзева представлено металингвистическое моделирование естественного языка, а в докладах рассматривались когнитивное моделирование ментальных глаголов, энантиосемия, сохранение многозначных слов в ментальном лексиконе, синонимия, дискурсивные слова. В этой секции оживленную дискуссию вызвал доклад А.Кравченко о феноменологии и когниции в семантике русского *ЭТО*.

3. Речеведение. В.Подлеская, А.А.Кибрик представили методику корпусных исследований устной речи на материале записей детских сновидений, когда за помощью к лингвистам обратились врачи-психиатры и психологи. В.Баранников и А.Кибкало продемонстрировали современные достижения в области разработки автоматической системы распознавания русской устной речи. Рассматривались также моделирование просодической ритмической группы при синтезе татарской речи (Т.Ибрагимов и др.), английское слоговое деление (А.Корочков), лингвистические правила синтезирования от текста к звучащей речи (Р.Потапова).

4. Компьютерная и инженерная лингвистика. Здесь предложены крупные научные проекты параллельной обработки в когнитивной модели понимания естественного языка (В.Славова, Т. Куюмджиев), классификации задач поиска (В.Поляков), использование ресурса VERBNET для автоматического поиска семантических ролей (С.Хенсман), семантический анализ с помощью TREEBANK

(И.Богуславский, Л.Иомдин, В.Сизов, И.Чадрин), создание прикладной онтологии в анализе текстов (Н.Лукашевич, О.Невзорова).

5. Понимание. Е.Зарецкая говорила о важности ПОНИМАНИЯ в личной и социальной сферах. Другие доклады были посвящены когнитивному анализу художественного текста.

6. Дискурс и коммуникация – самая разнообразная по тематике и охвату секция. Научно-популярный дискурс сравнивался с научным текстом (А.Новиков, И.Богусловская). Метафора как когнитивная модель в лингвистическом научном дискурсе: образная форма рациональности (А.Плисецкая) отражает господствующее направление на данном этапе развития лингвистики. Концептуальные проблемы в вопросе организации тавтологического дублирования были рассмотрены на материале дублирования префиксов глаголов и предлогов в греческом языке (С.Хойдас). Ставятся культурные проблемы бизнес-коммуникации (Т.Бортникова), художественный монолог как пространство сопряжения прагматической и герменевтической программ высказывания (О.Гливенкова), жестовая рамка (В.Григорьева, И.Папулинова), интертекст на основе пре-текста (М.Михеев).

7. Типология и контрастивные исследования. В пленарном докладе В.Соловьева был представлен когнитивный подход к простому предложению с выделением в нем информативного центра. Семантико-прагматический интерфейс: аспект в русском и турецком языке (В.Зонненхаусер), глоттохронология и проблемы реконструкции праязыка (В.Кромер). Отмечается актуальность разработки семантической типологии на уровне синхронной полисемии (Анна Зализняк), семантика акциональности и межъязыковые различия (С.Татевосов), разнообразие в названиях растительных видов из рода ACER в болгарском и чешском языке (М.Калайджиева), концепт счастья в болгарском, русском и английском языках (К.Петрова) – среди тем, рассматриваемых на секции. Концептуализация мира в русских анекдотах не совпадает с русской языковой моделью мира (в фокусе анализа Е.Шмелевой и А.Шмелева – этнические стереотипы и взгляды на семейную жизнь).

8. Когнитивное моделирование бизнес-процессов. При анализе различных подходов к оценке рыночной стоимости компании оказывается, что качественные показатели имеют когнитивную природу (Л.Гималетдинова, М.Колбецкая). Стратегии и методы эффективного внедрения интегрированных систем управления зависят от “человеческого фактора” (М.Колобецкая, Ю.Стрешнева).

Среди основных проблем, решение которых ищут в “компьютерно-лингвистической общности” и на этой конференции: развитие и стандартизация лингвистических компонентов интеллектуальных систем, корпусные исследования, новый этап лексикографических исследований и разработок и проблема “русифицирования” лексической онтологии WordNet и дальнейшего развития с опорой на когнитивную парадигму, попытки создания единой междисциплинарной теории понимания, возникновение новых междисциплинарных областей исследования на основе когнитивного симбиоза, например генной лингвистики (см. 8, 13-15).

Серия сборников, содержащих доклады **международных конференций по когнитивному моделированию в лингвистике**, вышла под общим названием “**Обработка текста и когнитивные технологии**”. Издано восемь сборников этой серии (которые доступны нам):

1. Сборник под ред. Потаповой Р.К., Вып.2. Москва, Пушкино, 1999. 132 с.
2. Сборник под ред. Соловьева В.Д., Вып.3. Пушкино, 1999. 304 с.

3. Сборник под ред. Потаповой Р.К., Соловьева В.Д., Полякова В.Н. Вып.5. Москва, 2001. 297 с.
4. Сборник под ред. Соловьева В.Д., Полякова В.Н. Вып.6. Казань, 2001. 201 с.
5. Сборник под ред. Соловьева В.Д. Вып.7. Казань, 2002. 320 с.
6. Сборник под ред. Соловьева В.Д., Полякова В.Н. Вып.8. Варна – Москва, 2003. 531 с.

Красимира Петрова

Международная конференция МАПРЯЛ на тему: “Европейская русистика и современность” или “Русское слово в изменяющейся картине мира”

С 10 по 13 сентября 2003 г. в польском городе Познань состоялась X Международная конференция МАПРЯЛ на тему: “Европейская русистика и современность” или “Русское слово в изменяющейся картине мира”. Прибыло более 200 участников со всех концов Европы, Канады, Казахстана и Узбекистана. Обсуждались новые возможности и перспективы сотрудничества в области русистики. На торжественном открытии конференции участников приветствовали ректор университета им. Адама Мицкевича, представитель Министерства образования Российской Федерации Л.Гребнев, а также генеральный консул России в Познани Ал.Яковенко.

Директор Института русской филологии Антони Маркунас прочитал вступительное слово. В своем приветствии к участникам конференции Леонид Гребнев заявил, что “русский язык продолжает быть инструментом межнационального диалога. Если мы будем использовать язык только при купле-продаже – этот путь нас приведет в никуда ...”, а генеральный консул России Александр Яковенко подчеркнул, что “русский язык в Польше переживает своеобразный ренессанс”.

Во время пленарного заседания проф. Анатолий Щукин из Института русского языка им. А.С.Пушкина докладывал о “Состоянии и перспективах развития методики РКИ в свете решений X конгресса МАПРЯЛ”. Он сообщил участникам конференции, что следующий конгресс МАПРЯЛ состоится в Болгарии в 2007 г.

Большой интерес вызвал доклад Стефано Алоэ из Университета г.Вероны (Италия) на тему: “От Высоцкого до Круга: блатное слово в изменявшейся картине мира русского общества”. Еще больший интерес вызвала демонстрация нового русского информационного сайта, предложенного Александром Смолянским из Москвы. После пленарного заседания участники конференции продолжили свою работу в четырех секциях: по языкознанию, литературоведению, культурологии и лингводидактике. Непосредственно после каждого доклада проводилась дискуссия. Конференция прошла на очень высоком научном уровне. Организаторы во главе с председателем оргкомитета Войчихом Каминским создали все необходимые условия для успешной работы. Все научные материалы конференции будут опубликованы в сборнике Познаньского университета.

Екатерина Солнцева–Накова

Международная научная конференция на тему: ”Славянский мир в условиях глобализации”

С 3 по 7 декабря 2003 г. в Национальном дворце культуры в Софии была проведена Международная научная конференция на тему: “Славянский мир в условиях глобализации”. Конференция была организована по инициативе фонда “Славяне” и при содействии международной ассоциации “Славянская культура, образование и наука”.

Для участия в конференции были приглашены выдающиеся ученые, исследователи и специалисты по проблемам славянства и глобализации из Армении, Румынии, Македонии, России, Белоруссии, Сербии и Черногории, Греции, Украины, Молдавии.

Прочитанные доклады охватывали следующую проблематику:

1. Славянское духовное наследие в третьем тысячелетии. Новые надежды.

Европа – очаг древней и новой культуры (Дело Кирилла и Мефодия – духовный мост в Европе).

2. Славянство в условиях глобализирующегося мира.

Глобализация, информационное общество и экономическая технократия – апокалипсис или начало нового развития.

Европейский Восток и Запад – проблемы интеграции.

Славянство и объединяющаяся Европа – вызов и перспектива.

Болгария – социально-политические измерения настоящего; надежда на будущее.

3. Образ славянства в современной панораме мира.

Славянские культурные общности и их роль в мировом духовном развитии .

Историческая роль славянских культур и славянского искусства в борьбе против ассимиляторских тенденций.

Общественные науки в славянском мире (философия, психология, этика и др.).

Конференция была открыта Председателем фонда “Славяне” проф. Захариевым, который отметил, что “она вызвала широкий общественный интерес и получила высокую оценку всех институций. Идея этой международной конференции получила поддержку ЮНЕСКО. Деятельность международной ассоциации “Славянская культура, образование и наука” будет активизирована. Этот форум сыграет решающую роль для академического общения в переломный момент развития европейской цивилизации. Славянская общность является одним из ферментов во время этого цивилизационного перехода”.

Были прочитаны приветственные послания ко всем участникам конференции от генерального директора ЮНЕСКО г-на Мацуры, от премьер-министра Болгарии г-на Симеона Сакскобургготского и от председателя Народного Собрания Огняна Герджикова. От имени министерства иностранных дел приветственное слово министра Соломона Паси прочитал Димитр Икономов. В нем подчеркивается, что “славянство является чрезвычайно богатой идеями и концепциями общностью”.

Было прочитано также приветственное слово г-на Н.Свинарова – председателя оперативного организационного комитета в связи с 125-ой годовщиной освобождения Болгарии от турецкого ига.

Г-жа Стоянка Почеканска прочитала приветственное слово министра образования, в котором говорится, что “МОН поддерживает этот форум с убеждением в его пользе”, после чего участники конференции приступили к деловой части.

В этом международном научном форуме приняло участие более 120 человек, из которых 26 – гости из-за рубежа. Было прослушано 58 докладов (не считая кратких научных сообщений). Определенно можно сказать, что осуществлен первоначальный замысел. Был дан толчок для дальнейшего исследования славянства и для исследования славянства и для развития интеграционных связей между славянскими странами и отдельными славистическими центрами. Были созданы условия для личных контактов между учеными из разных славянских стран, хотя из-за экономического, социального и духовного кризиса, в котором все еще находится болгарское общество, возможности для полноценного научного общения между представителями интеллектуальной общности являются ограниченными.

Перед тем как закрыть конференцию, проф. Захариев выразил надежду на то, что “актуальная тема этого форума превратится в своеобразную отправную точку для будущих встреч. В следующем году будут инициированы следующие международные встречи с другими славянскими народами, находящимися в состоянии цивилизационного перехода. Продолжается движение геополитических пластов бывших социалистических стран, что ставит новые вопросы на повестку дня.”

Доклады всех участников конференции будут опубликованы в специальном сборнике.

Екатерина Солнцева–Накова

XVII ОЛОМОУЦКИЕ ДНИ РУСИСТОВ, или история славистических исследований в моравском Оломоуце

Оломоуцкая славистика имеет давние, хотя в силу разных исторических событий и прерывающиеся традиции. Университет в Оломоуце был основан уже в 1573 году, однако начало славистических исследований там относится только к 80-ым годам XVIII века, когда должность проректора Богословской семинарии занимал *Йозеф Добровский*. С 20-ых годов XIX столетия славистика и богемистика изучались в так называемой Сословной академии и на теологическом факультете университета. Однако после 1848 года они были надолго изгнаны из программ оломоуцких школ. Только в 1919-1937 годах славистику начинают преподавать на теологическом факультете.

История послевоенной оломоуцкой русистики связана с Семинаром по славянской филологии, организованном на философском факультете обновленного университета уже в 1946 году. В рамках данного семинара проходили занятия по славянским языкам: чешскому, польскому, сербохорватскому и словенскому, а также по русскому языку. В 1948 году Семинар по славянской филологии преобразуется в Институт славянской филологии, обслуживающий и другие факультеты. В 1950 году Институт был преобразован в кафедру славистики философского факультета. На общей славистической основе в качестве самостоятельного подразделения выделилась кафедра чешского языка и литературы, а на кафедре славянской филологии доминирующим стало отделение русистики во главе с его основателем *Богуславом Илеком*. В 1953-1958 годах русистика как специальность изучалась в Педагогическом институте. Оломоуцкая русистика связана с именами ведущих представителей чехословацкой славистики и русистики: *Антонином Досталом, Богуславом Илеком, А. В. Исаченко, Рудольфом Зимеком и Антонином Вацлавиком*. Здесь работали также *Карел Горалек, Отто Франтишек Баблер, Франк Вольманн, Богуслав Гала, Борживой Новак, Гелена Кржижкова* и другие.

Статус самостоятельной кафедры философского факультета Университета имени Палацкого русистика получила в 1966 году. Ее заведующим был *Мирослав Заградка*, с 1991 года – *Владимир Костришица*, а с 1998 года – *Ева Выслоужилова*. В 1994 году русистика объединилась с полонистикой и название кафедры изменилось, она стала называться кафедрой славистики. В настоящее время на кафедре существуют три отделения: русистика, полонистика и украинистика.

С 1968 года кафедра издает ежегодный сборник *Rossica Olomucensia*, общее количество выпусков которого достигло 41.

С 1976 года кафедра организует Оломоуцкие дни русистов. Сначала это был семинар для учителей средних школ, затем семинар приобрел статус международной конференции лингвистов, дидактов, фразеологов и литературоведов под эгидой МАПРЯЛ и Чешской ассоциации русистов. В 2003 году (25 – 27 августа; конференция традиционно организуется в конце августа) Оломоуцкие дни проводились уже в семнадцатый раз. Общей темой конференции стали на сей раз “*Национальные исследования русского языка и литературы в контексте европейской русистики*”. После пленарного заседания участники конференции работали в четырех секциях – литературоведческой, лингвистической, лингводидактической и фразеологической, каждая из которых выдвинула свою частную тему. Литературоведы – “Феномен города в русской и европейской литературе”, лингвисты – “Текст как объект лингвистического исследования”, лингводидакты “Диалог культур в иноязычном общении – настоящее и

будущее” и фразеологи – “Диахроническое исследование русской фразеологии в контексте славянских и других европейских языков”. В этом году в Оломоуц съехалось около ста ученых и специалистов из 14 стран мира (Российская Федерация, Польша, Украина, Словакия, Чешская Республика, Венгрия, Сербия, Хорватия, Белоруссия, Великобритания, Германия, Латвия, Литва, Казахстан). Материалы конференции публикуются в полном виде в упомянутом выше сборнике *Rossica Olomucensia*.

Следующие Оломоуцкие дни состоятся в 2005 году, и мы рады будем приветствовать всех желающих участвовать в этом научном мероприятии в нашем живописном городе.

д-р Ладислав Воборжил
секретарь кафедры славистики
Оломоуцкого университета

Национална научна конференция “Руският литературен канон – XVIII-XXI век”

На 4 декември 2003 г. в Института за литература (БАН) се проведе национална научна конференция “Руският литературен канон – XVIII-XXI век”. Проявата е заключителна част от работата върху тригодишен изследователски проект (“Руският повествователен канон”) на секция “Руска литература”, ръководен от ст.н.с. II ст. Христо Манолакев.

След кратко въстъпително слово Христо Манолакев даде думата на ръководителя на секция “Руска литература” проф. д.ф.н. Стоян Илиев. В доклад на тема “А.Ф.Лосев и Вл.Соловьев” проф. Илиев сподели впечатления от личните си срещи с Алексей Лосев, както и малкоизвестни обстоятелства около издателската съдба на очерка му за Вл.Соловьев (1983) в СССР и България (в периода 1983-1989). Той посочи съществено-общото във философията на “учител” (Соловьев) и “ученик” (Лосев): интелектуалният патос за изграждане на система на “цялостното знание” и изповядването на философията като професионално и интимно дело.

Ст.н.с. II ст. Радослава Илчева (БАН) проследи функционирането на името “Евгений” в два централни текста на А.С.Пушкин, романа в стихове “Евгений Онегин” и поемата “Медният конник”, в светлината на битовия и литературния узус от XVIII-началото на XIX в. и на семантиката на произведенията. Тя постави въпроса за наличието на “антропонимичен дискурс” в художествения текст, определян от мрежа от критерии в авторския избор на име на персонажа и обхващащ всички имена (а не само очевидно-“значещите”).

Доц. Николай Нейчев (ПУ) изтълкува двата типа драматургия, изграждащи “Борис Годунов” и “Малките трагедии” на Пушкин и извеждащи на сцената видима статика и, съответно, динамика, в светлината на авторската историософия. Нейчев разгледа дадените текстове като съзнателно моделиращи два типа отношение между “профанна” и Свещена история, два типа себепоставяне на човека в тях, както и историческото битие на два културни кръга – православния и западно-европейския.

Росица Колева (докторант, ШУ) разгледа мястото на книгата, вестника и рекламата (текст и вещен артефакт) като ценност в произведенията (публицистични и художествени) и литературния бит на Н.В.Гогол. Колева се отгласна от възгледа за остойносттаващата сила на “четящия човек” във фикционалните светове; за да “прочете” Гогол, потърси идеологическия и художествен контекст на романтизма и пост-модернизма – в генетичен и в съпоставителен план.

Доц. Дечка Чавдарова (ШУ) се спря на евристичността на различни литературоведски програми и парадигми с оглед на предлагана “реабилитация” на “демитологизирано” литературно-историческо клише, каквото е “натуралната школа” (обозначава явление в руската литература от втората четвърт на XIX в.).

Докладът предизвика оживена дискусия върху “(де)митологизациите” в писането на история на литературата, дейно участие взеха Людмил Димитров (СУ), Д.Ч. и Хр.М. Обърнато бе внимание на аналогично обсъждане, проведено се наскоро в руската специализирана периодика, на специфичната въвличеност на дисциплината в преподаването на литературата като родна и като чужда.

Ст.н.с. II ст. Христо Манолакев проследи пътя на Свидригайлов от романа на Ф.М.Достоевски “Престъпление и наказание” към самоубийството в диалог с идеята за

две сюжетни линии в романа и в контекста на “мъжкото” самоубийство в руската литература от XIX в. Актуалните в “линията на Свидригайлов” актове на житейски избор имат значението на “парадигма” за осъществяването на “линията на Разколников” (изведена на преден план в романа). Докладващият се запита: защо Свидригайлов търси официални свидетели на последната си постъпка?

Гл. ас. д-р Людмил Димитров постави въпроса защо съвременната руска литература разчита предимно на изразните възможности на криминалния жанр. Той потърси отговора в перспективата на отсъствието в руската литература от XIX-XX в. на “класическа любовна история”. “Кримката”, според Димитров, замества и самоанализа в съвременната руска литература; тя е също и успешен, и по същество пазарен продукт.

Йордан Люцканов (докторант, БАН) помести стихосбирката на Н.С.Гумилъв “Шатра” в историята и типологията на “паломничеството” в руската литература. Той постави въпроса за адекватността на наличната в произведението възприемчивост към типове художествени форми спрямо една изкуствоведска “революция” от епохата на модернизма (на П.Флоренски), както и за преодоляването на “ориентализма”.

Петър Трендафилов (докторант, ШУ) разгледа взаимодействието между “историческо” и “митологическо” време, между “персонализъм” и “есенциализъм” в осмислянето на историята в прозаичните и лиро-епични произведения на В.В.Хлебников. Докладващият се спря на някои идеологически моменти в историософската система на поета (типологичната близост, а вероятно и “генетичното” предхождане спрямо “евразийството” и “космизма”), както и на моменти от поетиката.

Ст.н.с. II ст. Радостин Русев се запита какво става с героя на съвременната руска литература – и нему ли предстои да умре (подобно на автора)? Русев отбеляза етапи в изменението му, проследявано в параметрите на съществуване като конструктор на езика - и на битиен център на художественото виждане. Русев посочи постепенно връщане към теми от реалистичното и модернистично изкуство (за “малкия човек” и др.), надмогване на деструктивизма, търсене от героя на собствена идентичност, пък макар и покояща се на разпокъсано съзнание.

Конференцията продължи с подновяване на дискусията, предизвикана от изложението на Дечка Чавдарова. Участие взеха Д.Ч., Л.Д., Хр.М., Ст.Ил., доц. Ирина Захариева (СУ; от гостите). Прозвучаха следните тези и въпроси: “Най-лесно се пише за литературна история тезисно”; “Има ли пост-модернизъм без класически канон?”; “Канонични в *българската* литература са старобългарският период и Възраждането”; “Едни и същи ли са читателите на “сериозна” и “несериозна” литература (ако е правомерно разграничението)?” и др. Постигнато бе съгласие за провеждане на конференция на примерна тема “Митологизации и демитологизации в руската литература”.

Йордан Люцканов

Встреча софийских учителей с представителями издательств и авторами новых учебных пособий по русскому языку

28 ноября 2003 года в Русском культурно-информационном центре в Софии состоялась встреча преподавателей русского языка средних школ г. Софии с представителями издательств и авторскими коллективами новых учебных изданий по русскому языку. Встреча была организована Региональным инспекторатом по образованию в г. Софии при поддержке Министерства образования и науки Болгарии, Русского культурно-информационного центра и Ассоциации болгарских книгоиздателей.

На встрече были представлены три новых учебных комплекса для II класса, написанных по новым учебным программам и одобренных МОН: “Росинка” – учебный комплекс издательства “Булвест 2000”; “Карусель” – учебный комплекс издательства “Летера” и “Солнышко” – учебный комплекс издательства “Просвета”.

О своих замыслах и их реализации, о трудностях и достижениях при создании этих новых комплексов для самых младших школьников рассказали представители их авторских коллективов – госпожа Лиляна Изворска о “Росинке”, госпожа Снежана Пейчева о “Карусели” и госпожа Наталия Канчева о “Солнышке”.

Планы и цели издательства “Просвета” в связи с изучением русского языка в средней школе и уже изданные учебные пособия по русскому языку представила редактор издательства “Просвета” Христина Грозданова.

Вновь слово было предоставлено авторам новейших изданий. О новой серии “Диалог с Россией” издательства “Булвест 2000” интересно рассказала преподаватель 73 Средней школы и соавтор учебника Елена Димитрова. Со структурой и возможностями использования в учебном процессе в старших классах пособия “Матура за отличен – руски език” издательства “Просвета”, в который включены разнообразные материалы в тестовой форме по русскому языку, присутствующих ознакомила госпожа Галина Лилова – старший эксперт по русскому языку в РИО в г. София.

Следуя требованиям жизни и обеспечивая преемственность в изучении русского языка, все более активно начинают сотрудничать средняя и высшая школы в Болгарии. Поэтому особый интерес среди учителей старших классов вызвали издания высших школ. Преподаватель Софийского университета Елена Раденкова представила интересный “Сборник текстов для изложений”, выпущенный издательством “Дамян Яков”. А Пловдивское университетское издательство было представлено двумя пособиями – “Пособие по аналитическому чтению” и “Пособие по переводу”, о которых рассказала их соавтор госпожа Грета Косева. Представитель издательства “Велес” госпожа Райна Миленова напомнила о новом пособии для студентов экономических специальностей “Русский язык – деловое общение” в области туризма, разработанное преподавателем УНСС Наталией Бояновой.

В неформальных разговорах учителя города Софии имели возможность выразить свои впечатления и первоначальный опыт работы по новым учебным пособиям, передать авторам свои пожелания и рассказать о достижениях и потребностях учеников, изучающих русский язык в средней школе.

Такие встречи, традиционно проводившиеся до 2001 года, способствуют лучшей ориентации учителей при выборе учебников и учебных пособий для работы в школе. С другой стороны, они информируют издательства о потребностях средней школы в обеспечении разных потоков учащихся учебными пособиями по русскому языку и о реальных запросах учителей и учеников в процессе обучения русскому языку в средней школе.

“РУСИСТИКА ВСЕГДА ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ ЛУЧШЕ ПОД КРЫШЕЙ СЛАВИСТИКИ”

В декабре 2003 г. в Софии состоялась Международная научная конференция на тему “Славянский мир в условиях глобализации”, на которой присутствовал проф., д.ф.н. Боголюб Станкович, председатель Славистического общества Сербии, главный редактор журнала “Славистика”. С ним встретила преподавательница Софийского университета Ценка Досева, и между ними состоялась беседа.

1. Проф. Станкович, как вы оцениваете состояние славистики и, в частности, русистики в Сербии?

Не может быть интеграции Европы без интеграции славянства. Пренебрегать сотрудничеством с соседями нельзя. К сожалению, идея славянства, солидарности сейчас на втором плане. В мировых масштабах изучение славянских языков находится в своего рода застое. Именно это было отмечено и на последнем, XIII Международном съезде славистов в Любляне, где было принято специальное обращение к общественности и к правительственным инстанциям: необходимо, чтобы славянские языки изучались в большей степени и в Европе, и в самом славянском мире. Съезд в Любляне прошел на очень высоком уровне. И на нем прозвучали идеи славянской взаимности. Для иллюстрации скажу следующее: на Съезде некоторые из хорватских лингвистов, работающих в настоящее время на Западе, горячо отстаивали единство сербскохорватского языка – сербского, босняцкого и хорватского. Это они подкрепляют не только лингвистическими фактами, но и следующим аргументом: когда славянские народы объединены, они становятся культурно-историческим фактором.

На фоне такой ситуации в мире положение славистики и в Сербии не является таким, каким мы желали бы его видеть. На телевидении, на радио, в печати, а в последние годы особенно, затрагивается мало славянских тем. К сожалению, о славянстве, о том, что происходит среди славянских народов, мы узнаем немного. Нет славянских фильмов, мало переводов. С другой стороны, и к родному языку в Сербии относятся небрежно. Кириллица почти полностью вытеснена с улиц Белграда, все написано на латинице – притом не просто на латинице, а на иностранном языке. Странно, для кого это предназначено. На кириллице печатаются некоторые газеты, например, “Политика”, которой исполнилось 100 лет. Телевидение пользуется, в основном, латиницей. Существует, правда, общественное движение в защиту кириллицы, публикуются открытые письма читателей. Вообще, отношение к родному языку странное, неуважительное, как и отношение к межславянскому двуязычию. Резко уменьшилось количество учеников, изучающих русский язык.

В школах русский язык начинают изучать по выбору с I класса (раньше было – с III класса). Созданы учебники для I класса, готовятся учебники и для второго. Второй иностранный язык начинают изучать с четвертого класса. Мы пишем учебники и пособия по русскому языку и надеемся, что отношение к себе самим, к своему родному языку, своей культуре, к своим корням изменится к лучшему. Тогда улучшится и отношение к русскому языку и славистике.

Есть еще один позитивный фактор – предмет “Закон Божий”. Начиная с I класса ученики могут выбирать из двух предметов: гражданское воспитание или Закон Божий. Большинство учеников выбирают Закон Божий. Фактор Православия будет иметь, по нашему мнению, большое значение. Разумеется, сильным мотивирующим фактором мы считаем общее культурное и историческое наследие русского и сербского народов.

Мы оптимисты и надеемся, что и экономический фактор сыграет свою роль. Российский рынок для нас имеет особое значение. Российский капитал заметно присутствует в Сербии. И это реальность: например, количество российских туристов увеличилось.

Перечисленные мотивирующие факторы, однако, все еще недостаточны. Но мы уверены, что своей деятельностью мы в какой-то степени приостанавливаем волну полного отказа Сербии от славянства вообще, и от России, в частности. В этом большая роль принадлежит Славистическому обществу Сербии, созданному в 1948 году.

2. Как организованы сербские русисты?

Наши русисты являются членами Славистического общества Сербии. Русскому языку в Сербии приходилось и приходится добиваться успехов в острой конкуренции с западными языками. Мы естественным путем отвоевали свое место в лингвистическом пространстве Сербии.

Вот уже 42 года Славистическое общество Сербии ежегодно в январе-феврале проводит славистические конференции, в которых принимают участие преимущественно русисты – университетские и школьные преподаватели. На этих конференциях поднимаются проблемы, касающиеся нашего общества, вопросы популяризации русского языка и культуры в Сербии. В этом мы интенсивно сотрудничаем с международными организациями, в первую очередь с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы. Проводятся традиционные симпозиумы под эгидой МАПРЯЛ на тему “Сопоставление русского языка и других славянских и неславянских языков”. В июне 2004 г. пройдет VI Международный симпозиум “Проекты по сопоставительному изучению русского и других языков”.

Семь лет назад мы начали издавать ежегодник “Славистика”. В 2001 году в нем было опубликовано обращение Славистического общества к сербской общественности, в котором обоснована необходимость изучения русского языка. Эта резолюция-обращение имела колоссальный эффект. При поддержке других славистов нам удалось тормозить тенденции спада интереса к русскому языку.

3. Какую поддержку получает сербская славистика со стороны образовательных и культурных институций?

Славистическое общество Сербии организует научные и методические мероприятия. Министерство науки поддерживает научную деятельность общества, оказывает финансовую помощь при публикации докладов. Российский центр науки и культуры “Русский дом” в Белграде помогает нам при проведении всех научных мероприятий. Так, ежемесячно в “Русском доме” проходит наш семинар для школьных преподавателей русского языка. Его темы диктуются актуальными практическими и теоретическими проблемами при изучении русского языка. Выступить мы приглашаем лучших преподавателей из университетов и из школ. Мы проводим и специальный семинар по повышению квалификации учителей, так называемую пятидневную зимнюю школу, опять-таки в сотрудничестве с “Русским домом”. В феврале 2004 г. зимняя школа будет организована в рамках конференции “Славистика и славянство от

Первого сербского восстания до наших дней”. В работе семинара примут участие два преподавателя московского Института русского языка им. А.С. Пушкина. Солидную финансовую поддержку нам оказывает и Филологический факультет Белградского университета.

4. Кроме Белграда, какие еще центры русистики существуют в Сербии?

Исследования в области русистики ведутся в Нови-Саде, в Нише и в Косовска-Митровице. В Нишском университете в 2000 г. была открыта кафедра славистики и балканистики, на которой будущие преподаватели четыре года изучают русский язык, а в качестве второго славянского языка могут изучать болгарский язык. В Нише болгарский язык изучают также студенты сербистики.

Основной центр славистики – в Белграде, где на кафедре славистики есть следующие специальности: русский, польский, чешский, словацкий и украинский языки и литературы. Любой специалист кафедры может стать членом Славистического общества. Русистика всегда чувствует себя лучше под крышей славистики!

5. Русисты кафедры славистики Белградского университета хорошо известны в Болгарии. Над какими проблемами они работают?

Кафедру славистики в Белграде возглавляет проф. Предраг Пипер. Он читает курсы по введению в славяноведение и по грамматике русского языка, почти все уровни. Радмило Мароевич читает лекции по истории русского языка и по морфологии современного русского языка, Милана Радич-Дугонич – по лексикологии и морфологии русского языка, а Вучина Раичевич – по методике преподавания русского языка. Практические занятия по русскому языку ведут семеро наших преподавателей, а также три преподавателя из России. Я занимаюсь сравнительным языкознанием с аспирантами. Русской литературой на кафедре славистики занимаются два профессора: Зоран Божович и Корнелия Ичин, а также три преподавателя.

6. Проф. Станкович, нам известно, что у Вас богатая научная деятельность. Над чем вы работаете в последние годы?

Я являюсь редактором Большого русско-сербского словаря и целого ряда учебных словарей (русско-сербских и сербско-русских), практической грамматики русского языка, ряда учебников по русскому языку для средней школы, а также автором двух монографий и многих статей; редактировал несколько сборников докладов научных конференций. В последнее время я интенсивно работаю над Большим сербско-русским словарем; возглавляю оргкомитет конференции “Славистика и славянство от Первого сербского восстания до наших дней”, которая состоится 10-12 февраля 2004 г., а также оргкомитет симпозиума МАПРЯЛ, который пройдет в июне этого же года. В февральской конференции примут участие гости из Македонии, России, Сербии, Словакии, Словении, Украины, Японии и др. Будет вручена награда им. Павле Ивича за 2003 год.

7. Проф. Станкович, в прошлом году мы заключили соглашение о совместной деятельности Общества славистов Сербии и Общества русистов Болгарии. Мы надеемся, что наше сотрудничество будет развиваться и впредь.

Договор о сотрудничестве успешно реализуется. Вот и мое участие в работе конференции “Славянский мир в условиях глобализации”, как и этот разговор с Вами являются подтверждением сказанного. Наше сотрудничество продолжится участием болгарских русистов в симпозиуме МАПРЯЛ в Белграде в начале июня 2004 года, а затем и на остальных научных конференциях как в Сербии, так и в Болгарии. Все это позволит нам публиковать больше информации о болгарской русистике в нашем журнале “Славистика”, и я надеюсь, что и в “Болгарской русистике” сообщения наших русистов будут иметь место. Я уверен, что Славистическое общество Сербии сможет оказать особую помощь болгарским русистам в подготовке XI Конгресса МАПРЯЛ. Эти возможности следует подробно обсудить с организаторами Конгресса, и я надеюсь, что нам удастся это сделать в ближайшее время. Сербские русисты очень рады, что следующий конгресс МАПРЯЛ пройдет в Болгарии, и они уже сейчас готовятся приехать к вам в гости.

НЕВЕНА ПЧЕЛАРОВА-ТОДОРОВА 1931-2003

3-го января 2003 года ушла из жизни Невена Пчеларова-Тодорова. Вся ее сознательная жизнь была связана с пропагандированием русской культуры, с созданием и совершенствованием учебников и учебных пособий по русскому языку.

Невена выросла в семье учителей и еще в детстве прониклась любовью к учительской профессии. Окончив Софийский университет по специальности русская филология, Невена Пчеларова поступила на работу в издательство “Народна просвета”, став редактором учебников русского языка. В этом издательстве она проработала более 40 лет, пройдя путь от рядового сотрудника до заведующей редакцией русского языка. Коллеги по работе высоко ценили и уважали Невену Пчеларову за ее профессионализм и скромность, за тактичность и отзывчивость, за умение работать с авторами. Заведуя редакцией, она умела создать ту атмосферу доброжелательства и дружеской взаимопомощи, которая так необходима в творческой работе. Ее советы принимались авторами с уважением и благодарностью.

Любовь к русскому языку и культуре, к преподавательской работе Невена Пчеларова передала и своей дочери Людмиле, которая избрала для себя многотрудную учительскую профессию.

Последние несколько лет Невена Пчеларова работала в редакции “Болгарская русистика”, а также в издательстве “Булвест”, где оказывала неоценимую помощь в подготовке новых учебников русского языка для I – IV классов.

Невена Пчеларова принимала активное участие в подготовке всех конгрессов МАПРЯЛ, проводившихся как в нашей стране, так и за рубежом.

За высокий профессионализм, за большой вклад в изучение русского языка и культуры Невена Пчеларова была удостоена ряда наград, в том числе ордена Кирилла и Мефодия II степени.

Невена Пчеларова была человеком большой души, жизнерадостным, доброжелательным и отзывчивым. Добрую память о ней надолго сохранят все, кто ее знал.

От близких, друзей и коллег